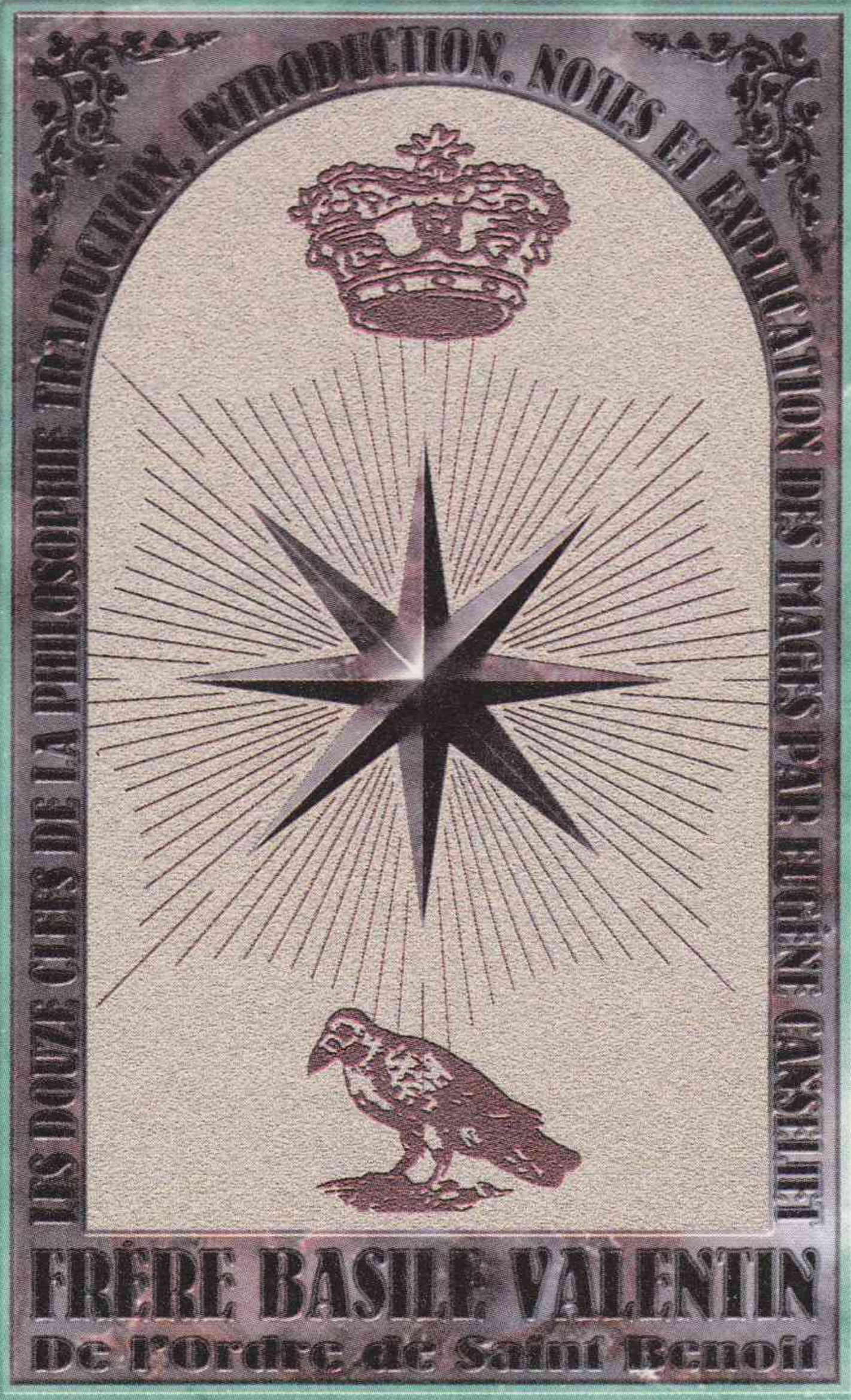
ВАСИЛИЙ ВАЛЕНТИН

ДВЕНАДЦАТЬ КЛЮЧЕЙ МУДРОСТИ

FRÈRE BASILE VALENTIN

De l'Ordre de Saint Benoit

Серия

Наследие веков: Восток — Запад

FRÈRE BASILE VALENTIN
de l'Ordre de Saint-Benoit

LES DOUZE CLEFS DE LA PHILOSOPHIE

Traduction, Introduction, Notes
et Explication des Images
par
EUGÈNE CANSELIET

БРАТА ВАСИЛИЯ ВАЛЕНТИНА

БЕНЕДИКТИНЦА

ДВЕНАДЦАТЬ КЛЮЧЕЙ МУДРОСТИ

переведенные, снабженные введением,
замечаниями и истолкованием образов
в исполнении Эжена Канселье

Беловодье

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Москва, 1999

ББК 86.42
В15

Василий Валентин
Двенадцать ключей мудрости.
Пер. с франц. — М.: Беловодье, 1999. — 304 с.

Средневековый алхимический трактат, изданный и прокомментированный Эженом Канселье, одним из немногих наследников алхимической традиции в XX веке, повествует о взаимодействии духовной и физической реальностей в символике металлов и минералов. В трактате в иносказательной форме также изложены сакральные основы королевской власти в Европе. Имя Василия Валентина стоит в одном ряду с Парацельсом, Николаем Фламелем, Иоганном Валентином Андреа, Фулканелли. В послесловии сделана попытка осознания основ «Великого Делания» с точки зрения Восточноправославной традиции, а также сравнительный анализ алхимической символики и русской сказки.

© Издательство *"Беловодье"*, 1999
© Перевод с французского
и примечания В.К.

ISBN 5-88901-014-X

Altius resurgere spero gemmatus.
Enrichi de pierres précieuses, j'espère renaître haut.
Nacte amino! ultima perfulget sola!
Courage, à merveille! seule elle brille la dernière!

VILLIERS DE L'ISLE-ADAM — *Axël.*

Богат камнями драгоценными,
Я жду рожденья высочайшего.
Душой мужайся, это диво!
Сияет лишь Она, последняя!

ВИЛЬЕ ДЕ-Л'ИЛЬ-АДАМ

ВВЕДЕНИЕ

Среди книг Василия Валентина Великий Камень Древних и Двенадцать Ключей *более остальных связаны с самыми основами герметической науки, которую также именуют чистой алхимией. Само явление его трактата при крайне необычайных обстоятельствах на грани фантастики и реальности по некоему философскому или же непосредственно Божественному велению придает книге некий чудесный характер, часто сопутствующий обретению традиционного Ведения.*

Олаф Боррих (Olaus Borrichus), датский химик, ботаник и филолог в своем небольшом посмертном сочинении кратко указывает на сверхъестественное происхождение трактата Василия Валентина, «монаха Ордена Святого Бенедикта, ставшего сегодня знаменитым, однако, совершенно неизвестного до его смерти и долгое время после, пока ударом молнии внезапно не была рассечена одна из колонн монастыря в Эрфурте, внутри которой оказалась его рукопись». *Далее ученый говорит о находке так:* «Во всяком случае, ея содержание, распространившееся в народе прежде всего через рисунки, не было основано ни на каком предшествовавшем авторитете» [1].

[1] Benedicti ordini Monachus, notissimus scri ptor hodie, sed qui diu a morte sua doctis tandem coepit innotescere, aperta, ceu perhibent, per ictum fulminus columnaTempli Erffurtensis, in cujus medio diffracto scri ptum hejus hactenus delituerat. Sed & haec, utcunque, in vulgus etiam Typorum ministerio sparsa, nullius certa nituntur auctoritate. (Olai Borrichii. *Conspectus Scriptorum illustrorum Libellus posthumus*, Havniae, 1697, p.30, XXXXIV.)

NOTA BENE — В дальнейшем мы будем приводить отрывки латинских вариантов всего корпуса текстов в случаях, если французский их перевод отсутствует или неадекватен.

Если Боррих особо ценит «это творение прежде всего за его истинное, полное достоинства, чистого золота рассуждение» [1], *то мы, в свою очередь, не можем скрыть своей особой нежности, испытываемой к этому трактату. По прошествии многих лет мы храним память о безмерном почитании Василия Валентина нашим старым мастером Фулканелли, считавшего его своим первым посвятителем. Для нас, следующих по пути, указанному нашим Мастером в его главном труде* [2], *представляется счастливым подарком принятое господами Линдоном и Ламбрихсом, владельцами* издательства «Полночь» (Editions de Minuit), *решение выпустить в свет* «Двенадцать Ключей», *драгоценный Труд, являющийся к тому же книжной редкостью.*

Сегодня, увы, невозможно, по причине трудности его восприятия, воспроизвести первый французский текст, выдержавший три парижских издания: его все равно следовало бы сделать удобочитаемым. Предыстория нашего варианта текста такова. Братья Перье, Иеремия и Кристоф (Jéremie et Christophe Périer) в 1624 году осуществили первый перевод трактата с немецкого на латынь, а затем с латыни на французский, как они сами пишут в своем Послании барону дю Понту (du Pont). В 1660 году Пьер Моё (Pierre Moët) при переиздании книги заменил предисловие своим и присовокупил стихи знаменитого дворянина (chevalier) Дигби на изображение Феникса, принадлежащее Иеремии Перье, которое Моё бесстыдно выдал за собственное, поставив свои инициалы, что, при всем том, оказалось несомненной похвалой графическому таланту г-на Перье. И, наконец, в 1741 году Гийом Сальмон (Guillaume Salmon) при участии Андре Кайо (André Cailleau) в третьем томе Библиотеки Химических Философов (Bibliothéque des Philosophes Chimique) *воспроизвел все тексты, обработанные его предшественниками, полностью. Однако, он, к сожалению, изъял иконографию, разрушив этим гармонию всего корпуса.*

[1] Scri ptum i psum omnibus fere germanum, vereque, aureum aestimatur (Borrichii, *Conspectus*, op.cit.).

[2] Фулканелли. *Философские жилища. Fulcanelli. Les Demeures Philosophales,* Paris, Jean Shemit, 1930.

Нам хорошо известна латинская версия Двенадцати Ключей Мудрости [1] *благодаря Михаилу Майеру (Michael Maier), а также французский свод Давида Ланьо (David Lanieau), в котором объединены тексты трех старых авторов со всеми их ошибками, неуместными в отношении столь требующей всяческого внимания к деталям теме; нас это не могло удовлетворить, и мы пришли к выводу, что новое издание должно быть основано на новом переводе.*

Отметим, однако, что придворный медик и наместник Германского Императора Рудольфа II Михаил Майер заслуживает всяческого доверия, которое невозможно преувеличить. Поэтому мы основываем нашу работу именно на его латинском тексте [2]*, строгом и тщательном, не оставляющем сомне-*

[1] Следуя обычаю, мы публикуем оба трактата под одним названием, всегда используемом французскими издателями, а также общепринятую последовательность текстов.

[2] Practica, cum Duodecim Clavibus et Appendice, de Magno Lapide antiquorum Sapientum, scripta & relicta; *О Практике Великого Камня Древних Мудрецов, записанной и переданной вместе с Двенадцатью Ключами и Приложением. (De la Pratique de la Grande Pierre des anciens Sages, écrite et transmise avec les Douze Clefs et l'Appendice).* В книге: *Tripus aureus, hoc est Tres Tractatus chymici selectissimi.* Francofurti, 1618; *Золотой Треножник или Три Трактата преславнейших Химиков (Le Trépied d'or ou Trois Traités de Chimistes les plus en renom, p.7 à 76).*

Musaeum hermeticum (Francofurti, 1677, p.375 à 544) содержит столь буквально перепечатанный текст *Tripus aureus*, что сохраняет, к сожалению, две типографские ошибки на с.70. Их серьезность очевидна: вместо слова *Меркурий (Mercurius)* стоит *Сульфур (Sulphur, Сера)*. В экземпляре книги, хранящемся в Национальной Библиотеке, ошибка, однако, исправлена пером некоего читателя, жившего, очевидно, в XVII столетии.

Золотой Треножник, еще известный под названием *Оракул (l'Oracle)* включен также в корпус Томаса Нортона, именуемый *Crede mihi* и в *Testamentum* Джона Кремера, настоятеля Вестминстерского Аббатства. На французский язык эти книги не переведены. В правом верхнем углу титульного листа *Crede mihi* стоит сделанная неизвестной рукой надпись:*«Сей автор* (Нортон) *был учеником Риплея (Ripley) и дожил до 1480 года»; hic author fuit Riplaei discipulus et vixit circa annum 1480».*

На титуле книги Майера начертано: *«Труды трех совершеннейших творцов Герметической Медицины, германского монаха Ордена святого Бенедикта Василия Валентина и англичан Нортона и Кремера, переведен-*

ния в его ценности и свободном от ложных ассоциаций. Сам латинский текст мы будем использовать по необходимости, когда французский язык не предоставляет нам полностью адекватных синонимов, прилагая соответствующие истолкования, дабы не только не жертвовать смыслом, но и по возможности передать тонкие и тайные оттенки. Возможно, окажется, что наш французский латинизирован, однако мы готовы следовать неумолимым велениям неподражаемой гибкости латыни. Нашей целью не может быть никакое сужение смыслов или умаление духа; потому в определенном месте должна быть определенная буква и только она. Так поступая, мы начинаем сами замечать, как язык наш самораскрывается, становится столь неожиданно пластичен, что начинает напоминать латинский вплоть до полного соответствия, если это необходимо.

Нашей задачей является по возможности наиболее последовательная передача мыслей автора вплоть до жертвования собственными концепциями и тем более стилем вопреки итальянскому афоризму: Traduttore, traditore.

В данном случае мы не считаем себя обязанными предварять перевод библиографическими исследованиями, достаточно сложными, хотя и, без сомнения, необходимыми, немецких, латинских и французских текстов Двенадцати Ключей, *дати-*

ные на латынь с их родных языков, предаю огласке; Ternos Authores Medicinae Hermeticae absolutissimos, nempe Basilium Valentinum, germanum benedictini ordinis monacum, Nortonum & Cremerum anglos, ex sua quosque lingua vernacula latinitati donatos in publicum edere».

Из этой книги мы заимствуем рисунок на обложке данного издания *Двенадцати Ключей*, содержащийся в латинской версии *Tripus*'а: Василий Валентин в монашеском облачении и клобуке держит в равновесии весы, в чашах которых находятся огонь и вода, указывая на них правой рукой, ею же прижимая к телу большую закрытую книгу. Это образ двух Судных циклов человечества. Первый суд был водным — Всемирный потоп; о втором объявил Богочеловек, на Которого указал Иоанн Креститель: «Азъ оубо крещаю вы водою в покаяние: грядый же по мне, креплий мене есть, Ему же несмь достоин сапоги понести, Той вы крестит Доухом Святым и огнем» (*Матф., 3:11*). Таковы равные пропорции на весах Естества двух великих стихий, согласно соединенных в Философском Камне, символом которого является шестиконечная звезда, образуемая двумя пересекающимися треугольниками — знаками воды и огня.

руемых начиная с XVI столетия. Парижские библиотеки располагают почти неистощимыми книжными запасами, в том числе и довольно сомнительного происхождения. Мы же уверены в подлинности трех немецких текстов [1]*, трех французских и трех латинских, а также еще одного —* Scripta Chimica Vasilii Valentini, *in-8° Hamburgi, 1700, упоминаемого в каталоге Ланглe Дюфренуа (Lenglet-Dufresnoy), однако, отсутствующего в Париже.*

Во время нашей последней встречи мы с доктором Хунвальдом тщательно сверяли тексты Михаила Майера [2] *и Жан-Жака Манже (Jean-Jacques Manget)* [3]*, которые оказались, за исключением разницы в некоторых типографских виньетках, тождественны. Это означает, что швейцарский медик полностью воспроизвел версию своего германского предшественника. В конце концов мы взяли за основу нашего труда версию Михаила Майера, и вот почему.*

---

[1] *Von dem grossen Stein der uhralten Weisen...* Durch Johann Thölden-Hessum, 1626.

Ibidem, Strassburg, C.Gaspart Dietzels, 1645.

Оба текста выгравированы на планшетках, первый на деревянной, второй, как и французские, — на медной, однако, они очень отличаются по рисункам и символике.

Третий вариант озаглавлен так: *Basilius Innovatus или Химические Творения брата Василия Валентина, Бенедиктинца; изданные ныне в четвертый раз все вместе; тщательно сверенные по некоторым древним рукописям; со включением некоторых пропущенных в предыдущих изданиях частей; также снабженные рисунками. С общим и полным Оглавлением, в трех частях...* Hamburg, Samuel, Heysis, 1717.

Доктор Генрих Хунвальд располагает этим редким экземпляром. Место опубликования (и, соответственно. диалект) текста — Верхняя Саксония, где была изготовлена и латинская книга Михаила Майера. Узнав о том, что *Basilius Innovatus* имеет вдвое больший физический вес, мы попросили доктора Хунвальда сверить тексты.

Результаты, полученные нашим другом, оказались в пользу Михаила Майера, так как тексты, во-первых, ни численно, ни качественно не превышали входящие в классический немецкий корпус, и, кроме того, списаны с неких древних немецких копий разными людьми и даже в разные столетия.

[2] *Opus citatum supra.*

[3] *Bibliotheca Chemica Curiosa.* Genevae, 1702, 2 vol. in fol., *Practica cum XII clavibus*, tome II, p.409 à 423.

Прежде всего, Михаил Майер, родившийся в Риндсбурге (Гольштейн) в 1568 году, сам был алхимиком и, кроме того, работал всего пятьдесят лет спустя после того, как Лютеровский перевод Библии ознаменовал переход к нынешнему немецкому языку от средневекового германского, на котором его блистательный соотечественник писал свой трактат; также, будучи отличным латинистом, Майер был способен лучше, чем кто-либо, перевести оригинал Василия на ученый язык своего времени.

С другой стороны, мы еще более укрепились во мнении о хорошем качестве этого перевода благодаря отрывкам из Двенадцати Ключей, которые Яков Толь (Jacobus Tollius), голландский филолог и алхимик XVII столетия, включил в свой небольшой трактат «Sapientia Insanies sive Promissa chemica» (Безумная Мудрость или Химические Обеты, *Amsterdam*, 1689 [1]). *Профессор гуманитарных наук Университета в Дуйсбурге, основанного курфюрстом Бранденбурга, а позже инспектор рудников этого князя, Яков Толь имел перед глазами немецкие тексты Василия Валентина, хотя сам все свои труды писал на латыни. Благодаря этому необычайному эрудиту, хорошо знавшему оригинал и оставившему нам в наследие два отрывка, мы имеем возможность произвести сверку целого ряда важных аспектов. Становится ясно, что разночтения внутри одного корпуса очень незначительны, касаются легких и несущественных оттенков и только в одном случае некоторым образом меняют суть* [2].

В своей главной книге, очень богатой, по нашему суждению, содержанием, ученый филолог говорит о нежном запахе, являющемся для химиков знаком чистоты, — odor suavis in chemicis symbolum puritatis — *и в этом является почтительным учеником ученого монаха из Эрфурта:* «Им (*химикам*)

---

[1] Эта небольшая и редкая книжка в 62 страницы вместе с его же шестнадцатистраничной *Manudictio ad caelum chemicum (Дорога химического Неба,* 1688) и работой *Fortuita* (1687) вместе образуют бесценный корпус, из которого Дом Пернети (*Dom Pernety*) весьма неразборчиво черпал сюжеты для *Басен* и *Мифо-Герметического Словаря.*

[2] См. p.163 и p.178.

указал на это мастер Василий, чрезвычайно мною почитаемый. *Poterat hoc eos meus, quem veneros maxime, praeceptor Basilius docuisse*» [1].

Именно дабы избегнуть сколь опасного, столь и бесполезного опошления, упрощения и смешения, ученые, принадлежавшие к разным орденам и школам, соблюдали мудрое правило — писать по-латыни, пока в XVIII столетии этот язык не пришел в упадок, породив, однако, огромную библиотеку, в которой никто не мог разобраться, кто, когда и что перевел. Проникновение в сей лабиринт крайне опасно, и любое трудолюбие окрашено непреодолимой виной, неизбежно присущей всякому деянию во времени, столь скудно даруемом нам сегодня. И мы с неизбежным риском, хотя и с должной умеренностью, вплетаем в это неприкосновенное плетение несколько своих новых нитей, впрочем, не от себя, но заимствуя их у биографов Василия Валентина.

Нам кажется, что наш философ, не колеблясь, милостиво простил бы нам кощунство толмачества и бесчисленно порождаемые им трудности понимания, на самом деле посягающие на великое наследство. Простил за попытки наши восхождения к истинам естества, к чему и сам стремился. На самом же деле все его труды германо-язычны — *повторим это вслед за голландским медиком Германом Берхейвом (Hermann Boerhaave)* [2], *родившимся в 1668 году возле города Лейдена и до сих пор пользующегося всеобще признанной и незапятнанной репутацией.*

Допуская, что нам не дано знать, во что же в конце концов превратился трактат Василия Валентина, укажем на его толкования Роджером Бэконом и более близким к нам Иренеем Филалетом. Между прочим, Георг Вольфганг Ведель, главный медик герцога Саксонского и курфюрста Мейнцского, оставил свидетельство, что рукописи Эрфуртского Адепта, кроме со-

[1] Jacobi Tollii. Fortuita in quibus, praeter Critica nonnula, tota fabularis Historia graeca, phoenicia, aegyptiaca, ad Chemian pertinere asseritur. Amstelaedami, p.188. *(Неожиданности, из которых, при критическом рассмотрении, можно доказать, что вся История греческой, финикийской и египетской мифологии имеет отношение к Химии.)*

[2] *Institutiones et Experimenta Chemiae*, Parisiis, 1724, *Prolegomena*, p.24: Opera ejus omnia prostant idiomate germanico.

храненных курфюрстом Иоганном Филиппом, были вывезены в Швецию Королевой Христиной. Интерес дочери Густава Адольфа, проявленный к этим бесценным сокровищам, не должен удивлять читателя, знакомого с нашей предшествующей книгой [1]. *Королева весьма ценила герметические знания маркиза Паломбары, который предпослал изданию рукописи в качестве эпиграфа* [2] *слово VITRIOLUM* [3], *как бы заменив им инициалы нашего Адепта.*

Кому из исследователей не знакома эта формула, под покровом которой сокрыта от разглашения самая глубокая тайна нашего труда?

VISITETIS INTERIORA TERRAE
RECTIFICANDO INVENIETIS OCCULTUM
LAPIDEM VERAM MEDICINAM:

VISITEZ LES ENTRAILLES
DE LA TERRE, EN RECTIFIANT,
VOUS TROUVEREZ LA PIERRE CACHÉE,
VERITABILE MÈDECINE.

Посетите недра земли, и, очищая,
вы найдете сокрытый камень,
истинное лекарство [4].

[1] Georgii-Wolfgangi Wedelii. *Programma-Propemticon inaugurale de Basilio Valentino*. Ienae,1704. (Прощальная речь, посвященная Василию Валентину).

[2] *Eugene Canseliet. Deus Logis Alchimiques*. Paris, Jean Schemit, 1945. — *La Villa Palombara de Rome.*

[3] КУПОРОС — перев.

[4] *Первые буквы этих слов складываются в имя КУПОРОС (VITRIOL),* — уточняет Герард Дорн (Gerardus Dorneus) в трактате *Congeries Paracelsicae Chemiae*... Francofurti, 1581, cap.XVII, p.144. Primae omnium literae VITRIOLUM efficiunt simul collectae vocum. Это слово красуется как яркое иносказание, предваряющее следующий в издании Моё (Моёt) за *Двенадцатью Ключами* Трактат об *Азоте.*

Мы также находим его выгравированным на металле в небольшом немецком сборнике Иоганна Грассхофа, — пишет Герман Кондесиан (Hermannus Condeesyanus): *Vom Philosophishen Stein.-Ein kurtzes Tractatlein [so von einem unbekanten Teutschen* Philosopho...] *und* Liber Alze... Franckfurt,

Впрочем, вполне возможно, что одна из двух германских рукописей Василия Валентина в Национальной Библиотеке Вены, куда попала во второй половине XVII века. На эту возможность указывает Даниил Георг Морхоф, немецкий филолог и знаменитый латинист, составитель словаря De pura Dictione Latina. *Его необычайная эрудиция способствовала его дружбе со многими видными учеными Европы, а многочисленные знакомства отражены во многих важных посвящениях очень значительным личностям: в частности, в послании* О Трансмутации Металлов к Иоилю Лангелотту, человеку очень знатного рода и очень достойному. *Вот отрывок из письма Морхофа к Лангелотту, свидетельствующий о том, что рукопись, непосредственно написанная Василием Валентином на пюпитре в его лаборатории, хранится на некоей пыльной полке в хранилищах Вены. Но поскольку Морхофа нет в живых, мы никогда не узнаем, что там за руопись. Тем не менее, мы приводим его строки и, хотя не уверены полностью, о каких трудах в них идет речь, не можем исключить, что все-таки о* Практике *и* Двенадцати Ключах.

«Во многих местах писания Василия Валентина, по-видимому, сохранены. Дело в том, что Эрик Мориц (Ericus Mauritius), мой ближайший собрат, в настоящее время Советник муниципалитета города Спира, знаток не только юриспруденции, но и наук значительно более тонких, показывал мне существеннейшей значимости фрагменты из рукописи, хранящейся в Венской Библиотеке, которые не совпадают ни с одним из напечатанных экземпляров» [1].

Глагол «совпадать» *с отрицательной частицей, выражающей мысль Морица, излагаемую Морхофом, следовало бы все-*

1625. Две другие книги, содержащие это слово на титуле, мы найдем на так называемой Алхимической Двери в сквере Виктора Иммануила в Риме (Э.К.).

[1] Ejus scripta in multis apparent mutilata. Nam monstravit mihi Ericus Mauritius, collega quondam meus conjunctissimus, nunc illustris Camerae Spirensis Assessor, magnum non Jurisprudentiae tantum, sed et omnis elegantioris doctrinae decus, quas e Manuscripto Codice Bibliothecae Viennesis insignes lacinias enotaverat, quae in impressis exemplaribus non comparent. — Danielis Georgii Morhosii. *De Metallorum Transmutatione ad virum nobilissimum et amplissimum Joele Langelottum Epistola.* Hamburgi, 1673, p.133.

таки употреблять в сослагательном наклонении, более соответствующем нашей неуверенности в полноте текстов Василия. Как бы то ни было, нам представляется, что экземпляры, которыми мы располагаем, аутентичны, ибо имеют как бы двойную свидетельскую гарантию Михаила Майера и Якова Толя, авторитет которых неоспорим. Появление описанного эпиграфа VITRIOLUM после пышного приема, оказанного маркизу Паломбаре королевой Христиной в её романского стиля дворце, свидетельствует о могущественном влиянии на германские земли после Тринадцатилетней войны шведской королевы, остановившей свой выбор на алхимии и в особенности на трудах нашего Адепта, прежде всего, конечно, на Практике *и* Двенадцати Ключах. *Никто не воспрещает нам все-таки думать, что этих трактатов не было среди попавших в Вену, а неутешительная ремарка Морица касается других рукописей, в большом количестве ходивших по Европе того времени.*

Однако, все-таки какими «значительно более тонкими науками» *занимался столь высокопоставленный придворный? Из послания Морхофа мы больше, чем в нем сказано, извлечь не можем. Надо ли напоминать о распространении герметизма среди германских князей? В Империи, основанной Карлом Пятым, подданным которого был наш Советник, это было действительно так. Символом могущества этого государства была почти двести лет высившаяся в прирейнской Баварии, над великой рекой, огромная виселица.*

Михаил Майер написал и опубликовал большое количество трудов, содержащих также великолепные гравюры, выполненные с большим искусством и усиливающие силу самих трудов, исполненных страстью и силой пробуждения. Я испытывал великую радость, рассматривая книгу «Аталанта, спасающаяся бегством сиречь новые химические эмблемы секретов Естества, предлагаемые очам и уму чрез фигуры, гравированные на меди», — *это замечательно! Вот подлинные образцы сохранившегося в более позднюю эпоху глубокого и сдержанного средневекового реализма* [1].

[1] Atalanta Fugiens hoc est Emblemata nova de secretis Naturae chymica, accomodata partim oculis & intellectui, figuris cupro incisis... Oppenheimii, 1618.

«Tripus aureus; Золотой Треножник» *не такая блистательная книга, как* Двенадцать Ключей, *хотя и богато иллюстрирована. Это инкварто, на фронтисписе мы также найдем двенадцать гравюр, соответствующих двенадцати ключам. Тринадцатая композиция, наряду с алхимической печатью, также изображает полный бестиарий Великого Делания. Все это копии очень интересных рисунков Гобилля, изданные Пьером Моё с большой точностью и тонкостью так, что их можно было бы принять за оригинал, если бы некоторые из них не были перевернуты, — то, что в оригинале было справа, тут слева и наоборот. Кем был этот Гобилль из троих гравировщиков, носивших эту фамилию и работавших резцом в традициях французской школы? Без сомнения, это Жан Гобилль, начальная буква имени которого (J) начертана на одной из гравюр. Он работал в Париже в середине XVII века, брат его Гедеон — чуть позже (около 1670 года), а Пьер Гобиль, чье родство с ними не доказано, умер в 1646 году.*

Братья Перье, Пьер Моё и Гийом Сальмон пренебрегли Предисловием *Василия Валентина к* Двенадцати Ключам. *Мы постарались это исправить, дополнив корпус также стихотворной Эпиграммой Михаила Майера. После некоторых размышлений мы решили не перепечатывать* Собеседование с Братом Альбертом о Духе Меркурия, *которое является скорее всего подделкой. Этот текст был напечатан на латыни в 1658 году в Амстердаме (Colloquium, Spiritus Mercurii cum Fratre Alberto Bayero sive Bavaro, monacho carmelitano) в сборнике, именуемом* Светильник Соли Философов, в соответствии с мыслями Сендивогия, Гебера и других *(Lucerna Salis Philosophorum secundum mentem Sendivogii, Gerberi et aliorum). Согласно Ланг-ле-Дюфренуа, этот трактат написан Хансом Харпрехтом из Тюбингена. В одном из его персонажей можно узнать Альберта Байера, монаха-кармелита конца XVI века, в другом под именем Бернарда выведен, возможно, знаменитый Тревизан (Trevisan), родившийся в 1406 году, автор всеми ценимых алхимических сочинений, таких, как* Книга Естественной Философии Металлов (Le Livre de la Philosophie naturelle de Metaux) *и* Потерянное Слово (La Parole délaissée [1]).

Сами гравюры были исполнены Яном Теодором де Бри, фламандским художником, скончавшимся во Франкфурте-на-Майне в 1623 году, тем самым который иллюстрировал первое издание Atalanta. Его отец и учитель Теодор умер в 1598 году, а брат Ян Израиль, помогавший художнику при изготовлении некоторых виньеток, — в 1614.

Теперь нам пришло время остановиться на самой проблеме земного существования Василия Валентина, скорее всего монаха-бенедиктинца из Эрфурта или Валькенрида.

После многих исследований как местностей, так и документов, проведенных самыми разными людьми, мы вообще не можем быть уверены в возможности как в этом, так и в иных случаях более или менее точно социально идентифицировать личность Адепта. Мы вообще не можем сказать, учитывая принятую в традиционных науках анонимность, жил ли автор Двенадцати Ключей Любомудрия *здесь или там, писал он один или нет и так далее: когда пред глазами нашими оказывается сам труд, мы осознаем, сколь иллюзорной и, по сути, детской оказывается забота о «гражданской» или «социальной» персонификации добровольно самоупраздняющегося философа, уже свободного от тщетного тщеславия міра сего.*

Для Адепта важно не только сохранение тайны как способ самозащиты от человеческой злобы и зависти, но и самоосвобождение от оболочки ветхого человека, дающего невидимую всепроницаемость, свойственную воинам Розы и Креста *и жителям вселенского* Солнечного града (Héliopolis). *И не есть ли забвение лучшее свидетельство реальной прославленности плоти того, кто уже освобожден даже от своего прошлого?*

Исходя из высшей покорности, Филалет более от имени Мудрейших из братьев, чем от своего собственного, предупреждает изучающих Науку о том, что в переводе Ланг-ле-Дюфренуа выражено с озадачивающей неточностью: «Наученные опасностями, мы приняли решение пребывать в сокровенности и будем сообщаться с тобой, грезящем о нашем искусст-

[1] Второе из этих классических произведений недавно было перепечатано в Новом Собрании Химических Философов Клода д'Иже (Claude o'Ygé. *Nouvelle Assemblée des Philosophes chymiques.* Dervy-Livres, Paris, in fine.

ве, чтобы став Адептом, всегда видеть, что ты сможешь использовать для блага ближнего» [1].

Для нас же вообще проблемы биографии как таковой не существует, и касаемся ее мы только ради удовлетворения законного любопытства читателя.

Мы можем с полным правом утверждать, что все химико-герметические концепции, в том числе и касающиеся Великого Делания, хотя и не имеют автора, по сути, унаследованы от древнейших. Также мы не можем назвать даты рождения и смерти Василия Валентина, ибо преуспевший в тайном труде Бенедиктинец, без сомнения, обладал могущественным Лекарством, *благодаря которому был способен по собственному усмотрению отодвинуть время своего переселения.*

И если Василий Валентин, подобно Артефиусу, не утверждает, что «много тысяч лет прошло со дня моего рождения благодаря милости Всемогущего Бога и использованию сей замечательной квинтэссенции» [2], *то можно предположить и это, и как раз именно потому, что Бенедиктинец первыми строками своего* Краткого Предисловия *делает все, чтобы подобные стремления не могли возникнуть.*

Допустим, что Василий Валентин был обычным химиком-спагиристом и подчинен, как и все люди, закону смерти. Тогда, скорее всего, он пребывал на земле в первой четверти XV столетия. По утверждению некоторых авторов Триумфальная Телега [3] Сурьмы (Le Char du Triomphe de L'Antimoine), *книга, в которой неуловимый монах повествует о неких деталях своей*

---

[1] *Introitus apertus ad occlusum Palatium Regis*, caput XIII, §XII, в *Истории Герметической Философии*, (*Histoire de la Philosophie Hermétique*, Paris, tome II, p.95): Haec nos periculis edocti latere decrevimus, tibique, qui talem somnias artem, communicabimus, ut videamus, qui dnam in bonum publicum cum Adeptus fueris, machinaberis.

[2] *Тайная Книга* в *Трех Трактатах Естественной Философии* (*Le Secret Livre* dans *Trois Traitez de la Philosophie naturelle*, Paris, 1612, p.28, p.225.).

[3] Можно, разумеется, переводить на русский как *«Колесница»*, мы, однако, настаиваем на слове *«Телега»*. Это связано с тем, что до VII века Короли совершали свой ритуальный выезд на обычной телеге (прим. пер.).

жизни, не могла быть написана ранее. Причина якобы состоит в том, что книга упоминает о такой болезни, как сифилис, а также о типографском способе печатания. Известная болезнь, по общему мнению, была привезена в Европу моряками Колумба; датировка Гутенбергова изобретения нам также вроде бы известна. Дело, однако, обстоит сложнее.

В Приложении *к* Триумфальной Телеге Сурьмы *читаем:* «Заметь, что речь идет о ином, чем типографический, способе использования сурьмы» [1].

Однако, по процессу Иоганна Гутенберга в 1439 году в Страсбурге проходил некий золотых дел мастер Ханс Дюнн, давший показания о том, что работал у мастера в течение трех лет. По данному делу в показаниях некоторых механиков содержатся описания ситуации в Нидерландах [2], начиная с 1400 года, то есть, в промежутке времени, близкой, по нашим подсчетам, к эпохе Василия Валентина. Там упоминается вполне обычный смертный человек, которому на основании революционного изобретения приписали авторство Currus Triumphalis. *При этом никто не отождествлял этого ученого, скорее практика, чем писателя, человека с неким неизвестным — не мистификатором ли? — химиком неопределенного возраста в монашеском облачении.*

Однако, без всяких объяснений, кратко, Сендивогий, дворянин из Моравии, и наш Адепт, годы земного пребывания которого простираются до середины XVI столетия, предпосылает отрывку из Телеги Сурьмы *слова: «...как сказал великий Философ, родившийся в Верхнем Эльзасе, наш соотечественник, Германец, Василий Валентин, проживший около пятидесяти лет и на моей Родине...»* [3].

---

[1] *Currus Triumphalis Antimonii.* Tolosae, 1646, *Appendix*, p.101. Tandem nota stibii alios esse usus ut in characteribus typographicis.

[2] Леон де Лаборд. *Начало Книгопечатания в Страсбурге или Исследования о таинственных работах Гутенберга в этом городе.* (Labord Leon de. *Débuts de l'Imprimerie à Strassburg ou Récherches sur les travaux mystérieux de Gutenberg dans cette ville.* Paris, 1840, p.41 et passim.)

[3] *Трактат о Соли. Третье Начало минеральных вещей.* Traité du Sel. *Troisième Principe des choses minérales.* Paris, Jean d'Houry, 1669, p.9. Скобки содержатся в тексте.

В Письме *от* 27 июля 1690, *посланном из Ганновера, гениальный универсалист Лейбниц, исходя из филологических данных, уточняет время жизни алхимика, работы которого хранились в его собрании, при этом вдохновенный тон как бы укрепляет само суждение:*

«Немецкая редакция, возможно, ближе к нам по времени, с чем и связаны поправки, сделанные на рукописях Василия рукой Иоганна Тольдена; *Dictio enim Germanica recentius aliquid spirat, nisi dicere malimus fuisse scripta Basilii a Johanne Tholdio interpolata»* [1].

Тем самым Лейбниц, по сути, называет возможного автора позднего, обычным способом изданного и на современном ему языке написанного варианта, отделяя этот вариант от первоначального, полного архаичной и даже утерянной и забытой лексики.

У нас еще будет возможность указать, что Тольден, или Тольдиус, упоминаемый Лейбницем, был неким родственником того, кто подписывался именем Василия Валентина и кого мы могли бы назвать псевдо-Василием Валентином:

«Можно предположить, что Тольдий был родственником автора; *Et sunt qui credunt Tholdium cognatione junctum auctori»* [2].

Точно также, правда без каких-либо доказательств, Раш (Raschius), очень авторитетный медик, предупреждал, будто бы «некто из семьи Иоганна Тольдена Гессенского желал скрыть себя под этим именем (Василия Валентина); *Raschius aliquem ex familia Johannis Tholdeni Hessi sub hoc nomine latitare voluisse existimavit* [3].

Следует, все-таки, обратить внимание на те положения Послания *немецкого философа, которые соответствуют и нашим наблюдениям:*

«Я истинно доказываю, что писатель, о коем идет речь, не столь древен, сколь это может показаться, ибо книги его принадлежат времени, когда венерическая болезнь уже появилась; *Ego ut verum fatear an scriptor sit tam antiquus, quit*

[1] Leibniz (Gottfried-Wilhelm von). *Epistola* data Hannoverae 1690 die 27 Junii.
[2] Ibidem.
[3] Morhosii. *Polythist. literar.*, op.cit.,t.I, cap.IX, p.91.

ut ipsi videri vult, libros suos composuerit eo tempore, quo lues venerea innotuit [1].

Однако, некоторые положения Currus Triumphalis, *подтверждают догадки Лейбница и могут свидетельствовать и о необычном долголетии исторического и смертного человека по имени Василий Валентин:*

«...и дух Меркурия есть наилучшее средство от французской болезни; *...et spiritus mercurii remedium supremum morbi Gallici (2)»* [2].

Болезнь, о которой идет речь, действительно, по мнению историков, была привезена из Америки. Однако, и это не столь однозначно. Упомянем, разумеется, в пределах нашей темы, о страшной язве, которая из-за своих ужасных действий была одной из причин упадка средневековых народов вообще. Речь идет о болезни, которую в каждой стране, в зависимости от симпатий и антипатий, называли по-разному — испанской, итальянской или французской и которую еще за тридцать лет до Рождества Христова *Гораций именовал* кампанийской. *Эта болезнь*

...та, от которой рубец безобразный
Обезобразил чело, волосами поросшее слева.
Эта болезнь кампанийской зовется,
причина ея — наслажденье,
Ею измучен пастух, превращенный
мгновенно в Циклопа.

... At illi foeda cicatrix
Saetosam laevi frontem turpaverat oris.
Campanum in morbum, in faciem permulta jocatus,
Pastorem saltaret uti Cyclopa rogabat [3].

Не ту же ли самую язву привнесли в былую Республику посланцы Клеопатры?

[1] Liebniz. *Epistola.* cit supra.
[2] *Op.cit.* p.45.
[3] *Satires*, livre I, 5.

... для Капитолия
Царица, умом поврежденная,
И для Империи смерть и руины готовит,
Сброд высылая заразных мужей
Дабы запачкать, загадить...

... dum Capitolio
Regina dementes ruinas
Funus et Imperio parabat
Contaminato cum grege turpium
Morbo virorum [1]...

Еще задолго до Колумба, в XIII веке, было известно свидетельство берийского медика Жерарда (Gerard), латинский текст которого цитирует Литтре. Ясность этого текста освобождает нас от неловкой необходимости его переводить:

«Virga patitur a coitu cum mulieribus immundis, ex spermate corrupto, vel ex humore venenoso in collo matricis recepto, nam virga inficitur et aliquando totum corpus...».

Только почтенное место, занимаемое Василием Валентином в науке врачевания, дозволяет нам, не стыдясь впадения в непристойность, привести в качестве контроверзы отрывок из сочинения Иеронима Фракастора, в котором патологическим завоевателем міра предстает некий пастух Сифилюс. Весьма занятная, тонкая квази-вергилиевского стиля поэма, отрывок из которой мы приводим, наделена захватывающим сюжетом, странным, даже скабрезным, но всегда выраженным со своеобразным гумором, весьма «черным». Фракастор, медик, астроном и поэт, родившийся в Вероне в 1483 году, современник охватившего Европу бедствия, приписывает ему значение всеобщего космического бича. Появление его внезапно, а проявление всеохватно и всеубийственно. При этом семя смерти не обязательно передается через половой контакт. Множество людей «без всякого контакта, внезапно получили эту болезнь: *attactu qui nullius hanc tamen ipsam sponte*».

[1] *Odes*, livre I, 37.

Завершая повествование о сифилисе-Сифилюсе, приведем пример буколических виршей Иеронима Фракастора:

Вот, начинаю я петь, изучая причины
Тайных сих дел, чрез воздух и звезды Олимпа,
Сладкой любовью манящей ко всеобновленью
В сладком саду естества, где нежных цветов благовонья
Вновь призывают к любви любовников
славной Камены.

Hinc canere, & longé secretas quaerere causas
Aëra per liquidum, & vasti per sydera Olympi
Incipiam: dulci quando novitatis amore
Correptum, placidi naturae suavibus horti
Floribus invitant, & amantes mira Camoenae» [1].

И вот, наконец, пора задать вопрос: а существовал ли вообще Василий Валентин, точнее, принадлежит ли его двойное имя какому-нибудь открывшемуся внутри истории человеку, облаченному в монашеское платье?

Иоганн Мориц Гуден, пфальцграф и профессор римского и публичного права в Эрфурте, а затем бургомистр и ректор Университета, из своего XVII века отвечает нам утвердительно. Он приводит список эрфуртских монахов, среди которых называет и «скончавшегося в 1413 году в монастыре Святого Петра Василия, известного своими познаниями во врачебном искусстве и естественных науках».

Этот немецкий историк не испытывал никакой симпатии к древней науке Гермеса и подвергал строгому осуждению тайные занятия загадочного кеновита: «Среди прочего, его манили ложные стремления произвести золото [2], что есть признак несчастного безумца, в чем он был бы, впрочем, менее виновен, нежели те, кто в течение многих веков,

[1] Fracastorii (Hieronymi). *Syphilidis, sive de morbo gallico Libri tres.* Veronae, 1530.

[2] Гуден доказывал, что идея, одухотворявшая алхимиков на протяжении трех столетий заключалась в изготовлении не только золота и серебра, но и драгоценных камней.

становясь любителями этой науки, теряли все свои умственные способности» [1].

Как сопоставить свидетельства этого добросовестного и работавшего с документами эрудита с утверждениями Германа Берхейва, правда, не снабженными ссылками на источники, о том, что «на самом деле, если искать в анналах того времени, мы не обнаружим свидетельств о существовании в Эрфурте монастыря данного ордена» [2]?

Нам все же представляется пронизанным небескорыстием и неблагодарностью утверждения многочисленных авторов, отказывавших в существовании монаху ордена Святого Бенедикта Василию Валентину на основании «несуществования» в Эрфурте данной общины. Среди этих авторов, однако, и глубоко почитаемый нами великий Лейбниц, который в своем Послании, *касаясь нашего Бенедиктинца, писал:*

«Я знаю, что Иоганн Филипп, курфюрст Мейнцский, приказал отыскать в подчиненном ему Эрфурте общину Бенедиктинцев, однако, тщетно» [3].

Из той эпохи до нас дошло также равное по значимости предупреждение уже цитированного медика, а позже доктора, Раша о том, что в своей очень толстой и весьма ценной книге Винцент Платц (Vincentius Placcius) приводит утверждение философа и медика Мартина Фогеля (Martinus Fogelius), также мужа, исполненного разнообразных достоинств, будто бы «никто из Бенедиктинских монахов не носил этого имени, не значащегося ни в каталоге Бенедиктинцев Эрфуртской Провинции, ни в Генеральном Регистре Рима» [4].

[1] Joannis Mauritii Gudeni. *Historia Erfurtensis*. Duderstadii, 1675, p.129: Eadem aetate (scilicet anno 1413) Basilius Valentinus in Divi Petri monasterio vixit, arte medica et naturalium indagine mirabilis. Insuper iis accensetur, quos in augmentum spei nominant aurum confecisse, sic aliena dementia post saecula fallit ideo minus culpabilis, quod non nisi decipi amantes facultatibus exuantur.

[2] Verum si inquirimus ad haec tempora in annalibus, nullum monasterium ejus ordinis repetitur. *Op.cit*, supra.

[3] Illud scio Johannem Philippum Electorem Moguntinum Erfordia potitum investigare jussisse, apud Benedictinos ejus civitatis sed frustra.

[4] Nullum ejus nominis monacum benedictinum fuisse. Quando quidem nec in Catalogo Benedictinorum Provinciali Erfurti, neque in Generali Romae nomen hoc se fuerit inventum. (Vincentii Placcii. *Theatrum Anonymorum et Pseudonymorum*. Hamburgi, 1708, p.III.)

Однако, многие очень добросовестные авторы убеждены в существовании Эрфуртсого монаха, в том, что «автор этот не измышлен, но вполне реален; hune scriptorem non personatum, sed verum»; *так писал среди прочих и Георг Абрахам Мерклин, немецкий медик и библиограф, переиздававший со значительными добавлениями первый в своем роде труд голландского медика-эрудита Иоганна Антонида ван дер Линдена, профессора Лейденского университета* [1].

Рукописная копия Национальной Библиотеки, датированная 1651 годом, подтверждает эту точку зрения, упоминая о неожиданном обнаружении дидактического труда:

«Последнее Завещание Брата Василия Валентина, монаха Ордена Святого Бенедикта, выгравированное на мраморной табличке во Святом Алтаре в Эрфурте, с оригинала переведенное и преданное огласке во имя пользы Детей Науки» (*Musée française*, 19.975).

Василий Валентин. *Само это имя требует корнесловного разбора, тем более необходимого, если речь все же идет о фиктивной личности.*

Мы можем встретить также и толкование, пожалуй бесспорное, будто бы наилучшим и мудрейшим решением для почитаемого и уважаемого в своей обители было бы с осторожностью сокрыв свое первое имя от потомства, озарить собственный путь подходящим и смыслоносящим псевдонимом. Петр Фридрих, настоятель монастыря Святого Петра в Эрфурте в начале XVIII столетия (circa initium sequli XVIII) высказывал мысль, что вряд ли кто-либо из уважаемых Аббатов, враждебных алхимии, желал бы видеть «среди монахов последователя столь неудобного для священноначалия и даже воспрещенного святыми канонами искусства; *ne in arte hac, monachis minus competent; et nunc sacris canonibus prolibita sectatores nanciscerетur*» [2].

[1] Mercklini (Georgii-Abrahami). *Lindenius Renovatus, sive Johannis Antoniadae van der Linden, de Scriptis Medicis Libro duo*. Norimbergae, 1686, Lib.I, p.120.

[2] Chronica concepta et conscripta ab admodum reverendo patre Petro Friderici, Petrense professo...; *Хроника, собранная и записанная Досточти-*

Мы никогда не имели сведений о том, что Церковь каким-либо образом запрещала или запрещает защиту изучение герметической науки и связанных с нею рукотворных операций. Если тщательно исследовать эту проблему, мы столкнемся с ответом, который наилучшим образом выразил Виктор Гюго:

— ...Скажите, уважаемый учитель, ваша Наука не враждебна и не противна Божией Матери?

В ответ на этот вопрос Клод с высокомерным спокойствием промолвил:

— А Кому же я служу как архидиакон [1]?

Что касается самого Гюго, то гениальные образцы его метафизической (transcendente) поэзии проиллюстрированы его же рисунками и чертежами, волнующими предчувствиями будущего пришествия сюрреализма, которые мы можем найти на стенах его музея-квартиры на Вогезской площади в Париже [2].

Вернемся, однако, к ученому клирику, не упомянутому в списке эрфуртских монахов, что и делает наиболее вероятным предположение о философском псевдониме, избранном историей и сохраненном ею. Нам кажется, что именно чрез намеренное или ненамеренное неупоминание как саму тайну, так и ея разгадку и сохранил, может быть, вопреки желанию его составителя, этот Каталог монашествующих Отцов и Братий честнейшего Королевского Монастыря Святого Петра, основанного на Горе близ города Эрфурта и избравшего для себя устав Святого Бенедикта, содержащий их имена и дни их жизни, начиная с первооснования Монастыря в лето 1103 до наших дней, составленный и исследованный со всяческим вниманием и трудолюбием по уже покрытым пылью архивным документам, с любовью во имя будущей славы сего ордена. В нынешние времена, Лета 1630, братом Иоганном

мым Отцом Петром Фридрихом, монахом обители Святого Петра... (Motschmann, *Erfordia. literata. Collectus* III, p.390-399.

[1] *Notre-Dame de Paris*, Livre V, I. Цит. по В.Гюго. Собрание сочинений в 15 томах, т.II, М., 1953, с.176 (перевод Н.Коган).

[2] Сама *Поэзия (Poésie)* также аллегорически изображенная Гюго как некая могущественная жена, в соответствии с греческим корнесловием означает Ποιησις, Poiesis = *операция, творение, делание.*

Кюрхером, священником сего Монастыря...; обновлен и расширен в 1680 году братом Настоятелем Колумбаном Фуггером, из Бамберга (*Бавария*) [1]...

Что касается своих братьев-бенедиктинцев, то Василий Валентин не стеснял себя в ответах на критику. Напротив, он бывал с ними очень суров, в особенности после своего паломничества к Сантьяго де Компостелла (Santiago de Compostella), традиционном для большинства герметических философов средневековья и, в частности, для Николая Фламмеля. Этот последний тогда же, как пишет сам, «принял обет и посох», *предав себя покровительству «Монсиньора Иакова Галицийского* (Monsieur S.Jaques de Gallice)» [2], *предварительно, однако, испросив дозволения у своей жены Перенеллы, — действие это, конечно, отдает мещанством и «перестраховкой», выявляя чуждые современности преимущества церковного целибата, предоставлявшего истинную свободу одинокому Бенедиктинцу* [3].

Для Василия, обладателя и мастера звезды — созидателя звезды — compos stellae — *пришло время совершить паломничество к Святому Покровителю, знаком которого является*

[1] Catalogus PP (atrum) et FF (ratrum) religiosorum regalis ac celeberrimi Monasterii S.Petri prope muro Civitatis Erfordiensis in Monte siti, qui quondam Monasticen in eo Professi ab sub Regula S.Benedicti inibi commilitarunt eorum praecipue, quorum Nomina et Vitae tempora a secunda Fundatione eius, Anno scilicet 1103, usque ad tempora nostra indagare pontui, omni industria ac labore e pulverulentis monumentis collectus, in hunc ordinem redactus ac posteritati notitiae et amoris ergo consignatus et inchoatus. Olim circa Annum 1630 per F.Joannem Kucher eiusdem Mon. Professum... : p. A Priore nunc vero renovatus A me F.Columbano Fugger professo Bambergensi... (*Erfurt. Lorenzarchiv*, 585 [152]).

[2] *Иероглифические Фигуры (Les Figures Hierogliphiques)* в *Трех Трактатах Естественной Философии (Trois Traitez de la Philosophie Naturelle)* Op. cit, p.54.

[3] *«Мудрец, однако, счастлив в безбрачии; Sat Sapiens laetetur coelibe vita»* Marcelli Palingenii. *Zodiacus vitae*. Basilae, 1548, Lib.X. *Capricornus*, p.259. Сегодня, кстати, безбрачие еще более подходит для истинного философа перед лицом «империи, соединившей механический мір и мір ужаса», как поистине стигматически пишет Мишель Карругес в своей последней книге, представляющей увлекательнейшее чтение. В этой книге, помимо прочего, содержится метафизическое истолкование безбрачия. *Les Machines Célibataire*. Arcanes, 1954.

раковина, преемница благословенной воды (d'eau bénite) *или* благословения мудрых (benoîte des sages), Бенедикции [1].

«Совершив по обету свое паломничество к Мастеру Иакову, Звездоздателю (Jacques de Compostelle, Santiago de Compostela) и вернувшись в мой монастырь, за что до сих пор благодарю Бога, я верил, что братья мои возрадуются, ибо привез я им укрепление и во утешение их, а также и всех бедняков, святые мощи. Однако, чем более я стремился исправить их житие, призывая на то содействие Божие, тем более усиливались их насмешки, пинки и даже проклятия; судиться же с ними мне придется на Последнем Суде, и наказание будет ужасно» [2].

Василий Валентин посещал еще две страны Европы. Он рассказывает об этом в связи с объяснением процессов гниения и разложения плодов водою, «которые я внимательно наблюдал, когда, будучи молодым, жил в Бельгии и Англии» [3].

Самуил Райхер, профессор математики и римского права Кильского университета, советник Герцога Саксен-Готского и член Королевского Научного Общества в Берлине, согласно Морхофу, рассказывает о том, что в конце XVII столетия многие здания в Эрфурте и его окрестностях были заняты Бенедиктинцами. В частности, он упоминает о монастыре Валькенриде-на-Гарце, находящемся возле Клеттеберга, недалеко от горы Брокен *(non procul Bructero monte Klettebergam versus, situm est); эту гору обступает поросшая лесом герцинианская гряда, куда, по преданию, Мефистофель водил доктора Фауста в Вальпургиеву ночь.*

---

[1] *Cf. Deux Logis Alchimiques. Paris.* Jean Schemit, 1945, p.53.

[2] «Nam cum olim difficile iter ad D.Iacobum Compostellanum peregrinus ex voto peregissem, & redux in coenobium meum (pro quo adhuc Deo gratias ago) crederem multos mecum gavisuros & Deo gratias acturos pro sanctis reliquiis quas in auxilium & solatium nostri coenobii & omnium pauperum mecum attuli, at pauci vita suam emendant, pauci gratos se pro tanto beneficio Deo monstrant, quin imo auxerunt ex illo indies irrisum, contumelias, blasphemias, sed judex in justus in ultimo judicio punire eos optime sciet». *Currus Antimonii*, op.cit, p.91.

[3] Ibidem, p.21: Sicut junior existens in Belgio & Anglia observavi exacte...

Эти утверждения подтверждаются двумя достойными доверия свидетельствами:

Письмами Иоганна Штерна, известного Люнебургского книжника, написанными к апрельским календам 1691 года; — *literae a Dn.Johanne Sternio, Lüneburgen si Bibliopola celeberrimo circa Kalendas Apriles superioris Anni scripta.*

Посланиями Якова Вейца (Jacques Wettius), Высокого Советника и Медика Светлейших Князей Саксонских и мудрого Магистра города Готта; — *Sereniss. Saxoniae Ducum Archiatri & Consiliari gravissimi, civitatis Gothanae Consulis prudentiss...*

На основании этих писем Магистра Вейца его преданный друг Райхер сделал вывод, что Василий Валентин «жил в монастыре и некоторое время занимался там химическими трудами» — *«in hoc coenobio degisse & per tempus aliquod laboribus chymics operam dedisse».*

С единственной целью строгой объективности мы приводим здесь описание странных фактов, имевших место в Эрфурте. При этом мы ограничимся только эпизодом, непосредственно нас интересующим, и приведем отрывок в переводе с латинской версии (в свою очередь, также являющейся переводом с немецкого) из Чудесной Истории Валькенрида *(de mirabili Historia Walkenriethensi), рассказанной Платцем (Placcius) в его* Театре Анонимов (Théâtre des Anonymes) [1]. *Рассказ этот разбит по небольшим параграфам:*

«§2 ...В этой покинутой обители, благодаря щедрости Князя, была устроена школа, в которой жили и учились дети и юноши. Однажды они в часы отдыха играли в прыгалки посреди старинной колоннады.

§3 Так играя, один из них вдруг замер на некоем месте, неспособный оторвать ступни от каменного пола, а его маленькие товарищи, как ни старались, не могли ему ничем помочь.

§4 Один из мальчиков побежал за Наставником, который попытался сделать то же самое, но также не смог увести подростка с опасного места.

§5 Наставник понял, что некий дух этого места удерживает ребенка, который все более терял способность двигаться

---

[1] *Op.cit.*, p.112.

вообще, как будто его держала могущественная сила, принадлежавшая кому-то или чему-то, схороненному здесь в строгой тайне.

§6 Наставник приказал тщательно обследовать все стены и углы, и один из мальчиков обнаружил на стене какие-то буквы и знаки,показал их Наставнику, который понял, что здесь хранится некое сокровище; и тогда несчастный ребенок, пребывавший до сих пор в недвижном состоянии, вдруг встал и пошел, свободно покинув заколдованное место.

§7 Вскоре Наставник начал тайно от начальства сверлить стену и обнаружил небольшой ящик, а затем, вскрыв его, обнаружил ларец, в котором находился Философский Камень».

В сноске приводим латинский вариант описанного в §7 эпизода [1]. *Мы просто пересказываем его по источникам, не зная, и не пытаясь узнать, кто положил туда Философский Камень, равно как и кто его создал. То же самое касается и возможного действия флюидических излучений. Отметим, однако, что смерть многих пройдох и гробокопателей, тревоживших царя Тутанхамона, могла быть вызвана охранительной магической силой* Сияющего Карбункула, *составлявшего основу и цель распространенного в Египте во времена Фараонов* Жреческого Искусства.

Весомые свидетельства об активной деятельности Василия Валентина в конце XIV столетия и начале следующего оставил некто Гуайнериус (Антониус) (Guainerius, Antonius), возможно, исполнитель повелений некоего анонима, среди которых мог быть и сам знаменитый его собрат по Искусству. Гуайнериус родился в Павии (дата его рождения неизвестна), а умер в 1440 году. Профессор университета своего родного города и личный медик Герцога Миланского Филиппа Марии Висконти, он много и с почтением говорил о некоем своем современнике, кеновите из Верхней Тюрингии. Об этом монахе рас-

[1] Paulo post ille Praeceptor clam locum in pariete designatum aperuit, & postquam pyxidulam extravit, supellectile sua relicta se subduxit unde aliqui, in pyxide Lapidem Philosophicum fuisse, suspicati sunt (Samuelis Reyheri. *Juridico-Philosophica Dissertatio de Nummis quibusdam ex chymico metallo factis*. Kiliae Holsatorum 1692, Cap.XXXVI, p.132 et suiv).

сказывают принадлежащие Гуайнериусу ценнейшие тома, хранящиеся в Национальной Библиотеке во множестве экземпляров в Собрании Печатных Книг в виде великолепных инкунабул XV века [1].

Однако, у нас есть и еще более твердые, чем просто гипотезы, подтверждения причастности к книгам Василия Валентина, ссылаясь на Иоганна Тольдена, «бывшего, на самом деле, издателем; hic enim quorundam editor habetur» [2] *этих книг. Именно он первым напечатал* Двенадцать Ключей *по-немецки с посвятительным латинским эпиграфом, упоминающем о двух разных людях:*

«Сочинение Василия Валентина, наиболее просвещенного вдохновителя Теофраста [3], опубликованное Иоганном Тольденом, мужем весьма ученым».

Издатель также включил в книгу собственного сочинения двустишие, в котором он называет будто бы анонимного монаха по имени, впрочем, значительно сдвигая хронологию его физического проявления во времени вниз:

Валентиновы труды долгие века хранили,
Тольден вывел их на свет дабы всем в отраду были [4].

При этом нельзя полностью исключить, что именно Тольден был автором трактата «Галиография или учение о приготовлении, использовании и достоинствах всех солей, минералов, животных и растений, извлеченное из рукописей и трудов Брата Василия Валентина» [5].

[1] *Vide potius:* Opus praeclarum ad praxim. Lugduni, 1534, passim. (*Труд, бесценный для Делания; Œuvre excellente sur la Pratique*).

[2] Vide in *Epistola* cit. Supra Leibniz.

[3] Теофраст Бомбаст фон Гогенхейм, т.е. Парацельс (перев.).

[4] *Von dem grossen Stein...*, op.cit., p.17: In Basilium Valentinum Theophrasticae disciplinae auctorem eruditissimum editum a doctissimo viro Johanne Tholdio.

Scripta Valentini multis abscondita seclis,
Tholdius in lucem nobile promit opus.

[5] Haliographia, de praeparatione, usu, a virtutibus omnium salium, mineralium, animalium, et vegetabilium ex manuscriptis, et originalibus Fratris Basilii Valentini. Boloniae, 1644.

Галиография, *или* «замечательная и необычная химия» [1] *изданная в 1612 году в Эрфурте, содержит и со всею ясностью указывает способы подготовки соляных составов, среди которых есть и до сих пор неизученное* гремучее золото, *которому, возможно, в обычной химии соответствует вещество, называемое хлорамидом золота* $Au(NH_2)_2Cl$. *С этим желтым порошком автор советует поступать следующим образом:*

«Осушить на воздухе, под лучами солнца, но не на огне. Ибо если порошок сей ощутит хотя бы небольшой жар, он самовозгорится и причинит огромный ущерб; при этом убежит от тебя столь стремительно и с такой силой, что никто из людей не сможет его удержать» [2].

Возможно, именно Иоганн Тольден под псевдонимом Андреаса де Солеа (Andreas de Solea) написал и напечатал Книгу о преумножении и преуменьшении Металлов — *Liber de incremento et decremento metallorum,* «обычно приписываемую Василию Валентину и часто выходящую под одной обложкой с Двенадцатью Ключами, хотя разделяет эти творения целое столетие» [3]. *Похоже, что библиофилам этот трактат вообще неизвестен. Морхоф утверждает,* что видел его у одного своего друга, изданный инкварто, *однако подробнее он не говорит ничего, хотя в наиболее общем виде предупреждает, что* «под именем де Солеа (de Solea), без сомнения, скрывается Иоганн Тольден»: неважно, латинская эта анаграмма или немецкая, хотя он и соглашается, что «когда речь идет об имени, то переворачивание букв не может его образовать» [4].

[1] *Theatrum Anonymorum*, op.cit., p.III: «Chymiae notitiam non proletariam arguit».

[2] Op.cit, p.5: «Calcem exicca in aere, ubi non est splendor solis, et non super igne.Nam quam primum hic pulvis minimum calorem sentit, a se ipso accenditur, et magnum, ac notabile quoddam damnum facit, quia tam volatiliter aufugeret, cum magna vi, et potentia, ut nullus hominum ei succurrere possit».

[3] D.G.Morhosii, *De Metallorum Transmutatione*, op.cit, p.9: «Qui Basilio Valentino vulgo adscribitur, ac cum ejus XII clavibus edisolet, quanquam integro seculo hunc ille superet...»

[4] Morhosii (Danielis-Georgii). *Polyhistor literarium.* Lubecae, 1708, *tome* I, caput. IX, p.92. «...apud amicum editum vidi, et quidem in 4 to ... Et sane integrum illud nomen de Solea in nomine Johannes Tholdenus occultatur: quae vero supersunt literae, nullum formare praenomen possunt.

Что касается письменных отзывов разных ученых мужей на труды монаха-адепта, то все они единогласно хвалебны. Перечень этих отзывов собран Иоганном Вильгельмом Баумером [1]. *Георг Эрнст Сталь называет Василия Валентина* среди первых древних химиков — *Hunc inter veterum chemceorum primicerios retulit (Fundamenta Chymiae);* по свидетельству *Германа Берхейва* он был наиболее опытным художником из всех — *teste artifex peritissimus fuit (Chemia Theorica);* для Иоганна Генриха Потта Василий Валентин — самый искренний из Философов — omnium Philosophorum verissimus nominatus est (Exercitationes chymicae).

Жан Батист Ван Гельмонт, вдохновенный подвижник химиатрии или лечения огнем (medicus per ingem), *свидетельствует, что именно благодаря Василию Валентину познал истину о трехсоставном строении человека. Действительно, в небольшом трактате* О Великом Камне Древних Мудрецов, *предшествующем* Двенадцати Ключам, *мы находим упоминание не только* Меркурия *и* Серы, *но и* Соли, упоминаний о которой «Парацельс не встречал у своих предшественников».

Вот что пишет Альбер Пуассон в согласии с точкой зрения знаменитого преобразователя спагирической медицины на Третье Начало или Сокровище Сокровищ:

«Мы считаем, что Меркурий и Сера — основные начала всех металлов и никогда, даже во сне, не упоминали третьего» [2].

[1] *Bibliotheca Chemica Adornata* a Johanne-Wilhelmo Baumer. Giessae (Giessen), 1782, p.4, Caput II: De Auctoribus Chymiam generatim, vel plures ejus partes, per tractantibus.

[2] *Theories et Symboles des Alchimistes.* Bibl. Chacornac, 1891, p.12. Эта работа идеально подходит для начинающего, который может дополнить ее изучение также глубокой и удобочитаемой книгой *Сержа Гютена* (*Serge Hutin): «L'Alchimie».* Presses Universitaires, 1951. Общий очерк герметической науки можно найти также в известной, хотя и весьма популярной книге Луи Фигье (Louis Figuier): *«L'Alchimie et les Alchimistes».* Paris, 1854, et 1856.

Недостаток времени помешал нам проверить по тексту Thesaurus Thesaurorum [1], *утверждения Альбера Пуассона, оставив их на совести этого несчастного алхимика, скончавшегося молодым от переутомления и чахотки в конце прошлого века, в субботу, в бедной каморке на старинной парижской улице Сен-Дени, когда печь его была еще тепла от ночной работы.*

Очевидно, однако, что утверждение Жана Батиста Ван Гельмонта противоречит утверждениям Парацельса:

«Василий Валентин, Бенедиктинец, очень ясно описал составляющие металла душу, названную им серой или тинктурой; тело (соль); и, наконец, дух — меркурия. Описание этих начал, позаимствованное столетия спустя у Василия, Теофраст Парацельс применил к описанию всех вещей».

И, хотя знаменитый бельгийский медик испытывал к фон Гогенхейму искреннее уважение, он в данном случае позволил себе весьма суровые суждения:

«Он присвоил себе это учение, скрыв имя автора и по собственной воле включил его в свои медицинские сочинения» [2].

Вообще, в XVII веке почти все считали, что славный Теофраст Бомбаст фон Гогенхейм, именуемый Парацельсом, стал учеником Эрфуртского монаха чрез изучение его трудов. Бернхейв, трудившийся в начале уже следующего, XVIII столетия, был в этом убежден полностью:

---

[1] Vide in *Opera Medico-Chimico-Chirurgica*, Francofurti, 1603 & Genevae, 1658.

[2] Distinctius deincepts scripsit Basilius Valentinus, monachus benedictinus, animam metalli, sulfur, sive tincturam nuncupavit, corpus vero sal, ac tandem spiritum dixit mercurium. Quac sic a Basilio mutuata, deinceps in cuncta corporum principia, mirifica indagine, transtulit Theophrastus Paracelsus uno plus seculo, Basilio junior. Cujus doctrinam, suppresso auctoris nomine, in se rapiut, & in speculationes medicas propria introduxit licentia. — *Ortus Medicinae, authore Ioanne-Baptista Van Helmont... edente authoris filio Francisco-Mercurio Van Helmont.* Amsterodami, 1652, p.324; «Медицинский Сад Жана Батиста Ван Гельмонта, опубликованный сыном его Франсуа Меркюром».

«Я слышал, что его именуют наставником всех алхимиков и вдохновителем учений Парацельса и Гельмонта» [1].

Андреас Сальминциус, издатель Галиографии [2], *в своем* Посвящении *Иоанну Люпарусу, знаменитому сенатору города Болоньи, к общим похвальным словам величайшего уважения в адрес Василия Валентина добавляет:*

«Я подтверждаю, что он был Мастером у Теофраста Парацельса — *Dicam tantum fuisse Praeceptorem Theophrasti Paracelsi».*

Даже Парацельс в действительности и был учеником Василия Валентина, это нисколько не умаляет славу и величие пламенного обновителя и беспокойного возмутителя Нюрнберга, Сент-Голля и других мест, гениального «сумасшедшего», которому современная медицина обязана основами всей своей терапевтической практики. На протяжении всей жизни Парацельс подвергался нападкам и издевательствам собратьев: по смерти — весьма нелестным отзывам ученых мужей; он страдал даже от необъяснимой и несправедливой ненависти ближайших сотрудников — Опоринуса и Эраста. Только в наше время историки начали примиряться с его памятью, некоторые даже высказывались в духе того, что не Василий Валентин был предшественником Парацельса в вопросе о третьем начале, а вовсе наоборот. В этом случае получается, что труды Василия Валентина были написаны на целое столетие позже. Этот спор породил огромное досье, разбор которого не может быть задачей нашего предисловия [3].

Однако, без сомнения, следует представить некоторые наблюдения, на суть каковых мы уже намекали выше. Это касается так называемого философского псевдонима. При всем сказанном он столь открыт и прям, что корнесловное истолкование его оказывается предельно полным, тождественным и по справедливости может быть принято всеми и каждым.

---

[1] *Institutiones et Experimenta Chemiae*, op.cit. p.25: Audeo illum vocare praeceptorem omnium hodiernorum chemicorum, & omnium dogmatum Paracelsi et Helmontianorum.

[2] *Op.cit*, supra, p.46.

[3] См. в т.ч. Kopp (Hermann) *Die Alchemie*; Lippmann (E.O. von) *Entstehung und Ausbreitung der Alchemie.*

Самуил Райхер, хотя и не совсем точно соединяет латынь с немецким, а не с греческим, вполне согласен с утверждениями Мастера Вайца, «писавшего, что имя Василия Валентина есть не что иное, как истолкование греческого Basileùs — *Basilius Valentinus, scribit ist nicht ein nomen fictum ex graeco* Βασιλευς» [1].

Великое имя Василий Валентин *означает* Могучий Царь, славный монарх, *как иносказательно алхимики именовали чудесный плод своего труда. Действительно, первое слово есть греческое* Βασιλευς — Василевс, Царь; *второе же произошло от латинского* valens, valentis, *то есть* могучий, могущественный.

Именно говоря об этом истинном суверене, Филалет в своем знаменитом трактате уже одним названием как бы предлагает нам восхождение по лествице смыслов, со всею последовательностью, упорядоченностью и тщательностью указывая, что Великое Делание есть

ОТВОРЕНИЕ ВХОДА В ЗАТВОРЕННЫЙ ЦАРСКИЙ ДВОРЕЦ
ОТВЕРСТЫ ДВЕРИ ЦАРСКА ДВОРЦА ЗАТВЕРСТА
L'ENTRÉE OUVERTE AU PALAIS FERMÉ DU ROI

Таково было мнение Якова Толя, полноценное и обоснованное, основанное на опыте практикующего мастера, эхом отозвавшемся в звучании слов:

«Примите же истину. Наш автор, как я уже показал, часто выдает за речи Меркурия свои собственные. Меркурий Философов и есть *Basile, царственный, царственное дитя, инфант инфанта, короля-ребенка (enfant du petit roi). Basileios, царский*, то есть купно происходящий от Василевса, Царя, то есть *Царерожденный*, и просто производное от слова *Василевс*, *Basileùs* (подробная расшифровка наша, точный перевод Э.Канселье — ниже (перев.)). *Valentin*, что означает силу или могущество, есть тот, кто все проницает, порождает, питает, преумножает, преображает и обновляет».

[1] *Dissertatio de Nummis.* Op.cit. supra p.44.

«Recevez donc la vérité. Notre auteur, comme je vais le montrer ici et ailleurs, cache souvent le Mercure parlant sous sa personne. Pour lui le Mercure des Philosophes est *Basile, royal*, enfant du petit roi. Basileios, royal, en effat, vient de Basileùs. *Valentin*, de devaut être fort, ou la puissance, qui pénètre, engendre, nourrit, accroît, transforme, renovelle tout» [1].

Похоже, что и последующий атрибут именования Василия Валентина, Бенедиктинца, также означает некое дополнительное иносказание:

«Бенедиктинец (de l'Ordre Bénedictin, принадлежащий к ордену, порядку, цепи Благословенных — перев.) есть преподающий несовершенным металлам, то есть своим лишенным наследства братьям, небесное Благословение, чистейшую божественную сущность» [2].

Влюбленная в алхимию ученица своего мужа, опубликовавшая результаты его опытных исследований, Сабина Стюарт де Шевалье (Sabine Stuart de Chevalier) высказала предположение, что так называемый Эрфуртский Бенедиктинец — олицетворение некоего герметического сокровища (gemme) и его чудесных свойств. Однако, сия жена, поместив в предисловие своего трактата некие соблазнительные обещания, не исполняет их, ограничиваясь в последней четверти второго тома чисто спагирическим пересказом Двенадцати Ключей Любомудрия:

[1] *Sapientia Insaniens.* Op.cit., p.9: Accipite igitur veritatem. Auctor noster & hic, & alibi, ut indicaturus sum, pluries Mercurium loquentem inducit sub persona sua. Mercurius illi Philosophorum est *Basilius*, *regalis*, proles reguli. Βασιλειος, enim παρα του Βασιλεως *Valentinus* a valendo, seu potentia, qua cuncta penetrat, generat, alit, auget, mutat, renovat.

Толь предпочитал *valendo*, то есть активное деепричастие отглагольному прилагательному, при сохранении смысла: сам силен да усилит силу (*en rendant fort, qu'il faut fair robuste* — букв. оставаясь сильным, да соделает все неколебимым.

[2] *Ibidem: Ordinis Benedictini*, quia fratribus suis egenis, metallis impuris, *Benedictionem* caelestem, id est purissimam aetheream essentiam suam impertit. (Мы везде сохраняем греческий язык и курсивы Якова Толя — Э.К.; также и строчные, и прописные буквы Э.Канселье (перев.).)

«Я покажу вам со всею несомненностью, что Василий Валентин и его труды есть не что иное, как ученая и хитроумная эмблема философского камня и всеобщего лекарства, с предосторожностью спрятанная неким одаренным Философом, однако, раскрытая вопреки всем его ухищрениям» [1].

Если мы полностью примем таковое, впрочем, вполне традиционное объяснение, нам не будет нужды утаивать и дальнейшее извлечение греческих корней, несущих в себе твердые основания сокрытого алхимического бытия. Авторитет аббата Эспаньиоля — наша защита от обвинений в отягощенности любословием. Вспомним и то, что то же имя, что и наш Благословенный, носил и знаменитый гностик-ересиарх, чье учение было чрезвычайно распространено в начале нашей эры. Вот что пишет об этом имени досточтимый Аббат:

«Υαλος» *означает* стекло, *из коего Латиняне произвели* hialum [2], *то есть* фиал, стеклянный сосуд [3], *по-французски же* hyalin; *при этом* Υαλος *можно произносить* valos, *ибо* Y *легко переходит в* V [4].

На самом деле символически Царь *имеет природу* стекла; *он есть всеобщая красная* (рдяная, рудная, рудая, rouge, red — перев.) *душа, заключенная* в стекольную плоть, *озаряемую ею же изнутри; вместе с ней он образует* Карбункул Мудрых, *также именуемый* Великим Лекарством *и* Философским Камнем.

---

[1] *Философское Речение о Трех Началах, Животном, Растительном и Минеральном или Ключ к Философскому Сокровищу (Discours Philosophique sur les Trois Principes, Animal, Végétal et Minéral ou la Clef du Sanctuaire Philosophique.* Paris, 1781). Название и имя автора подчеркнуты и рядом чьей-то рукой надписано: *«Сей ключ указует, что есть сокровище Естества; он раскрывает тайны; он снимает покров с Писаний знаменитого Василия Валентина и лишает его сана уважаемого Ордена Бенедиктинцев, давая истинное объяснение Двенадцати Ключей хитроумного Философа».*

[2] *Glossarium mediae et infimae Latinitatis Cangii.* Parisiis, Firmin Didot Fratres, 1840, vide in hac voce.

[3] *Grand Dictionnaire* de Guillaume Freund. Pariis, Firmin Didot et Cie, *voyez à ce mot.*

[4] Abbé Espagnolle, *l'Origine du Français.* Ch. Delagrave, Paris, 1889, tome troisième, p.311.)

Соломон Трисмосен (Salomon Trismosin) изображает вздымающегося над лунным мениском коронованного Царя, облаченного в пурпурную мантию и держащего в одной руке державу, увенчанную крестом, в другой — скипетр. При этом Царь как бы облекаем грушевидным стеклянным сосудом, герметически закупоренным с помощью мастики премудрых. Верхняя часть сосуда вытянута и спиралеобразно обвивает корону [1]. На фронтисписе автор, именующий себя учеником Парацельса, изображает Царя уже вне стеклянной оболочки, которую отдельно держит в руке некий старик, стоящий возле Царицы. По бокам гравюры — иероглифическое краткословие Великого Делания, в свою очередь перепечатанное Пьером Моё на дереве в его издании Двенадцати Ключей Любомудрия *после небольшого трактата-предисловия собственного сочинения. Для лучшего понимания текста добавим, что автор проясняет это изображение как «наилучшее вознаграждение для лишенного куска хлеба художника» [2]. Композиция текстов образует внутри себя подобную акростиху криптограмму* VITRIOL [3] *которую алхимики вообще часто подобным графическим способом включают в начертание ключей.*

В связи с этим замечательно, что Дю Канж (Du Cange) словом Vitrioli [4] *обозначет* ampullae vitrae, стелянные колбы, *подобные той, которую изобразил Соломон Трисмосен в виде стеклянного жилища сокрытого* Великого Монарха.

---

[1] *Золотое Руно и Цветок Сокровищ, кратко и последовательно повествующий о Камне Философов. La Toyson d'Or ou La Fleur des Tresors, en laquelle est succinctement et methodiquement traicté de la Pierre des Philosophes...* Paris, Charles Sevestre, 1612, p.97, figure 18. Гравюры, составляющие этот сборник, очень редки для начала XVIII столетия. Они сугубо ценны, ибо исполнены в цвете, возможно, одни из первых подобных. Замечательно при этом, что все контуры не отбрасывают теней, а краски переходят одна в другую. Чернила не дают блеска; много сознательно сделанных подтеков, придающих ощущение новизны и зарождения, что с некоторым благодушием провозглашается на титульном листе: «Обогащенные Фигурами и *самими Красками, они оживают»*, и это как бы научает нас практике нашего дивного Делания.

[2] *Vide infra*, p.86.

[3] *Vide supra*, p.21.

[4] Gloss. Cangii, op.cit. *vide in hoc vocabulo.*

При этом Vitriolum (vitriol, купорос) *есть также* vitri oleum, елей стекла *или* масло стекла, *выражение, используемое Пантеусом как единоименное* vitrum Pharaonis, стекла Фараона (verre du Pharaon) [1]. *Однако, хотя и* «фараоново», *но это стекло теперь уже не безбожное и не осквернённое, но, напротив, преображенно-превращенное в* философскую чашу, Святую Ампулу (Saint Ampoule), *хранившуюся веками в кафедральном соборе в* Реймсе, *древней столице* Царей (Rois, *королей*). *Именно в ней находился неиссякаемый елей, использовавшийся во Франции при коронационном помазании святым миром. Согласно древнему преданию, пересказанному в IX веке хронистом Хинкмаром (Hincmar),* Святая Ампула *была отдана прямо в руки святого Ремигия (Saint Remi) спустившейся с неба голубкой для миропомазания только что крещенного им Хлодвига. Этот драгоценный сосуд был разбит в 1794 году публично на городской площади Реймса членом конвента Рюлем (Rühl), через год окончившим свои дни жалким образом, подставив голову под пистолет.*

Как, однако, схожи между собой Вестничество (Mission) Царя и Художество (Art), одинаково сверхъестественные по происхождению от Единого Божественного истока как силы, так и вдохновения!

Vitriol, купорос философов, *как хорошо известно, это, конечно, не сульфат железа и не зеленого цвета медный купорос, который можно купить; он не имеет с ними ничего общего, кроме цвета и свойств соли. В своем небольшом учебнике Ле Бретон особо подчеркивает целебные свойства третьего и здесь, на земле, основного для нас начала.*

«Достоинства чистого купороса чудесны (merveilleuses), дух его соделывает обычную ртуть, вульгарного меркурия, всецелительницей, панацеей, которая есть поистине лекарство от всех болезней; но если бы вы знали, о каком купоросе я говорю, и о каком меркурии» [2].

В частности, vitriol *есть* чаша естества, философское яйцо, *в недрах которого сокрыта рыба-прилипала, или, если*

[1] In *Voarchadumia*. Parisiis, apud. Viventium Gaultherot, 1550, p.20.

[2] *Ключи спагирической Философии (Les Clefs de la Philosophie spagyrique).* Paris, chez Claude Jombert, 1722, p.321.

яснее, маленький дофин, *который при тщательной подготовке, варке яйца вырастает во всемогущего Царя, о котором повествуют цветные виньетки Соломона Трисмосена и составное имя германского Адепта. Вслушаемся в слова второго его ключа:*

«Когда же, наконец, таким образом, а также и с помощью различных ручных работ, дворец для Царя построен и украшен, и стеклянное море уже остановило свое течение, принеся во дворец многие сокровища, Царь без всякой для себя опасности входит в него и может установить свой престол» [1].

Божественная Бутылка *Франсуа Рабле есть не что иное, как наше минеральное Яйцо. В последней главе книги о Гаргантюа и Пантагрюэле Панург воспевает святосвященный сосуд,* Трижды Высочайшую (Trismegiste) Бутылку *в катрене, который мы можем считать величайшим предшественником современного свободного стиха:*

Молюсь тебе я, право слово,
Всей нищетой исполнен весь,
Да не пролью сквозь сито я ни капли,
Тебя, пусть белое ты, пусть предивно-красное [2].

Легкое присвистывание, подобно свисту нашей печи, выказывает порождение двух Камней — Камня белого и Камня алого.

«Ибо слово ТРИНК, коим руководствуются все оракулы, — *утверждает у Рабле жрица Божественной Бутылки Бакбук,* — известно и понятно всем народам». *Но* Alcofribas *или* винный осадок, *по-гречески также будет* Τρυξ, truks, *а на* арготическом *языке* [3] le truc *означает* способ осуществления первоначального разделения.

Вот какой совет дает Панургу «дама чести Бутылки и свершительница всех мистерий» «досточтимая Бакбук»: «Ваши философы, проповедники, ученые кормят вас хорошими

[1] См. infra. p.117.

[2] *Pantagruel*, livre V, chapitre XLV. Обратим внимание, что слово *vermeille*, используемое Рабле для обозначения красного вина, является анаграммой *merveille — чудо, диво* (перев.).

[3] Фулканелли прямо говорит об алхимическом и готическом происхождении т.н. арго, *Argotique* = art *gothique* (См. Тайны готических соборов. Киев, 1996. — перев.).

словами через уши, мы же вводим наставления непосредственно через рот. Вот почему я не говорю: «Прочтите эту главу, просмотрите эту глоссу», а говорю: «Отведайте этой главы, скушайте эту отменную глоссу» *И далее:* «то была самая настоящая бутылка фалернского вина, и Бакбук велела Панургу осушить ее единым духом. — Изрядная глава, поразительно верная глосса! — воскликнул Панург» [1].

Речь идет здесь прежде всего об отвержении рассудочного восприятия, ставшего в наши дни истинным бедствием.

Можно прочитать неимоверное число книг по алхимии и никогда не окончить чтения, потратив на него всю свою жизнь, долгую-предолгую, занимаясь этим и только этим, и все равно ничего не понять ни о Квинтэссенции (Пятой Сущности), *ни об* Энтелехии (Совершенной), *ни, тем более,* о реторте (matras, matrice, матке, матрице), *их порождающей. Но можно все и сразу понять из неоконченной* Пятой и Последней Книги доброго Пантагрюэля.

Из того же стекла, что и божественный сосуд мастера Рабле, сотворена и маленькая туфелька Золушки, сколько бы ни пытались разные толкователи доказать, будто бы она была из беличьего меха, не verre *было название материала, а* vaire. *Что угодно, лишь бы опошлить и умалить Миром веющее Мироносное, Чудесное (Merveilleux)! Как писал Святой Апостол Павел:* «Зане буее Божие, премудрее человек есть: и немощное Божие крепчае человек есть. Видите бо звание ваше, братие, яко не мнози премудри по плоти, не мнози сильни, не мнози благородни: но буяя міра избра Богъ да премудрыя посрамить: и немощная міра избра Богъ посрамить крепкая» *(I Кор., 1:25-27)* [2]. *Но и это не вразумляет «мудрых века сего», для ко-*

[1] *Фр.Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль. Перевод Н.М.Любимова.* М., 1966, с.700. Текст приведен нами несколько расширенно по сравнению с цитатой Э.Канселье, т.к. хорошо знакомое по одному намеку французскому читателю мало известно русскому. Панург в переводе с греческого означает «Всесозидающий» (перев.).

[2] *Première Epître aux Corinthiens*, chap.I, v.27. Часто переводят *quae stulta sunt* как *ceux qui sont fous* или *les moins sages*, то есть *тех, кто безумен* или *тех, кто менее мудр*, вместо *буяя міра* или *немощная міра*, более многозначного определения (Э.К.).

Синодальный перевод Нового Завета на русский язык в данном случае сохраняет верность оригиналу (перев.).

торых такая очевидная несуразица, как «мех» оказывается соломинкой, за которую они хватаются, лишь бы скрыть истину.

С точки зрения уже нами выявленного, нам кажется совершенно не соответствующим истине мнение, будто бы очевидное в своей наивной уверенности, что юный Пьер Перро Дарманкур (Pierre Perrault Darmancour) сочинял свои Сказки Матушки Гусыни *для детской (d'enfants) потехи. С самого начала в своем* Предпосвятительном Предисловии (l'Epétre dîdicatoire) *к первому изданию 1697 года Перро, которому исполнилось тогда девятнадцать лет, указывает, что, собственно, не ему принадлежит подлинное авторство* [1]: «Не будет странным, — *пишет он,* — что Сам Инфант (Enfant) имел удовольствие составить сей свод». *Это дивное единство иронии и риторики указывает на единосущие* Инфанта, Царского Наследника, *и* самого униженного и потерянного, единого от малых сих, parvulus, *в точном соответствии с притчами Самого Христа. Ибо* «для жалких бедняков и святых опущенных (abbatus) Бог сохранил наш путь, простой и странный» [2].

Что же до Шарля Перро, записавшего «Золушку», отца Пьера Дарманкура, который записал Истории прошедших времен, *то его труд — уже дитя поздней, а потому фривольной, свободной культуры автодидактов, хотя местами повествование Перро все же поднимается до блистательного уровня его родного брата архитектора Клода, который был старше Шарля на пятнадцать лет* [3]. *В частности, есть прямая связь между посто-*

[1] Пониманием этого мы обязаны прекрасному изданию Клода Эвлена (1923), из которого мы почерпнули эти сведения исключительной ценности.

[2] Philaletha. *Introitus*, op.cit. cap. XIX, §3. «Per viam nostram facilem & raram, quam Deus reservavit pro pauperibus contemptis, abjectisque suis sanctis».

[3] Известно о ссоре между Клодом Перро и Домиником Кассини, упрекавшим архитектора и медика в том, что тот строил не строго по его начертаниям. Этот спор был разрешен Людовиком XIV в пользу Перро, чьи архитектурные взгляды были основаны на глубинном ведении. Отметим, например, что южная стена Обсерватории в точности совпадает с географической параллелью Парижа, пересекаемой на первом этаже точно проведенной линией меридиана, причем совпадения с картой Франции поразительны.

янно появляющейся в Сказках тайной дверью *и архитектурными идеями Клода Перро, в особенности если принять во внимание дверь под лестницей Парижской Обсерватории, за которой — подземелье с великолепным изваянием сладчайшей Черной Девы, о которой вслед за Камилем Фламмарионом писал наш старый мастер Фулканелли* [1].

Мы имели счастье созерцать эту маленькую Подземную Нашу Владычицу (Notre-Dame de dessoubs terre), *символ Первоматерии, Грубого Камня (Pierre Brute) Великого Делания, во время исследования парижских подземелий в июле 1936 года. Со мною было трое прекрасных друзей и один государственный служащий, которому мы особенно благодарны за содействие. Все четверо да будут вознаграждены сторицей.*

«Эта зола», — *утверждает ученейший и искреннейший Артефиус* — «и есть тот самый пепел Философов, который оседает на дне сосуда и которым мы не смеем пренебрегать, ибо в золе Венец нашего Царя» [2].

Золушка *есть X, кси, луч, озаряющий золу, пепел, в груди коего обитает драгоценное стекло, облеченное в форму сказочной туфельки. Она является когда исчезает всякая внешняя красота и богатство.*

Следует понять, с каким міром — *аналогом макрокосма — встречается Василий Валентин, устанавливая своим четвертым Ключом химическую связь между сияющим склепом Бутылки страны Светильников и хрупким башмачком огненной Золушки.*

ВСЕ ВЕЩИ ИДУТ К СВОЕМУ КОНЦУ.

Этот афоризм, использованный Рабле, многократно повторяется в алхимических книгах.

В трактате о Древней Войне Конных [3] *Золото и Меркурий совместно противостоят Камню Философов, а в нашей*

[1] *Le Mystére des Cathedrales, p.36.*

[2] В *Trois Traitez*, указ. соч.: *Le Secret Livre*, p.44.

[3] *Le Triomph Hermétique ou la Pierre Philosophale victorieuse.* Amsterdam, 1699, (1re edition).

сказке они предстают в человеческом обличии как две злобные сестры, которые травят добрую и нежную Золушку. Они не узнают ее, как только она меняет свои жалкие будничные одежды на брачные одеяния царского пира.

В сохранившейся со II века версии, пересказанной эллинистическим собирателем Элиеном, без сомнения, версии, вдохновлявшей Шарля Перро, Золушка носит имя Родопы, а ее туфелька переносится орлом, садящимся на грудь царя Псамметиха.

Родопа *пишется по-гречески* Ροδωπις, Rhodopis; *корень этого имени* Ροδον, Rodon, la Rose, Роза. *Корень этот анаграмматически можно написать словом* Δωρον, Doron, le Don, Дар. Сокрытая Роза, Дар Божий, Философский Камень, *хранимый сокровенно хранящими древнейшую традицию* Сказками Матушки Гусыни, *пронизанными тысячелетними тайнами. И, быть может, мы когда-нибудь сумеем предать бумаге эту волнующую экзегезу простой сказки дабы как-то облегчить и решение Великого Вопроса, стоящего перед людьми, вопроса, содержащего в себе также и ответ о единственно возможном, насколько это вообще возможно на земле, устройстве жизни, пронизанном высоким смыслом, который каждому может раскрыть только мастер. О таком смысле говорит и философаноним, без сомнения, Адепт:* «Не чтение Любомудрых книг соделывает Любомудра, но делание, прежде деятельно раскрытое верным другом, охудожествовавшим Художество» [1].

Об этом, по существу, и поет в своем втором поучении Золушка или же сама ея стеклянная туфелька:

«Сомнения нет, прекрасно
Храбрость иметь, силу ясну,
Род благ и добролюбие —
Их возлюбите, людие,

[1] *Письменное научение всему герметическому искусству. (Science écrit de tout l'art hermétique),* в первом письме (не подписанном) *О творениях Духа, содержащих все искусства и все науки и все, что есть в них чудесного (Des Productions d'Esprit contenant tout ce que les arts et les sciences ont de rare, et de merveilleux).* Сочинение доктора Свифта и иных в переводе г-на Соньера де Бомона (Saunier de Beaumont). Paris, 1736, p.17 à 27, canon II — См. тж. *Nouvelle Assemblée des Philosophes*, op.cit.

Сии бо вси Неба дары.
Но даже владея ими,
Вам не выбраться изо тьмы,
Коли не нарекли вам имя,
Коли Кума нет и Кумы».

Можем ли мы при всем том пренебрегать Философским чтением? Я так не думаю, скорее наоборот, и потому отсылаю своего читателя к Предисловию, которым почему-то пренебрегли парижские издатели, — в нем Василий Валентин утверждает, что воспринял Ведение из книг Древних и непосредственно из молитвы, обращенной к Богу. В его труде, в Двенадцати Ключах Любомудрия, *которые мы теперь предаем свету, без сомнения, присутствует вызывающее некоторое разнопонимание учение о самопроизвольном зарождении, решительно отвергнутое сначала Франческо Реди, а затем и Пастером. Вопрос этот требует дальнейшего изучения; здесь, без сомнения, налицо остатки каких-то верований, многие искажения; и многое просто не объяснено и не объяснимо иначе, как чрез воззрение на минеральное Делание, имеющее прецеденты, — самопроизвольное зарождение (партеногенез) гомункула,* маленького химического человека *братьев-герметиков.*

Никто лучше Космополита не показал превосходство ведения Адепта [1] *над знаниями, принадлежащими времени, на великое различие между алхимией, неизменной и непересыхающей рекой Абсолютного, и наукой, всегда подверженной переменениям и порче, сегодня отвергающей вчерашнее, а завтра сегодняшнее. Увы! Никакие ученые степени и дипломы не имеют никакой ценности, это просто льготы в обход справедливости, беззаконный фаворитизм, подчиненный частным интересам, корысти и взаимным обязательствам людей, кланов и партий.*

Напоследок выслушаем Сетона (Seton) и этим завершим наше долгое Введение, за которое да пошлет нам прощение наш мастер Василий Валентин из ныне неизвестного и сокровенного своего обиталища:

---

[1] Латинское существительное *Adeptus* означает *получивший Дар.*

«Я уверен, что если бы Гермес, Гебер & Луллий, тонкие, глубокие Любомудры вернулись в наш мір, они были бы не поняты их же последователями, даже и любителями мудрости. Без сомнения, и сии великие просто не обратили бы внимания на нынешние циркуляции, дистилляции, кальцинации & прочие бесполезные операции, измышленные ныне живущими. Впрочем, и нынешние не понимают прежних, тем более наших добрых & ученых Древнейших. Нынешние не знают единственной вещи — что, собственно, есть Камень Философов, то есть самое Физическая Тинктура, хорошо известная Древним» [1].

Савиньи. Февраль 1955.

Выправляя типографские ошибки, мы обнаружили, что одна из страниц нашего рукописного текста «выскочила». Пользуясь исключительной возможностью, мы заполняем образовавшийся в нашем Введении пробел, дабы не обойти молчанием важное указание Василия Валентина, сделанное им в дополнение к научению деятельной работе:

«Италийцы и Испанцы недостаточно изучили ход варки, ибо только немногие из них ведают, что в *Верхней Германии, в рейнской области* он хорошо известен»; Hanc coctionem Itali & Hispani parum nôrunt, in superiore quoque Germania in tractu rhenano patria mea paucos illius gnaros inveni» (Currus Triumphalis, op. cit., p.21).

---

[1] *О Естестве в его целом. De la Nature en general. Paris. Jean d'Houry.1669, p.4 et 5.*

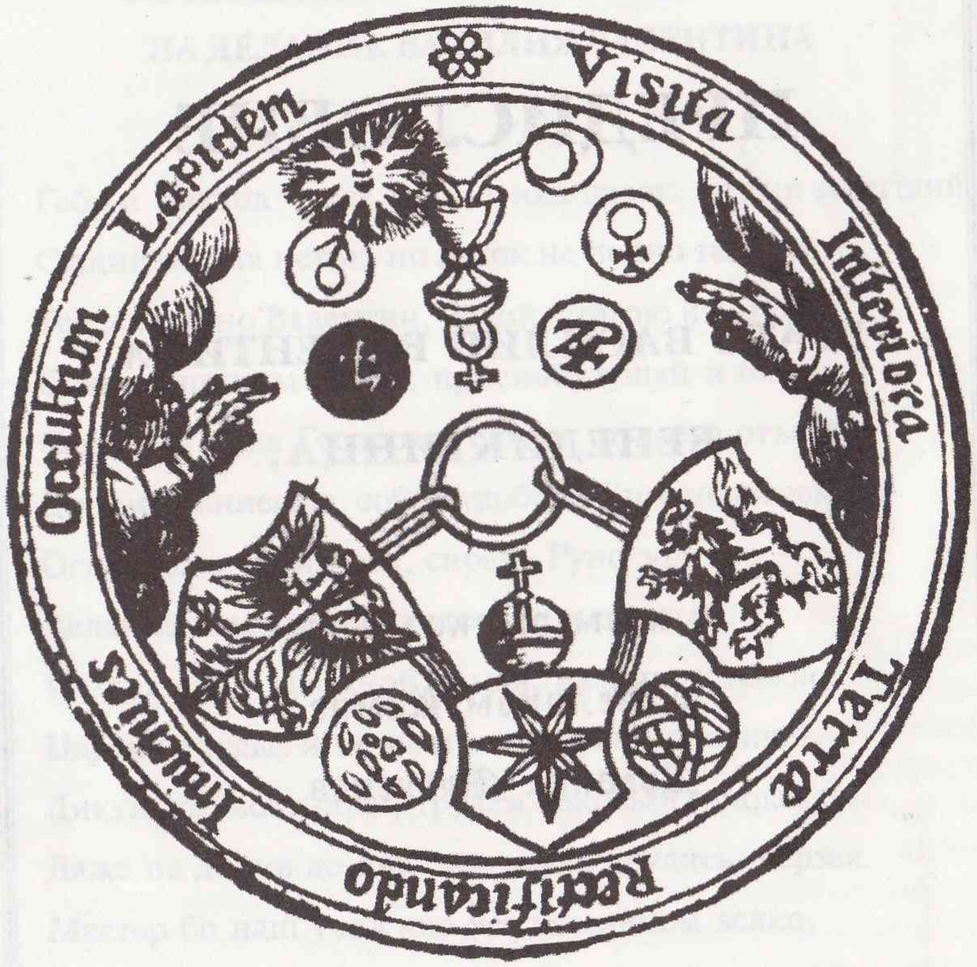
ЭПИГАРММА,
СОЧИНЕННАЯ МИХАИЛОМ МАЙЕРОМ,
НА ДЕЛАНИЕ ВАСИЛИЯ ВАЛЕНТИНА

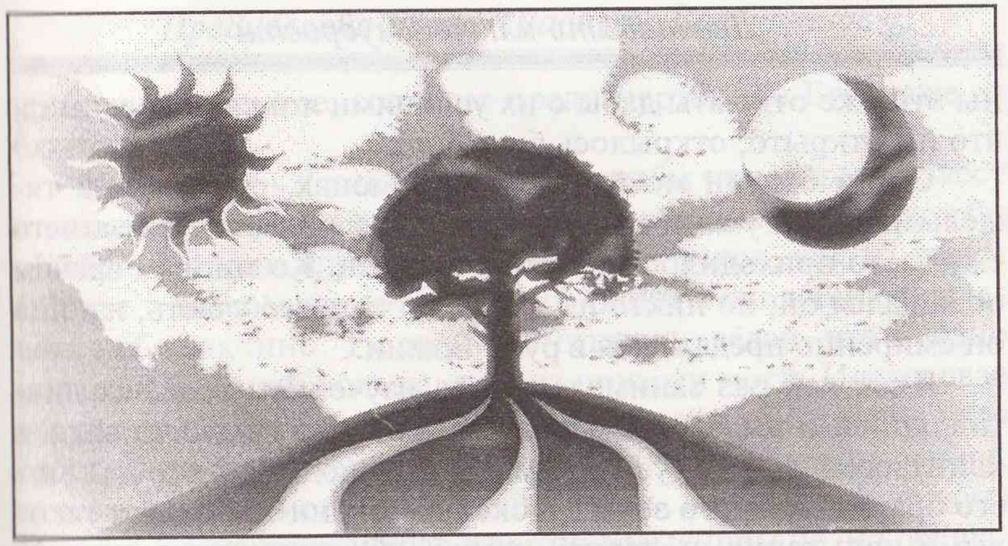
Гебр и Пактол — две реки; в них песок, на дне залегший,
Сущий золота исток, но исток не полно текший.
Тек же полно Валентин, целой книгою избывший
Сокровищницы цветы, приснобудущей и бывшей.
Сей плод Сада Гесперид, сам ся от древа отъемля,
До земли снисшел, собой удобрив Германски земли.
Огнь Колхиды изнеся, сиречь Руно золотое,
Делание свершил, Великое же и простое.
Из-под сени законной изыдя, нам представляет
Царски труды, ими же и сам царски просияет.
Ликуй же, восхищен, трудам таковым подражая,
Даже не допив до дна, все равно трудись, дерзая.
Мастер бо наш учил яко все во едином всяко,
Все же слова не слова, те и не те — помню тако.
Опричь книги сей иной вещественности не надо,
С нею вещ и без вещей станешь, обретя отраду.

ПРЕДИСЛОВИЕ

БРАТА ВАСИЛИЯ ВАЛЕНТИНА
БЕНЕДИКТИНЦА,

в коем рассказ идет
о Великом Камне
Древних Мудрецов

Пройдя в жизни своей сквозь свойственный всякому человеку страх, я со всею ясностию узрел все зло міра и века сего и, предавшись уединению, стал оплакивать вину наших прародителей. А поскольку для живущих в міру нет места для покаяния, а люди становятся все злее и уже вовсе не способны помыслить даже и о временных наказаниях, тем менее о восхождении к вечным благам, я принял твердое, насколько это вообще возможно, решение удалиться от зла, отречься міра и весь живот свой предать Богу, став Его служителем.

Однако, проведя некоторое время в стенах обители, в повиновении орденскому уставу, и, получив, наконец, отпущение грехов моих, я осмелился принять священство, но — увы мне! — дух вольности пронизывал все суставы мои, а мысль, блуждая, вновь искала поводов ко греху. И тогда я принял решение посвятить себя изучению естества, проникновению в тайны его и их разгадке. Предметы же таковые среди вещей земных почитаются возвышеннейшими, ибо превыше их только принадлежащее небу. В обители нашей я обнаружил множество книг, задолго до меня написанных искусными в исследовании естества философами, и, с наслаждением отдавшись их чтению, что весьма было мне трудно, вскоре же обрел навык, ибо всякое дело вначале затруднительно, в конце же легко весьма. Тогда же стал я со всею искренностию молить Бога открыть мне и людей, коим тай-

ны эти уже открыты дабы с их усилиями я и свои соединил, что им открыто, открылось бы и мне.

Среди братии моей был некий монах, страдавший тяжелыми приступами каменнопочечной болезни, из-за чего ему часто приходилось лежать в постели. Ко многим врачам обращался он, но никто не мог облегчить его участь, и тогда он смиренно предал себя в руки Божии.

Я же как раз занимался тогда изучением трав, их дистилляцией и выделением из растительного вещества соли и квинтэссенции, но, увы, не мог найти подходящего для моего брата целебного зелья, и сколько бы ни занимался таковыми испытаниями, терпел ущерб, ибо сила всех этих трав была недостаточна. Так мои тщетные поиски чудодейственной травы растянулись на шесть лет.

С той поры в духе живом я собрал воедино силы мысли моей и размышлял лишь о сем предмете. И так постепенно стал я учеником, а затем и последователем фундаментального знания, предусмотрительно сокрытого Творцом в царстве земных металлов и минералов; и чем усерднее были мои поиски, тем больше мне становилось открыто. Так чрез заботу о ближнем я познал свет, в коем глаза мои узрели множество вещей, о которых естество, как это ни трудно понять невежественным людям, рассказывает на языке минералов и металлов.

Среди прочего я углубился в познание некоего разноцветного минерала, чрезвычайно действенного применительно к нашему искусству. Я сумел извлечь из него духовную сущность и затем с ее помощью вернуть брату моему здравие [1]. Дух же этот был столь силен, что мог и дух брата моего укрепить и восставить к ежедневной молитве обо мне, что он и стал после делать в любую свободную минуту и делал это до самой смерти. А прожил он после своего выздоровления очень долго. Так наши общие молитвы стали силою, посредством коей Создатель просветил меня, восполнил мои усилия и от-

[1] incidi in minerale quod ex multis coloribus compositum. *Фр. вариант*: je pris un mineral composé de nombreuses couleurs. Nota bene: Варианты, избранные нами здесь, как и во всем трактате, как мы уже говорили во введении, сопоставлены с немецкой его версией (Э.К.).

крыл мне сокрытое, согласно предначертаниям Его, даже от благоразумных.

И вот теперь я пишу сей трактат дабы приоткрыть завесу и указать на Камень Древних, прибывший в нашу юдоль скорби с небес для исцеления и утешения человеков, как на высочайшее и всесозвучное сокровище, коим я сподобился овладеть небеззаконно. Ты же, мой читатель, ведай, что писано сие ради будущей пользы, а не из прихоти моей. Исследовав многое написанное искуснейшими мужами, я составил свое собственное поучение, скупое на слова, но щедрое смыслами, так, чтобы и ты мог обрести сей Камень, на коем воздвигнута Истина, вознаграждающая в бытии временном не без обещания вечного. Тако и буди, буди [1].

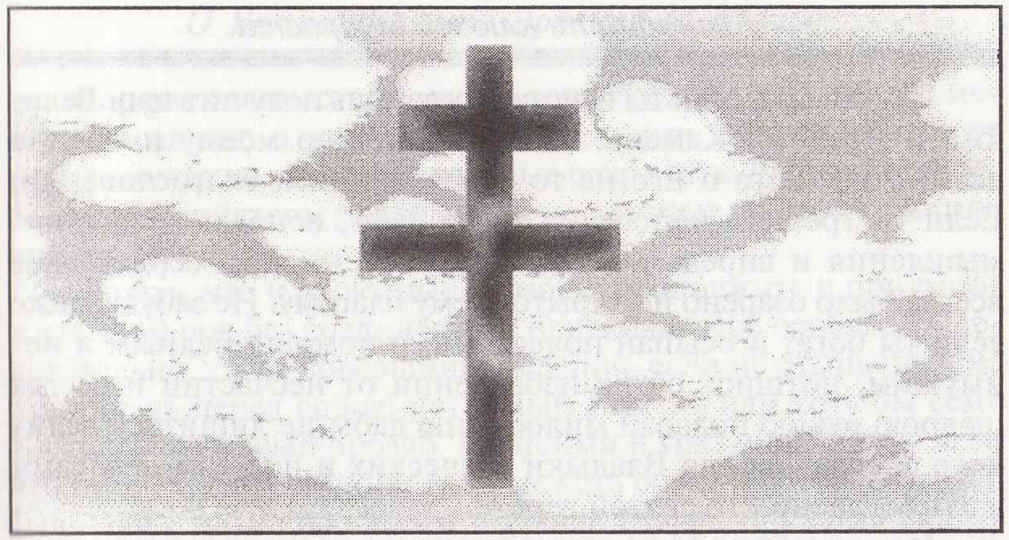
[1] Это последнее указание вновь подчеркивает как особую возвышенность алхимического делания, так и врачебные свойства философского Камня, посредством которого Адепт способен продлевать свою жизнь по собственной воле и без ущерба для здоровья. Но у Камня вообще как бы тройное предназначение — быть неисчерпаемым источником не только благ настоящего, но и знания вещей прошедших и будущих, и уже здесь сподобить нас наслаждаться Раем, который, согласно Преданию, был обителью людей при символическом міропорождении (Э.К.).

О ВЕЛИКОМ КАМНЕ ДРЕВНИХ МУДРЕЦОВ

СОЧИНЕНИЕ

БРАТА ВАСИЛИЯ ВАЛЕНТИНА

БЕНЕДИКТИНЦА

В предисловии моем я приоткрыл тебе, о великий и неутомимый друг великого искусства, а также и всем подобным тебе пламенным искателям и исследователям, врата надежды на обретение краеугольного камня или, если угодно, скалы, взойдя на которую можно достичь высот, достигнутых мною тяжким трудом. Я покажу тебе, как наши древние Мастера добывали Камень, полученный ими от Всевышнего и даровавший им здравие и всяческие земные блага. Впоследствии, как обещал, я укажу тебе способы не заблудиться в дебрях софистики и обрести источник благ, но если ты воистину преисполнен желания постичь наше искусство таким, каково оно есть на самом деле, ты должен уразуметь и тщательно взвесить мои слова. Поверь мне, все это не пустая болтовня, но, напротив, краткословие, вводящее в самую суть вещей.

Но взгляни же, как мало достигших вершины среди взыскующих ее, — а ведь сколько людей трудятся, добывая наш Камень. Ведь если Творец сотворил истинную науку и способы ее познания сокрытыми от большинства, то, значит, среди призванных – лишь отвергшие всяческую ложь и вдохновленные всяческой правдой, те, кто ищут нашего искусства открытым сердцем, нелицемерно любят Бога и пребывают в молитве, обретают его.

Вот почему, если ты воистину желаешь получить наш Великий и Древний Камень, вонми научению моему и прежде всего моли Бога о Его на то соизволении и благословении. Если ты грешен, исповедуй грехи свои, исправь дела и помышления и впредь не будь неправеден, дабы сердце твое всегда было озарено и открыто всему благому. Не забудь, даже если ты богат и осыпан почестями, о помощи бедным и неимущим, потщись об их избавлении от несчастий и всегда щедрою рукою подавай милостыню дабы не лишиться великого благословения Владыки всяческих и под Его небесами жить согласно Его святой вере [1].

Не пренебрегай, о друг мой, правдивыми книгами тех, кто прежде нас обладал Камнем: так как после Откровения Божия именно им я обязан очень многим. Читай их чаще, больше и усерднее, чтобы не растерять знания и не угасить, как лампу некую, свет истины.

Далее, когда читаешь о Камне, все время как бы вопрошай каждого из мудрецов, ибо все они в едином духе пребывали, и суждения их о Камне единогласны. Тот же, чьи мысли двоятся, часто теряет истинный путь и впадает в заблуждения. Строители, умы которых туда-сюда блуждают и кружатся, никогда устойчивого здания не возведут.

Есть суждения неоспоримые, такие, как то, что наш Древний Камень не может по самому естеству своему находиться в числе вещей горючих и огнеопасных; его не найдешь там, и в этом согласны все; также нет его и в растительном царстве, хотя некоторой растительной силе он не чужд.

Вот еще что заметь: будь наш Камень некою из трав, он мог бы легко сгореть, и ничего бы от него не осталось, кроме

[1] Большинство авторов полагают стремление к нравственной чистоте обязательным условием Великого Делания: «Веление Божественного Провидения таково, что чем более возвышен и величествен предмет нашего стремления, тем меньше достойных; его достигают не увлекающиеся богатством и славой века сего, но те, кто облегчает несчастья Бедняков» («Нить Ариадны для безопасного вхождения в лабиринт Герметической Философии». Le Filet d'Ariadne pour entrer avec secureté dans le labirinthe de la Philosophie Hermetique. Paris, Laurent d'Houry, 1695, p.12) (Э.К.).

некоторого количества соли. И хотя прежде меня и были некие, писавшие о каких-то растительных камнях, им, друг мой, никогда не удавалось таковые сохранить. Да, наш Камень обладает свойством роста, но да не дерзнем по этой причине причислять его к растительному царству.

Заметь, что и животные не могут продолжить и приумножить свой род без соединения с близкими себе особями. Следовательно, ты не совершишь Делания, если не отыщешь и не положишь перед собою истинный Камень или хотя бы семя Камня дабы новый прозяб. Но пойми и уразумей, о друг мой, что происходящее у животных не есть образ нашего Делания. Ведь как с помощью плоти и крови Творец придавал форму одушевленным тварям, так и животные были сотворены. Но наш Камень, как передали мне по преемству древнейшие, происходит и рождается от единой вещи и от двух содержащих в себе сокрытое третье. Вот какова незамутненная истина, изреченная верно и преданно. Ибо мужа и жену древние почитали единою плотию, не различимой взглядом и вообще внешним восприятием, но внутренне зримою изначально исполненною любовию и благодатью Того, что есть и Начало, и Источник, и порождение Великого Делания самого естества. И если при их соитии мужская и женская сперма имеют свойства деления и преумножения, то и наш Камень способен всячески обогащаться и расти из всеобщей спермы материи.

Вот почему, если ты истинный любитель нашего искусства, ты извлечешь великую пользу из сего поучения и станешь исследовать его со всею мудростию дабы не уподобиться неким слепым софистам и не упасть в яму, вырытую врагом.

Наконец, мой друг, если ты хочешь понять, откуда происходит сие семя, вопроси самого себя, с какой целью ты берешься за работу над нашим Камнем. Если же вопросишь, то увидишь: происходит оно не иначе, как из некоего корня металлов, из коего все они, по велению Создателя, происходят [1]. Смотри же, как сие проистекает и соделывается.

[1] «Ибо во всем универсуме Естества, — утверждает Сендивогий, — нет иной открывающей истину нашего искусства вещи, на коей оно бы целиком покоилось и без коего не могло бы существовать. Это ведь и камень и не камень; камень по подобию и по тому, что его добывают в каменных рудниках и извлекают из вертепов земных; это

В начале, в коем Дух [1] ношашеся верху воды и всех вещей, как бы облаком сокрытых, Бог, всемогущий и вечный, безначальный, бесконечный и присномудрый, из ничего творит небо и землю и всяческая же в них, видимое же и невидимое. И паки, все сущее творится Богом из ничего. Каковы способы и последовательность сего драгоценнейшего творения? Я не дерзал применять здесь приемы рассмотрения, принимая сие в соответствии со Священным Писанием как предмет веры.

Сотворяя каждое из естественных царств, Создатель не стремился к их разрушению и умалению, но, напротив, в каждое из них внес особое семя, дающее возрастание и расширение так, чтобы род человеков и прочих одушевленных тварей, а также все травы и металлы сохранили свое существование. Дарование способности создать новое, особое семя по собственной прихоти не обещано человеку, ибо таковое противно установленному Богом порядку, однако, нам дозволено распространять и внедрять все то, что уже сотворено. Созидание же самого семени Создатель сохраняет за Собой. В противном случае человек получил бы возможность действовать подобно Богу, таковое же невозможно по велению и в соответствии со Всемогуществом Всевысочайшего.

Понять природу семени, порождающего металлы, ты сможешь, лишь познав, как действие небес, по велению и указанию Самого Бога, нисходит свыше, смешиваясь со свойствами звезд. Когда таковое соитие происходит, две указанные силы порождают как нечто третье земную сущность, каковая и есть наше семя, в свою очередь порождающее первопредков каждого из естественных царств. Затем из этого

твердое и сухое вещество, способное быть уменьшаемо и дробимо, подобно камню. Кроме того, после разрушения его формы (которая есть зловонная Сера, требующая изъятия)... ».

Мы приводим здесь эту неоконченную цитату включая то, что заключено автором в скобки, ибо она в значительной степени проясняет это очень искреннее и необычное толкование *главного субъекта мудрецов* (Э.К.).

[1] См. «Трактат о Соли» (Traité du Sel), p.6., цит. выше.

Сохраняем строчные и прописные буквы по текстам Василия Валентина и Эжена Канселье (перев.).

триединства происходят стихии воды, воздуха и земли, а они, возгреваемые подземным огнем, уже работают над усовершенствованием всех вещей. Вот почему Гермес и остальные жившие прежде меня и стоявшие у истоков магистерия открывают и именуют три первоначала: внутреннюю душу, дух неосязаемый и видимую телесную сущность.

Когда эти три начала пребывают вместе, в союзе, подчиненные владыке времен Вулкану, они развиваются в осязаемую субстанцию, то есть в живое серебро, серу и соль. Таковые три сущности, посредством смешения многообразно ведомые естеством к отвердению и растворению, производят совершенное тело, чье семя избрано и обустроено Творцом. Впрочем, тебе, искателю источников нашего Делания и увенчания градою за победу в искусстве [1], чаемую через вожделенную битву, именем Самого Вечного Творца, то есть Истины Истин, я возвещаю: там, где есть душа, дух и металлическая форма, всегда наличествует металлическое живое серебро, сера и соль, которые с необходимостью должны быть привнесены в созидание совершенного тела.

Если же не желаешь уразуметь сказанного, то ты не избран для занятий Любомудрием, и Бог отвернется от тебя.

Всем этим я кратко указую тебе, что не сможешь получить благого плода в конце пути и достичь великой цели, облеченной в образ металла, если не признаешь существования этих трех начал или совершишь какие-либо ошибки в их понимании. О животных же уразумей, что хотя они, как и человек, суть существа из плоти и крови и имеют в своем дыхании духа животворящего, однако души разумной, лишь человеку из всех живых существ присущей, животные лишены. Вот почему дикие звери идут прямо из жизни в смерть, и ничто, способное упокоиться в недрах вечности, не отделяется от телес их. Человек же, умирая плотию, вручает бытие свое Создателю и пребывает жив, благодаря бытию души, чрез которую и прославляется. Душа же по Воскресении возвращается в прославленное чрез нее тело и вместе с телом и духом сопрославляется.

[1] artis bravium. *Вариант*: рыцарства в искусстве (Э.К.).

Вот почему мы называем человека существом устойчивым: благодаря наличию разумной души он, пройдя чрез врата смерти, входит в вечность и торжествует. Сама же смерть есть также прославление человека, ибо, пройдя чрез некоторые ступени, по необходимости установленные Богом для искупления вины его, он избавляется от грехов и преселяется в места, лучшие здешних. Дикие же звери всего этого лишены, и поэтому их именовать устойчивыми мы не можем. Именно отсутствие у них разумной души есть причина их невоскресения — ведь лишь за нее единственный и истинный Посредник и Сын Божий излил в муках Кровь Свою.

Дух же может обитать в теле, а может и отсутствовать, когда тело мертво: это так, несмотря на то, что в обществе тела ему хорошо, да и тело тоже никоим образом не воюет против духа. И все же по отдельности они лишены могущественной, драгоценнейшей, благородной и устойчивой души, обнимающей и укрепляющей как тело, так и дух, их опоры и ограды во всякой опасности. Ибо когда душа отсутствует, нет надежды на исцеление. А что все, лишенное души, несовершенно — это и есть одна из великих тайн, которые следует познать мудрецу, начинающему путь Великого Делания. Совесть не позволяет мне обойти сие молчанием, но велит открыть всякому, исполненному любовию к основанию всяческой мудрости. И еще, обрати внимание, что духи, сокрытые в различных металлах, различны, иные более летучи, иные более устойчивы; также их душа [1] и их тела обладают неравными свойствами. Металл, содержащий в себе три начала в устойчивом соединении, сам приобретает устойчивость и благодаря ей способен оказать сопротивление огню и торжествовать над всеми своими недругами. В полноте таковыми свойствами обладает лишь одна вещь — это Солнце. Что до Луны, то и она содержит в себе устойчивого Меркурия и не улетучивается при соединении с огнем, столь быстро, сколь другие несовершенные металлы, но выдерживает все пробы и испытания

[1] Мы сохранили число данного существительного тождественным латинскому оригиналу: eorum anima. *Вариант:* их души (Э.К.).

со всей очевидностию и также одерживает победы, и прожорливый Сатурн не может извлечь из нея никакой для себя выгоды.

Венера, преданная любви, окрашена преизбыточно. Тело ея составлено из чистой тинктуры, ничем не отличной от состава самого роскошного металла и, по причине разноцветия, постепенно обретает красный оттенок. Но — и виной тому проказа плоти ея, — тинктура Венеры не способна к выживанию в таком несовершенном теле и вынуждена погибнуть вместе с ним. В самом деле, когда тело уничтожается смертью, душа не может в нем оставаться, ей приходится отделиться и улетучиться, ибо бытие ея разрушаемо и поглощаемо огнем. И тогда она, несовместимая с прежним местожительством, меняет его. Зато в теле устойчивом и неподвижном душа пребывает добровольно и с присущим постоянством.

Устойчивая соль придает воинственному Марсу тело твердое, тяжелое и грубое, в коем, однако, пребывает душа благородная, и потому никто не может безнаказанно посягнуть на сего военачальника. Плоть его воистину плотна и неуязвима для ран. Если же могущественную его добродетель, путем смешения и слияния, соединить с устойчивостью Луны и красотою Венеры, то можно высвободить сладостную Музыку [1], которая оказывается ключом к напитанию лишенных хлеба и к возведению жаждущих на высочайшие ступени лествицы бытия. Так гнойная и влажная природа Луны может быть осушена огненно-знойной кровью Венеры, а великая чернота ея солью Марса смягчается [2].

[1] satis suavis adhuc Musica *Вариант:* великолепную Музыку.

[2] Этот абзац указывает на возможность существования *субъекта*, то есть способа прямого производства драгоценного металла. Соотнесем его с тем, что написано у Рабле в восьмой главе Книги Первой, описывающей, *как одевался Гаргантюа*: «на безымянном пальце той же (левой) руки — перстень из необыкновенного, дотоле невиданного сплава четырех металлов, в котором сталь не портила золота, а серебро не затмевало меди» (Перевод Н.Любимова). Речь идет здесь о философском золоте, отождествляемом с Марсом, то есть *сталью* (*acier*), которая является анаграммой слова *aries*, минеральным реагентом, позволяющим осуществление *духовного* союза трех металлов, в переносном

Однако нет необходимости тебе отыскивать семя среди стихий. Ведь наша сперма не так уж удалена, да и постоянное местопребывание нашего семени также очень близко [1]. Но ты не найдешь его, пока не очистишь Меркурий, серу и соль (философские), то есть душу, дух и тело, находящиеся в нераздельном, недробимом и нерастворимом единстве в обретенной вечности. Так во всем совершенстве мы обретаем ложе любви, уготованное небесами для царского венчания.

Еще уразумей, что нет иного ключа, кроме текучего, сравнимого лишь с собственно небесным, когда сухая вода соединяется с земной субстанцией, и обе эти вещи есть одно, рожденное и пришедшее из троицы, двоицы и единицы. Если у тебя достаточно сил обрести его, ты победишь и овладеешь Магистерием. Так соединяются жених и невеста в браке, питая друг друга плотью и кровью, и прорастают чрез преумножение семени своего, в бесконечность.

Поведать больше того, о чем я сейчас с любовью говорю тебе, мне тем не менее запрещено от Бога. Ведь если я стану выражаться более ясно, то дарами Всевысочайшего тут же злоупотребят, и я стану виновным во множестве преступлений, навлеку на себя Божественный гнев и разделю вечные муки с преступниками. Однако, друг мой, если ты все же не способен понять меня с достаточной ясностью, я расскажу тебе о собственной моей практике и о том, как я сам с Божьей помощью обрел Камень Древних. Изучи, исследуй со тщанием и частым, упорным и внимательным чтением уразумей мои Две-

же смысле, трех начал: соли, серы и ртути (Меркурия). Филалет говорит об этом прямо: «*Наша Сталь есть истинный ключ к нашей работе, без коего пламя никак не может быть возжено*; Chalybs noster est operis nostri vera clavis, sine quo ignis lampadis nulla arte potest accendi» (Introitus, III, 2). Без этого, согласно *Космополиту*, невозможно обретение истинного способа трансмутации: «На самом деле, — заключает он, — способ этот применим лишь при наличии древа» (см.Жан д'Юри. Трактат о Сере. Traité du Soulphre. Jean d'Houry. 1669, p.65 (примеч. Э.К.)).

[1] *Космополит* кратко, но точно разделяет понятия спермы и семени: «Семя, как мы уже много раз указывали, невидимо, сперма же видима, и здесь все так же, как и в том, что живая душа не может обитать в мертвом теле» («Новый химический свет». Nouvelle Lumiere chimyque, Paris, 1669, p.37) (Э.К.).

надцать Ключей, а далее следуй путем, указанным мною в образах со всею основательностью.

Возьми кусок совершенного и чистого золота, раздели его посередине, как позволяет естество любителям искусства, то есть по подобию анатома, ради изучения телесных внутренностей расчленяющего человеческий труп, затем же попытайся возвратить чистое золото в предшествующее ему состояние. Ты обнаружишь семя, начало, середину и конец; из них и создано наше золото и его супруга, также их состав образует всепроникающий тонкий и чистый дух, утонченную чистоту и незапятнанность души и меркуриальную жидкость, то есть соединение звездной соли и бальзама [1].

Сию воду перегоняют в академию ея же собственного бога Меркурия, который проверяет ее на легитимность и истинность, и лишь убедившись в них, вступает с нею в дружбу, а затем и брачными узами соединяется. Так получаем наше негораемое масло. Меркурий уже исполнен гордости, что свою сущность познал, причем без греха. Тогда он сбрасывает орлиные крылья, пожирает свой блистающий хвост дракона и вызывает Марса на битву [2].

Марс же собирает своих конных [3] и приказывает вновь заключить Меркурия в темницу, охраняемую Вулканом, из которой оказался освобожден женским началом.

И вот, когда весть о случившемся народная молва разнесла от края до края, планеты, собравшись на сход, стали думать, как окончить спор. Слово взял Сатурн, и, как первый по чину, произнес взволнованную речь, начав ее так:

Я, Сатурн, возвышеннейший и крепчайший среди планет, заявляю вам, Государи, что на самом деле среди вас

[1] Соединение *философского золота* и *философского меркурия*, порождающее воду, именуемую часто *серой*, приводило в замешательство, используемое как Адептами, так и их клеветниками. В диалоге, завершающем *Трактат о Сере* (Traité du Soufre) *Космополита*, Голос (*Voix*), кабалистически понимаемый как *Путь* (*Voie*), возвещает алхимику: *«Аз есмь Судия и Страж сих темниц, и имя мое Сатурн»*. Сопоставляя эти слова, выделенные автором, с аллегорией Василия Валентина не трудно понять, каково происхождение *тайного огня* или *лунатического Вулкана* (Э.К.).

[2] Ниже смотри образцы Двенадцатого Ключа (Э.К.)

[3] *Вариант:* рыцарей (перев.).

самый бесполезный и ничтожный, тело имею слабое и хрупкое, черного цвета, подверженное всяческим оскорблениям и всевозможным мучениям, какие только бывают в этой юдоли скорби. Тем не менее я по-прежнему ценю и почитаю вас всех. Ведь у меня нет даже постоянного места обитания, и спутника моего я повсюду за собою нищим странником увлекаю. Причиной же моих несчастий является только летучий и непостоянный Меркурий, безразличием и небрежением принесший мне столько зла. Вот почему я и прошу всех вас отомстить за мои несчастия и, поскольку он уже в темнице, убить его и держать там, пока весь не сгниет, и чтобы ни капли крови в нем не оставалось.

Как только окончил свою речь Сатурн, слово взял темный Юпитер [1]. Преклонив колена и скипетр, он воздал хвалу требованию своего соработника Сатурна и заявил, что всякий, кто не будет помогать в их исполнении, подвергнется преследованиям. Сказав же, умолк.

И тогда вскочил Марс и обнажил свою разноцветную блистающую шпагу, похожую на воспламененное зеркало, рассылающее повсюду лучи свои, и вручил ее тюремному стражу Вулкану, дабы тот исполнил все приказания Государей, убил Меркурия и сожег кости его на огне: Вулкан же как исполнитель сделал знак повиновения.

Но, когда палач уже пребывал за работой, появилась прекрасная и блистающая белизной жена в длинном серебряном платье, омываемом водами; в ней можно было легко узнать Луну, супругу Солнца. Она подняла лицо свое жалобно, со слезами и стала просить об избавлении Солнца из темницы, в которой сей супруг ея был заточен предательски и насильно за искусство и могущество Меркурия, и где его держали по приказу других планет. Однако Вулкан решительно отказался и настойчиво продолжал осуществлять исполнение вынесенного приговора, пока вдруг не появилась царица Венера в сияющем красном одеянии, расшитом зеленым рисунком, прекрасная ликом, свободная и милая речью, также и гибкая

[1] ...en fuscus Jupiter... *Вариант:* серый Юпитер (Э.К.).

станом своим; она держала в руке букет благоухающих и разноокрашенных цветов, необычайно любезных всякому оку. Она обратилась к Вулкану на халдейском языке и стала умолять сего стража справедливости об освобождении, напомнив о будущем искуплении посредством женского пола. Однако уши Вулкана пребывали затворенными.

Пока же происходило меж ними таковое прение, отверзлись небеса и испустили могущественного зверя со множеством кишащих вокруг похожих на него мелких, которые всячески нападали, преследовали и наносили удары стражу справедливости. Зверь широко отверз пасть и пожрал драгоценнейшую Венеру, свою же покровительницу, и диким голосом взревел: «Я рожден женами, они обильно пролили мое семя по всей земле и им ее обогатили. Их душа едина с моей, вот почему я питаюсь и насыщаюсь их кровью». Проревев же сие с неимоверной мощью, зверь исчез в некое убежище, захлопнув дверцу. Затем и мелкие последовали за ним, исполненные алчности, к той же пище. Они пили великолепное несгораемое масло, с легкостью пожирая пищу свою и питие; при этом их становилось все больше и больше. В конце концов мелкие заполнили собою весь этот мір.

Пока же события развивались таким образом, множество ученых мужей страны, где все это происходило, мудрейших и искуснейших в науках, собралось для того, чтобы понять и объяснить как сами события, так и услышанные ими речи. Но никто из них не мог ничего истолковать. И когда мнений стало столько же, сколько и мудрецов, все увидели приближающегося древнего старика с белыми, как снег, волосами и такой же бородой, с головы до ног одетого в пурпур. Глава старика была увенчана короной, и в ней сиял драгоценнейший карбункул. Старик был опоясан поясом жизни. Он стоял на земле босиком, и весь облик его источал сокрытый в нем дух, бывший как бы некоей речью, произносимой всеми складками тела, дыханием сердца. Он поднялся на высокое место и обратился к собравшимся с призывом хранить молчание и со

вниманием слушать. А был он посланцем высот, призванным чрез философскую беседу открыть иносказания и снять покрывало с таинственных событий.

Когда же все затихли, старик сказал:

«Пробудись же, о человек, и узри свет, дабы не соблазниться тьмой! Боги судьбы и Боги высочайшие наставили меня на истинный путь под покровом глубокого сна. О, как же счастлив человек, познавший Богов; о, какие же чудеса творят они! Счастлив, чьи очи отверсты зрением света, прежде от него сокрытого!

Две звезды были вручены человеку Богами, чтобы вести его к великому знанию; наблюдай же за ними, о человек! следуй за светом их, ибо в них мудрость [1].

Феникс, птица юга, вырывает сердце у могучего восточного зверя. Этому зверю вручи свои крылья, словно зверю

[1] Среди миниатюрных росписей первого этажа францискмнского монастыря в Симье, близ Ниццы, на дверях келий можно обнаружить среди сельского пейзажа две церкви и укрепленный замок, над которым светятся две звезды. Латинская надпись над изображением гласит: Cum lux salutem — *Со Светом Спасение.*

Мы не будем останавливаться на очевидной символике Церкви св.Петра и Церкви св.Иоанна, но лишь на чисто алхимических смыслах, на которые указывает изображение крепости. Это тот же самый символ, используемый в философской подготовке перед началом работы. Он ярко сияет над белой водой, более сокрыто — на черной земле, и отождествляем с планетой, о которой каждый знает, что под именем Люцифер она возвещает день, а под именем Веспер — ночь. В порыве милосердия, редком для его обычного сдержанного тона, при описании иллюзорных подробностей *влажного пути*, Филалет отождествляет Венеру со *звездой севера* и говорит: «Мудрец будет веселиться, невежда едва сможет это оценить; и он никогда не познает мудрости, пока не узрит за видимым, обращенным во вне полюсом всеславный знак Всемогущего» (История Герметической Философии. Histoire de la Philosophie Hermétique. Paris, Coustelier, 1742, v.II, p.22).

Данная цитата подтверждает наличие небрежности в работе аббата Лангле-Дюфренуа (Lenglet-Dufresnoy), погрешившего столь важной для исследователя точности (Два Алхимических Дома. Deux Logis Alchimiques. Paris, Jean Schemit, 1945, p.102) (Э.К.).

юга, и тогда они делаются друг от друга неотличимы. Ибо зверю востока определено сбросить свою львиную шкуру и утерять крылья. И тогда они вместе ныряют в великое бурное море (mare, mer), глаголемое океан, и выходят оттуда во всей красе.

Погрузи же спирты свои в глубокий источник, где вода никогда не иссякает, и держи их там, пока они не станут подобны матери (mater, mère), ими вновь пойманной, и все втроем не выйдут на сушу.

О себе же скажу, что, во-первых, рожден я в Венгрии; небо и звезды покровительствовали мне, а земля делала невидимым [1]. Вынужден был я умереть и уйти в землю, однако, слышишь, Вулкан, я рожден дважды. Вот почему моя родина — Венгрия [2], а моя мать (mère) заключает в себе все и вся».

Когда же мужи совета уразумели сказанное, старик заговорил снова:

«Воистину то, что вверху, как то, что внизу, и все видимое невидимо, и осязаемое неосязаемо и паки то, что внизу как то, что вверху, все — и невидимое и видимое, и неосязаемое и осязаемое. Это и есть внутренне совершенное искусство, беспорочное и незабвенное, в котором пребывает жизнь и смерть, разрушение и восстановление. Это круглая сфера, которой Божия судьба подталкивает свою телегу и вручает Божьим людям дары Премудрости; с другой стороны, по земному пониманию [3], это и есть все во всем [4], владыка и судия, который превыше всех, даже и вечных вещей.

Как еще можно описать все во всем? Сооруди три великих крыла для земли — пусть они нудят ее со всею силой так, чтобы

[1] ...atque terra nubit me... *Вариант:* ...а земля питала своей грудью...

[2] Территория Венгрии в некоторых европейских герметических текстах служила метатопологическим символом *Аркадии* (перев.).

[3] ...conception... *Вариант:* ...зачатию... (перев.).

[4] Букв. — все вещи во всех — toutes choses en toutes (перев.).

она поднялась до небес и даже до небес небес, в высочайшие их области. Потом сожги ее крылья, чтобы земля упала в красное море и утонула в нем. А затем огнем и воздухом высуши воду, чтобы снова образовалась земля. Вот что такое все во всем.

Если же ты всего не вмещаешь, ищи внутри себя, и вокруг себя все исследуй, — все, что есть в міре. И тогда-то ты все во всем и отыщешь, все, что есть сила притяжения металлических и минеральных сущностей, рожденных солью и серой и дважды рожденных Меркурием [1]. Более мне нет смысла объяснять тебе, что есть все во всем, зри же сам и узри — все вещи содержатся во всех вещах, и этим все сказано».

Далее старик к своей речи прибавил: «О, люди, друзья мои, вот я простер вам глас [2] мой и научил премудрости, чрез которую вы можете обрести Великий Камень древних философов, Камень, способный исцелять проказу и несовершенство металлов, производить новые их поколения, сотворять людям здравие и долголетие. Своею небесною силой он сохранял меня до сего дня, теперь же, устав от этой жизни, я хочу по собственной воле оставить ее.

Господу же за милость Его и научение, коими Он со снисхождением одарял меня столь долго, подобает хвала во Веки. Тако и буди, буди».

Окончив же речь свою, старик исчез.

И тогда постепенно слушатели стали расходиться восвояси дабы дни и ночи размышлять о сказанном и тру-

[1] Филалет, гл.IV, §2, Introitus (История Герметической Философии, Hist. de la Phil. Hermétique, op. cit.) утверждает: «Я хочу, чтобы ты знал, что наш Возлюбленный (*Вар.:* Величайший — перев.) обладает сокрытым зерном, изобилующим солью, каковая есть менструация лунной сферы, способная кальцинировать Золото. Notifico porró, Magnetem nostrum habere centrum occultum, sale abundans, qui sal est menstruum in sphaera lunae, qui novit calcinare Aurum». Сопоставив это с переводом Лангле-Дюфренуа, легко увидеть, какие вольности позволяет себе ученый аббат: «Смотри же, что имеет наш возлюбленный в самом тайном (intime) своем центре — изобилие чудесной соли, растворяющей как Луну, так и золото» (Э.К.).

[2] Путь (voix-voie) (перев.).

диться ради того, чтобы каждый мог обретать все блага естества [1] и прочее всяческое [2].

[1] ...irgenii bonitas... *Вариант:* ...блага естества и уразумения... (Э.К.).

[2] Предлагаем удобочтимый славяно-русский оборот вместо употребляемого Э.К. *и т.д.* (etc) (перев.); в латинском тексте Михаила Майера употреблено *et caetera* (перев.).

далее следуют

ДВЕНАДЦАТЬ КЛЮЧЕЙ

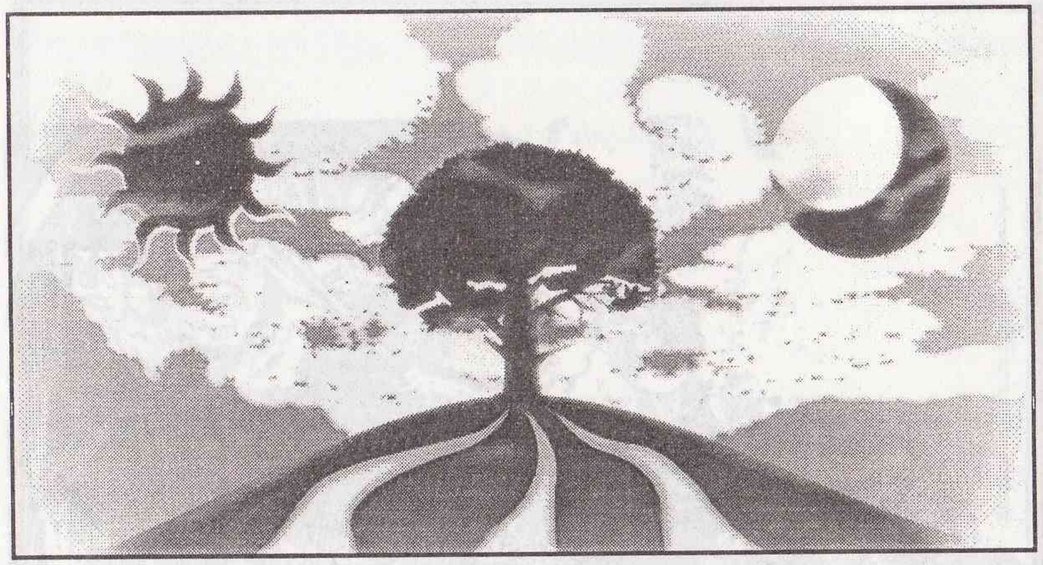
БРАТА ВАСИЛИЯ ВАЛЕНТИНА

БЕНЕДИКТИНЦА

коими
двери таинства Древнего Камня
наших предшественников отворены

За ними же
наитаинственнейший источник
всяческой святыни обнаружен

ФИГУРА ПЕРВАЯ

Царь и Царица Великого Делания, иначе говоря, *философское золото* и *философское серебро* спагирически изображаются волком и большим *возвратным рычагом* над плавильным тигелем или купелью (coupelle). Тигель, горнило, крестный путь (creuset) огня есть *сухой путь*, средокрестие коего — *тайный огонь*. Сокрыт этот внутренний посредник в образе двусмысленного бородатого старика, которого по косе в руках можно принять за Сатурна, однако, деревянная нога у него как у хромца-Вулкана.

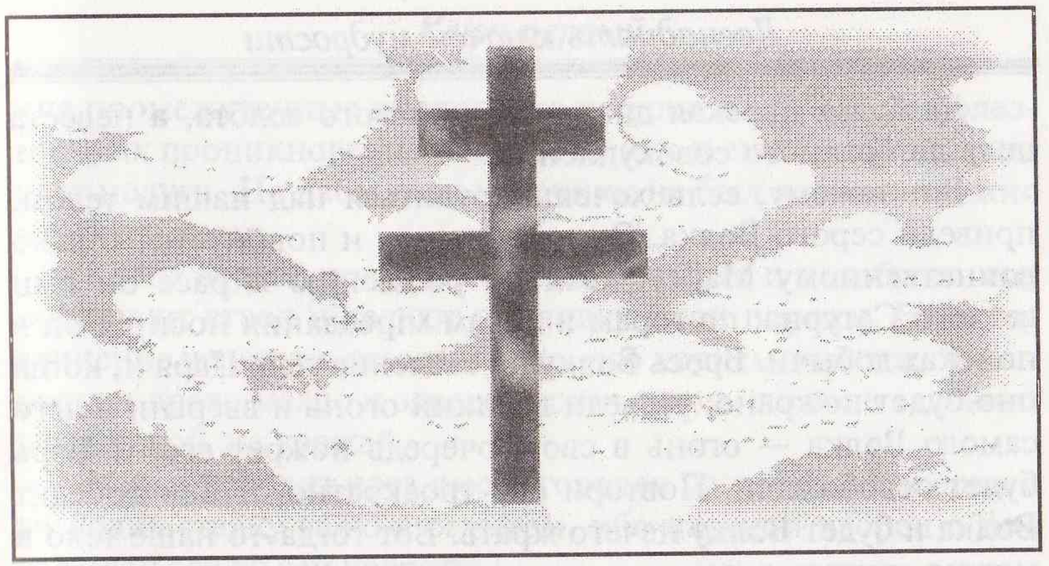
«Что же касается трех цветков, которые держит царица, то они означают, что очищение должно быть повторено три раза», — утверждает Альбер Пуассон, не уточняя, идет ли речь о философской или обычной технической очистке [1].

---

[1] См. Великое Делание. Киев, 1995 (А.Пуассон. Теории и символы алхимиков), с.45.

Мы снабдили эту гравюру, как и все последующие, краткой надписью, которая разъясняет ей смысл и указывает на его место в практике Великого Делания.

Обращаясь к символике двенадцати ключей, внимательный читатель, так же, как и проницательный исследователь, не может не заметить сознательного сокрытия Василием Валентином выражаемых смыслов под общепринятой терминологией Мастеров (Э.К.).

КЛЮЧ ПЕРВЫЙ

Во-первых, друг мой, уразумей: ничто нечистое и порочное не совместимо с нашей работой, ибо тело лепрозное бесплодно, иначе говоря, любая нечистота есть благу преграда [1].

Всякая порода, извлекаемая из рудников, ценима по-своему, однако малейшая подмена уже делает ее нечистой. Таковые металлы приобретают ложный блеск и, в отличие от первотипов, в дело не годны [2].

Потому, с тем же тщанием, с каковым врач посредством лекарств очищает телесные внутренности и извлекает оттуда всяческую грязь дабы телеса очистились, и нам следует усовершенствовать род наш. Наши Мастера ищут тело чистое и незапятнанное, не способное меняться от грязи и примеси, от всего, что не есть оно само. И ведь правда, чужеродные примеси и есть лепра наших металлов.

---

[1] ...per impurum... *Вариант:* ...нечистый путь...

[2] Это важное замечание ставит исследователя перед необходимостью оберегать себя и плоды своего труда от всевозможных подмен предполагающего чистоту и естественность синтеза, в частности, от любой порчи жильной породы (металла). Особенно следует думать об этом перед началом операции дабы не оказаться постигнутым жестоким разочарованием (Э.К.).

Да будет царская диадема из чистого золота, а невеста цела до брачного совокупления.

Вот почему, если хочешь трудиться над нашим телом, приведи серого Волка. Он кровожаден и повинуется только воинственному Марсу, хотя по рождению и расе он сын ветхого Сатурна; по горам и долам мироздания носится он в поисках добычи. Брось Волку на съедение тело Царя и, когда оно будет пожрано, разведи великий огонь и ввергни в него самого Волка — огонь в свою очередь пожрет его, и Царь будет освобожден. Повтори сие троекратно, и Лев победит Волка и будет Волку нечего жрать. Вот тогда-то наше тело и можно считать готовым к началу Делания.

Уразумей сей путь очищения тела как единственно прямой и истинный. Ибо Лев очищается кровью Волка, тинктура же волчьей крови ликует и бесконечно увеселяет тинктуру Льва; так как обе крови соединены и образуют чистый род [1].

И вот Лев насытился. Теперь духом он крепче, чем был вначале; равносолнечные очи его источают ослепительный свет и вся внутренняя вмещает искомое нами. Когда же Лев становится таковым, сыны человеческие, мучимые падучей и иными тяжчайшими недугами, возносят ему благодарение. Десять прокаженных следуют за ним, алкая пить его кровь и душу, и все уязвленные болезнями духом его утешаются.

Всякий пьющий из этого золотого источника самообновляется всесоставно, подавляет свои пороки, взнуздывает кровоток; он чувствует усиление сердца и всех органов тела, как внутренних, так и внешних. Открываются нервы и поры, болезнь повержена, и место ея замещается здравием.

Однако, друг мой, со вниманием предусмотри сохранение источника жизни в чистоте и незамутненности. Воды чуждые не должны смешаться с ним, чтобы роды не оказались преждевременными и спасительная рыба не породила змею. Также если добавленная кислота растворит наше тело, сделай так, чтобы всякое едкое вещество было удалено. Ника-

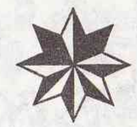
[1] Это некоторым образом похоже на *перводелание,* то есть троекратное *отделение* с очищением золота посредством свинца или сурьмы (Э.К.)

кие промежуточные кислоты не исцелят внутренние болезни — их проникновение насильственно и еще более растравляет недуги. Но дабы наш источник не был ядовит, должно яд убить ядом.

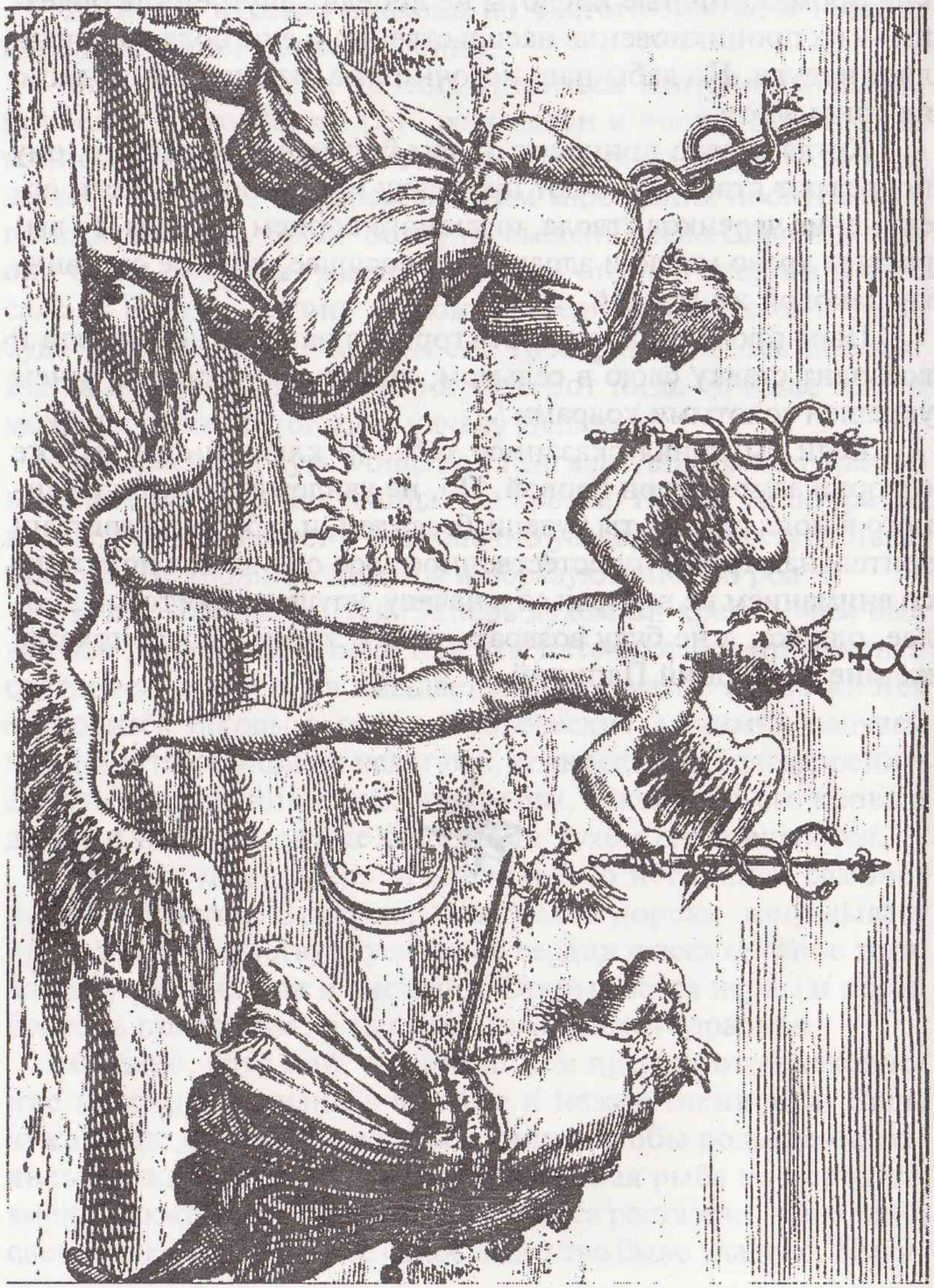
Когда дерево приносит плоды больные и недобрые, ему подрезают ствол и делают прививку иной породы. Если соединение черенков ствола, питаемого корнем, удается, то вырастает древо младо и здраво, приносящее, по воле садовника, таковой же урожай.

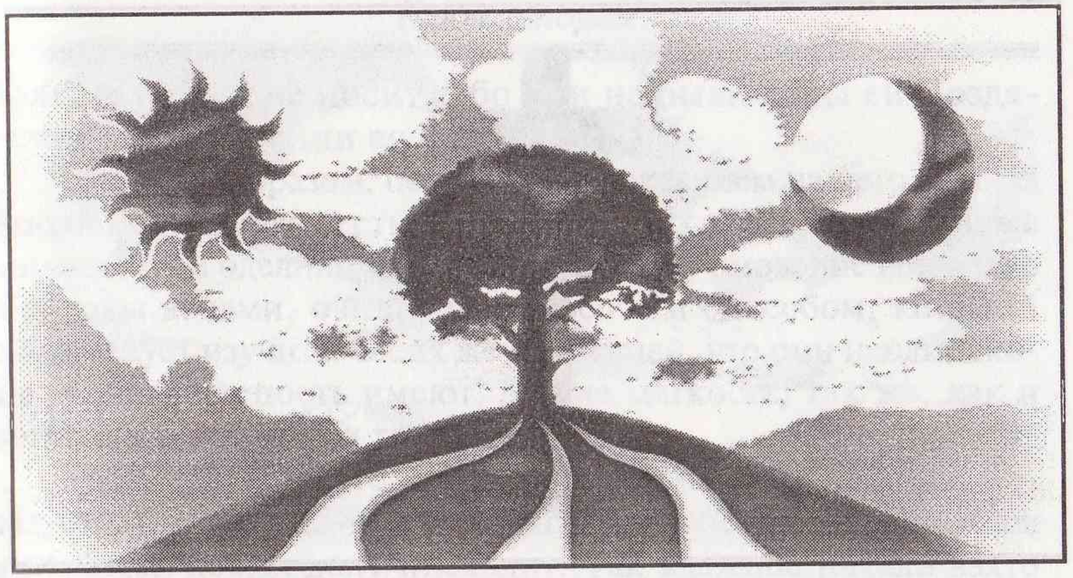
Царь проходит чрез шесть городов на небесной тверди и возводит ставку свою в седьмом, ибо царский дворец в нем украшен золотыми коврами [1].

Если ты понял сказанное тебе, то ключом сим ты уже отворил замок двери первой. Но, не увидев света, заключенного в моих словах, ты будешь бессилен, и тебе не помогут ни зрительная труба, ни естественное твое око до тех пор, пока со вниманием не вернешься к началу, упущенному тобою. Более, однако, я не буду возвращаться к этому ключу, показал же мне его Люций Папирий.

[1] Наиболее удаленная из планет — Сатурн, или, точнее, Сатурн Философов — является седьмой по счету (Э.К.).

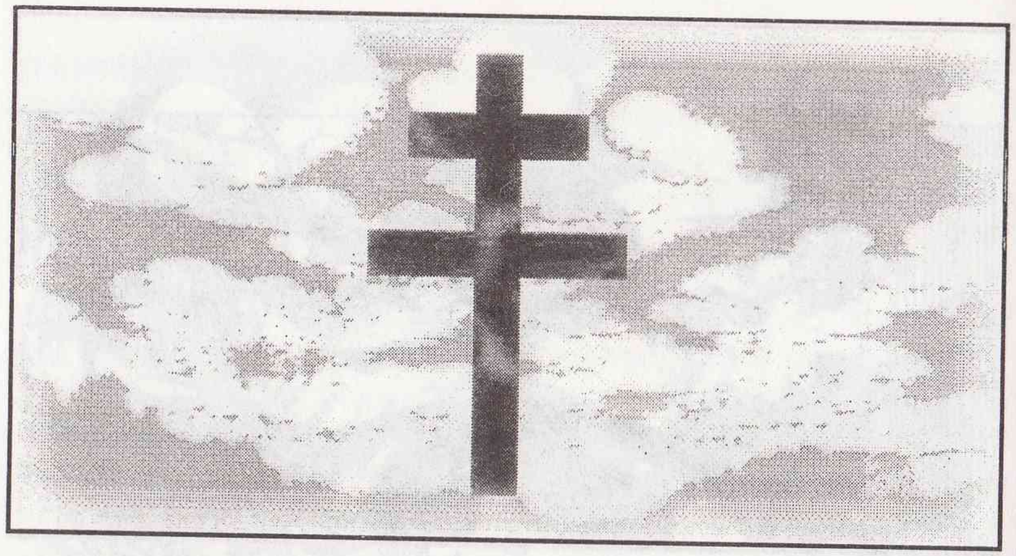

ФИГУРА ВТОРАЯ

Выразительный образ *Невесты* Великого Делания — крылатый коронованный эфеб, юный Меркурий, *маленький царь* (petit roi — «король-ребенок» — перев.). Два кадуцея в руках его едино суть меркуриальные жезлы и скипетры верховной власти. Рождается он от философских солнца и луны для сражения с двумя фехтовальщиками и, благодаря им обретают красоту и чистоту, хотя при выпаении осадка становится менее летуч. На это указывают две пары более крупных крыл, оставленных им на земле [1].

[1] *sol* — одновременно *солнце* и *земля* (перев.).

КЛЮЧ ВТОРОЙ

При дворах Великих и Могущественных есть разнообразные напитки, запахом, вкусом и цветом отличные друг от друга. В каждом случае их готовят по-разному, и пить их, смешивая, нельзя, ибо для этого потребен стройный порядок, напиток за напитком, по степени пользы.

Когда солнце источает лучи свои и затем изливает сквозь облака, обычно говорят, что оно притягивает к себе воды и приближает дождь; когда это происходит часто, бывает год урожайный.

Чтобы прекрасный дворец построить, нужны самые разные рабочие, также и машины, силу свою к силе рук их прилагающие, и все это до тех пор, пока здание не будет не только воздвигнуто, но и украшено в совершенстве. А для этого, если ненадежно дерево, работают в камне.

Каждый день грозное море с его приливами и отливами, взвеваемыми волею высот и небесною тягой, становится для прибрежных стран источником несметных богатств, ибо всегда волны его приносят некое доброе сокровище.

Деву, выдаваемую замуж, наряжают во множество драгоценнейших одеяний ради услаждения жениха ея и воспламенения в нем жажды любовных объятий. Но в брачную ночь она все свои одежды снимает и отдает жениху и

больше уже их не носит, ибо они не были даны ей Создателем при рождении ея [1].

Таким же образом, перед бракосочетанием нашего жениха Аполлона и его невесты Дианы для них уготовляют разные помещения и одеяния устраивают каждому омовение всего тела и головы водами, очищенными особым способом, который тебе следует изучить. О сих же водах знай, что они неодинаковы — одни крепость имеют, другие мягкость, так же, как и напитки, о которых я тебе уже сказал.

Уразумей и то, что когда влага земная поднимается, образуется облако, где-то очень высоко в небесах оно сгущается и каплями дождя долу нисходит. Так влажное начало взято бывает от земли, а затем к ней возвращается. А все влажное оживляет, питает и укрепляет земные силы, от коих произрастают листья и травы. Потому и ты, когда наши воды начинаешь очищать, обновляй их, отдавая земле и вновь от земли бери; так Пространная Морская (Морской Прилив) [2] покидает берег и опять на линию его возвращается [3].

Когда же, наконец, таким образом, а также и с помощью различных ручных работ, дворец для Царя построен и украшен, и стеклянное море уже остановило свое течение,

---

[1] Ubi regina, ibi janua; Où est là reine, la est la porte, «Где царица, там дверь» — такой подзаголовок дал Мишель Карругес своей книге *«Les Portes Dauphines»* («Врата Наследия» или «Врата Наследника» — перев.), которую он любезно мне преподнес (Gallimard, 1954). Это единственный в своем роде и по мощи своей роман, увенчанный блистательным очерком того же автора *«Безбрачные Творения»* (*Les Machines Célibataires*). В предисловии к данной книге мы уже ссылались на этот уникальный труд, возобновляющий в наше время древнюю традицию книги-ключа (Э.К.).

[2] ...velut Maris Eurypus... *Вариант*: ...Эврипейское море (la Mer Eurype)...

[3] Укажем на небольшую, но занимательную и поучительную книгу, в которой сказано, что для *навигации* кормчему не в обычном, разумеется, смысле, необходимо владение *магнитом* и знание законов магнитной стрелки. Книга называется *«Кормчий Живой волны живет там, где Тайна Приливов Моря и Отливов и Береговой Линии»* (*Le Pilote de l'Onde vive ou le Secret du Flux et Reflux de la Mer, et du Point Fixe*, par Mathurin Eyquem Sieur du Martineau, Paris, Jean d'Houry, 1678, p.23) (Э.К.).

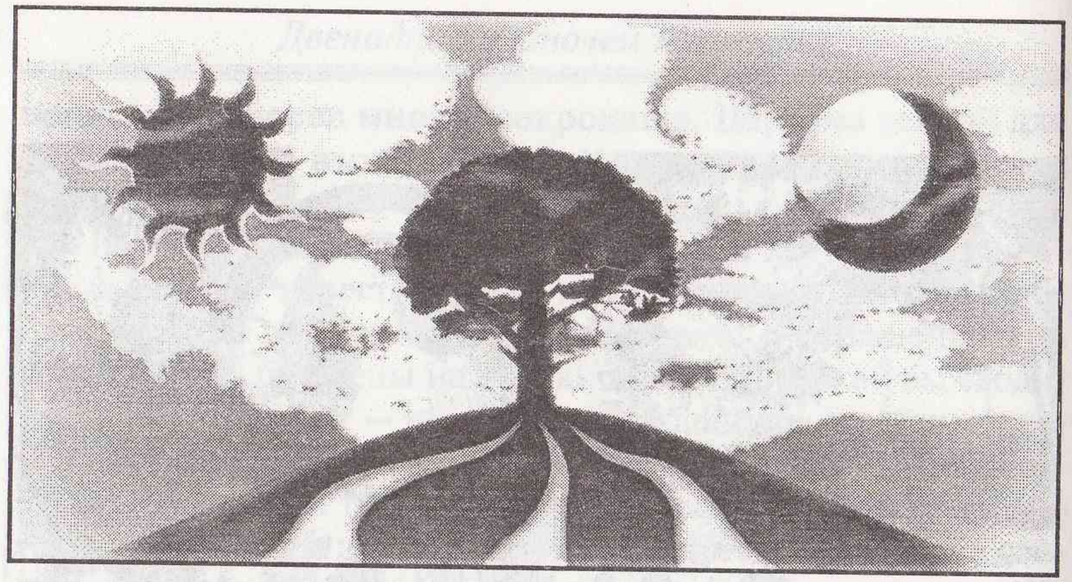
принеся во дворец многие сокровища, Царь без всякой для себя опасности входит в него и сможет установить в нем свой престол.

Но, друг мой, со вниманием отнесись к тому, что соединение жениха и невесты может произойти только, когда оба наги; потому все нарядные одежды телес и украшения лиц должны быть брошены на землю; ведь оба они как бы сходят в могилу, нагота их — нагота новорожденных, а в семя ничто из ему чуждого не должно проникнуть.

В заключение таковой речи моей скажу со всею искренностию, что драгоценнейшую воду для омовения жениха следует изготовить мудро и заботливо, используя двух атлетов (разумей два противоположных начала) дабы каждый побуждал противника своего к сражению, а выиграли бы они оба. Никак не подобает орлу вить гнездо свое на вершинах Альп, ибо от сплошного холода и снега, их покрывающего, погибнут орлята.

Вот почему, воистину, если соединить орла и хладнокровного дракона, хоронившегося среди камней и теперь вот выползшего из пещер земных, а затем их обоих усадить в карету преисподнюю, которой Плутон правит посредством дыхания своего, то из плоти сего змия хладного начнет выходит летучий огненный дух и опалит, и воспламенит, и сиянием наполнит орлиные крылья, и так образуется потогонная баня. Снег же на горных вершинах тает, потоками воды становясь, и минеральная баня для Царя готова. Когда же Царь в ней парится и моется, то обретает и здравие, и веселье.

ФИГУРА ТРЕТЬЯ

Дракон или змий — происхождения двойного: от воды и огня, борющихся между собою. Вот почему его изображают на переднем плане гравюры. От него рождается лиса, используемая Василием Валентином как физико-аналогический образ. Представляется любопытным, что это коварное четвероногое во всех арийских языках именуется в женском роде [1].

Говоря о петухе (le coq), следует вспомнить указание Литтре на присутствующее в этом слове звукоподражание, через множество языков корнесловно огибающее неплавкое латинское ядро. Κόττος, *kottos* также и у греков означало именно петуха; и не слышим ли мы в нашем северном наречии и других французских диалектах то же самое *cou, co, cô, cot.* Κόττος также означает *заднюю часть головы, темя*, то есть орган интуиции и наития.

Для понимания же химической функции этой летучей домашней птицы в иероглифике, всегда связанной с ее изображением на верху колокольни, причем сильно разрушенной, обратимся вновь к корнесловию. Κόκκος, *kokkos*, «соседнее» слово означает *кермесового червеца* (kermès), или *дубового ко-*

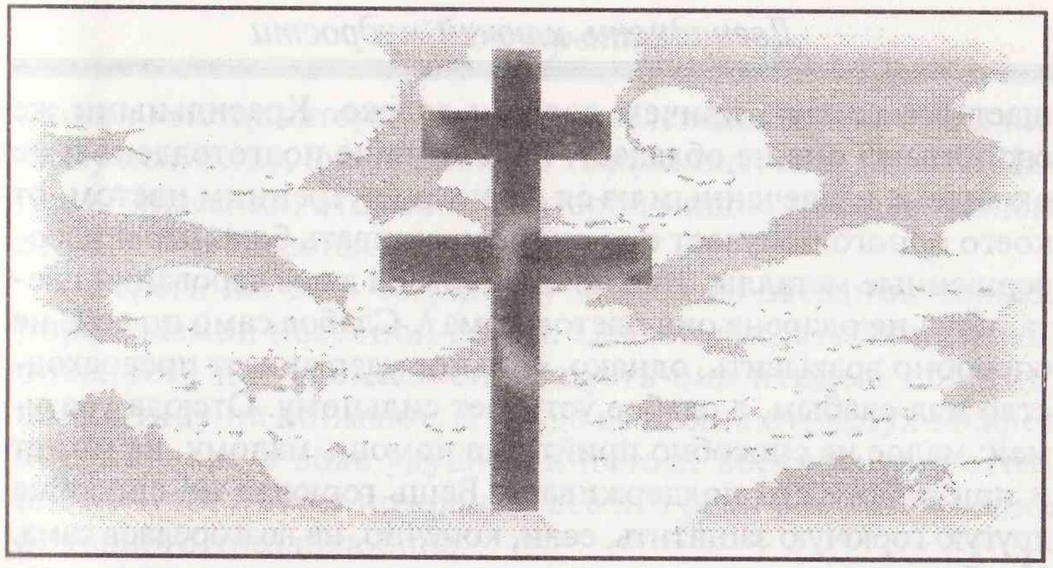
[1] Сам Эжен Канселье использует, однако, слово лис (le renard) — мужского рода (перев.).

шенильного червя, порождающего пунцовую (червленую) краску, а также и саму эту краску, называемую *кермес,* или *дубовый червец.*

Нам не остается сделать ничего лучше, чем привлечь на помощь извлечение из Фулканелли, исследователя точного и безошибочного: «Позже мы безусловно объясним тесные отношения, существующие между *петухом* и *дубом* и найдем аналоги в семейной связи; ибо сын привязан к отцу, как петух к своему дереву. Сейчас же мы скажем только, что *петух* и *лиса* — это все тот же иероглиф, раскрывающий два различных физических состояния одной материи. То, что появляется первым, это *петух*, или *Летучая часть*, соответственно, живая, активная, полная движения, извлеченная из *предмета*, обозначенного эмблемой *дуба.* Там находится священный источник, чьи струи текут к подножию священного дерева, так почитаемого друидами; называемый древними философами *Меркурием*, хотя он не имеет сходства с обычной ртутью. Ибо вода, которая нам необходима, — *сухая*, не мочит рук и не бьет из камня от удара посоха Аарона. Таково алхимическое значение *петуха*, эмблемы *Меркурия* у язычников и *Воскресения* в христианстве. Этот *петух* может стать *Фениксом.* Но прежде он должен временно затвердеть, что и символизирует *лиса.* Перед началом работы необходимо знать, что *Меркурий* содержит в себе все необходимое для нее. «Благословен будь, Трижды Величайший, создавший этот Меркурий и давший ему естество, которому ничто не может противостоять! — пишет Гебер. — Ибо без него алхимикам было бы нечего делать, вся их работа стала бы бесполезной». Это единственная необходимая нам материя. Эта *сухая вода*, хотя и является полностью летучей, сможет, если найдете способ долгого удержания ее на огне, стать достаточно твердой, чтобы противостоять жбру, способному полностью ее испарить. Ее противостояние огню и производительные качества изменяют ее природу. *Вода стала землей*, а Меркурий — серой. Однако, эта земля, несмотря на приобретенную в огне красивую окраску, в своем сухом состоянии ни для чего не используется; старая аксиома гласит, что *всякий краситель бесполезен в сухом виде*; следовательно,

необходимо растворить эту землю в той воде, из которой она появилась, или *в ее собственной крови*, чтобы она снова стала летучей, то есть, чтобы *лиса* снова стала *петухом*. Во время второй операции, похожей на первую, состав вновь будет сгущен, он вновь будет бороться с огнем, но на этот раз в расплавленном состоянии и не за счет своих качеств. Так родится первый камень, ни абсолютно твердый, ни абсолютно летучий, однако, достаточно устойчивый к действию огня, очень проникающий и очень плавкий; эти качества нужно будет усилить при помощи *повтора* той же самой операции. Таким образом, *петух* является атрибутом Святого Петра (Saint Pierre), настоящего камня (pierre), на котором основано здание христианства; *петух пропел три раза*. Ибо это он, первый Апостол, хранит два скрещенных ключа растворения и сгущения: это он — символ летучего камня, который в огне делается твердым. Кто не знает того, что св.Петр был повешен вниз головой... [1]»

[1] Фулканелли. *Тайны готических соборов*. М.-Киев, 1996, с.127-129. Эжен Канселье приводит эту цитату в сокращенном виде; нам представляется возможным представить ее русскому читателю полностью, обратив, однако, внимание на выделяемую курсивом Фулканелли и Канселье родственно-кабалистическую связь слов *kermès* и *Hermés* (Гермес, Меркурий), а также le coq (петух, мужского рода) и *la galle* (курица или нарост на растении, женского рода, тж. gallus), связь, естественно-органичную для французского языка и контекста. В цитате, приводимой Канселье, отчетливее выделено, что *la galle* это имя грубой меркуриальной материи, а *kermès* — материи, уже готовой для Великого Делания, которое в данном случае называется Веселой Наукой — *Gaye Science* (перев.).

КЛЮЧ ТРЕТИЙ

Посредством воды огонь может быть угашен и полностью уничтожен. Однако, если водами многими заливать слабый огонь, то он начнет отступать, отдавая воде свои владения и тем терять полноту победы. Потому нашу воспламененную серу, с помощью воды, подготовленной по всем правилам искусства, следует пересилить и одолеть с тем, чтобы после водоотделения огненная жизнь нашего серного пара восторжествовала и вновь обрела победные лавры. Но если при этом Царь не передаст своей воде только ему присущую неистомную силу и мощь и не утеряет ключа к своему собственному цвету, осуществить этот замысел будет невозможно. Завершив свой труд, он распадается и становится невидимым; смысл же происходящей перемены заключается в том, что при параллельном ослаблении внутренней сути и внешне-телесном совершенствовании, Царь теряет свою видимую власть, точнее, отдает ее.

Живописец может накладывать желтую краску на белую, красную на желтую, и, конечно, пурпур может накладывать куда угодно до тех пор, пока творение его не достигнет совершенства. Так же происходит и созидание нашего Магистерия. Когда же ты его уже создал, то имеешь перед глазами свет премудрости, который и во тьме светит даже и без всякого пламени. Ибо, хотя наша сера и не горюча, тем не менее осве-

щает все вокруг, причем долго и далеко. Красильными же свойствами она не обладает, пока сама не подготовлена и не окрашена извлеченным из ея же недр внутренним цветом, от коего одного получает она силу окрашивать больные и несовершенные металлы. Ибо не вменены ей дары дарования цвета, пока не одарена она цветом сама [1]. Слабое само по себе не способно возвысить, однако, сильное удерживает превосходство над слабым, а слабое уступает сильному. Отсюда уразумей: малое не способно прийти на помощь малому, не может и при работе его поддерживать. Вещь горючая не способна другую горючую защитить, если, конечно, не возгорелась сама. Необходимо вмешательство покровителя, идущего на выручку горючего вещества; когда это происходит, он, покровитель, и сам приобретает бóльшую силу, нежели тот, кого он обороняет. И прежде всего начинает обнаруживать неотменимую несгораемость своего существа. А потому каждый, кто желает изготовить нашу несгораемую серу мудрецов, пусть ищет ее прежде в самом себе, где она воистину несгораемой пребывает. Так, соленое море глотает плоть, после же выталкивает, словно отторгая от груди [2]. Когда все это достигнуто, вещество, над которым трудишься, следует возвысить до подобающей ему степени, достигнув коей, оно может в сияние свое вобрать сияние звезд и всех небесных светил подобно пеликану, без истощения истекающему кровью груди своей и питающему свое многочисленное потомство. Это и есть пурпурная Роза наших Мастеров и красная кровь дракона, о коих

[1] Желающий ясно представить себе реальность, алхимически именуемую *серой*, может ознакомиться с двумя главами, посвященными данному минеральному началу, из обстоятельной книги Рене Алло «Аспекты традиционной Алхимии» (op. cit.). Эти книги взаимодополняемы и содержат древние тексты с иллюстрациями (Э.К.).

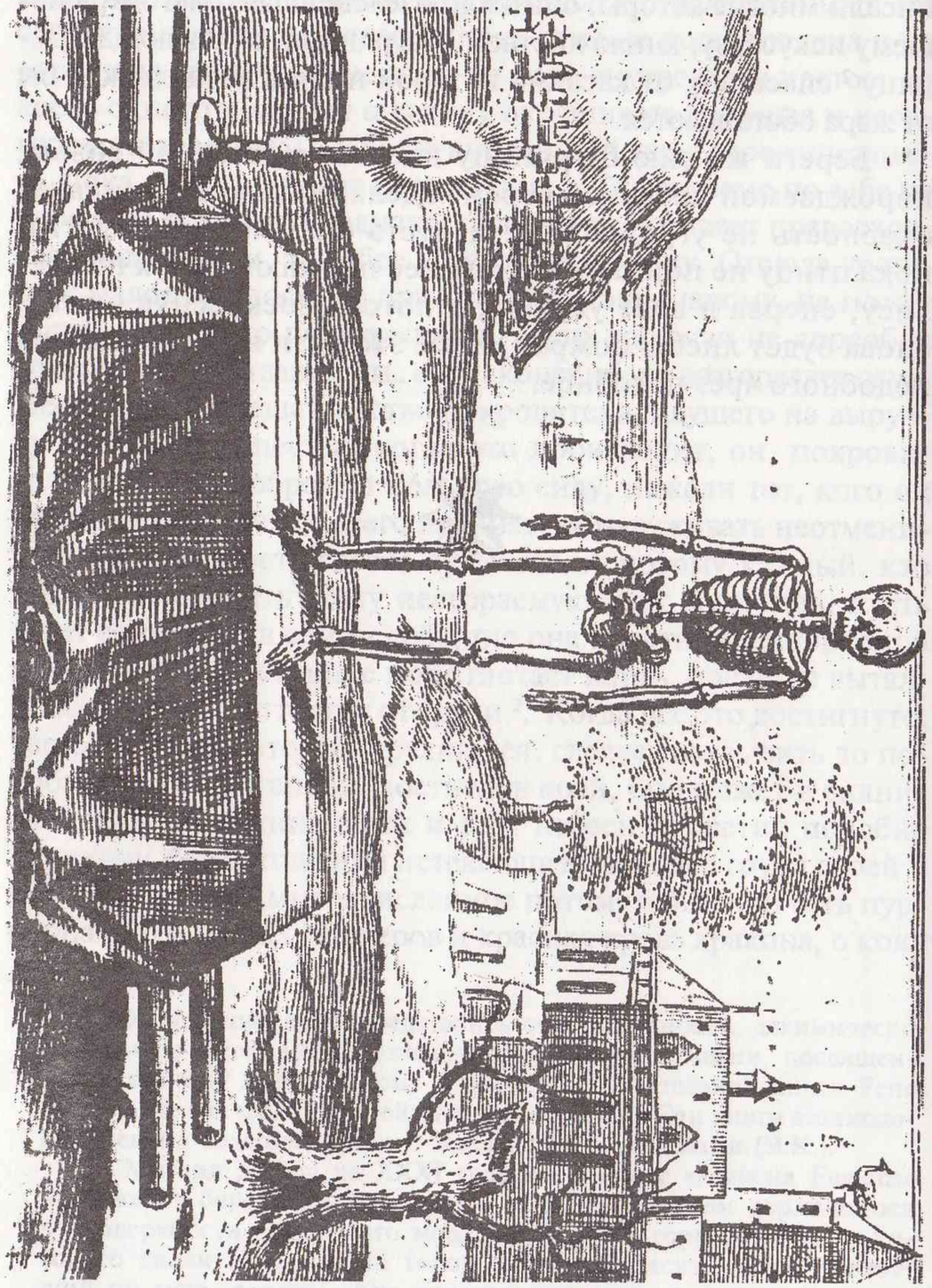
[2] Михаил Майер на XXXI гравюре в книге «Atalanta Fugiens» изображает бородатого человека в короне, с трудом держащегося на поверхности волнуемого моря, на дальнем гористом берегу которого виден прибрежный город. Надпись гласит: «Царь, плывущий по мою, вопиет: «Кто спасет меня, получит великую награду»; Rex natans in mari, clamans alta voce: «Qui me eripiet, ingens praemium habebit» (Э.К.).

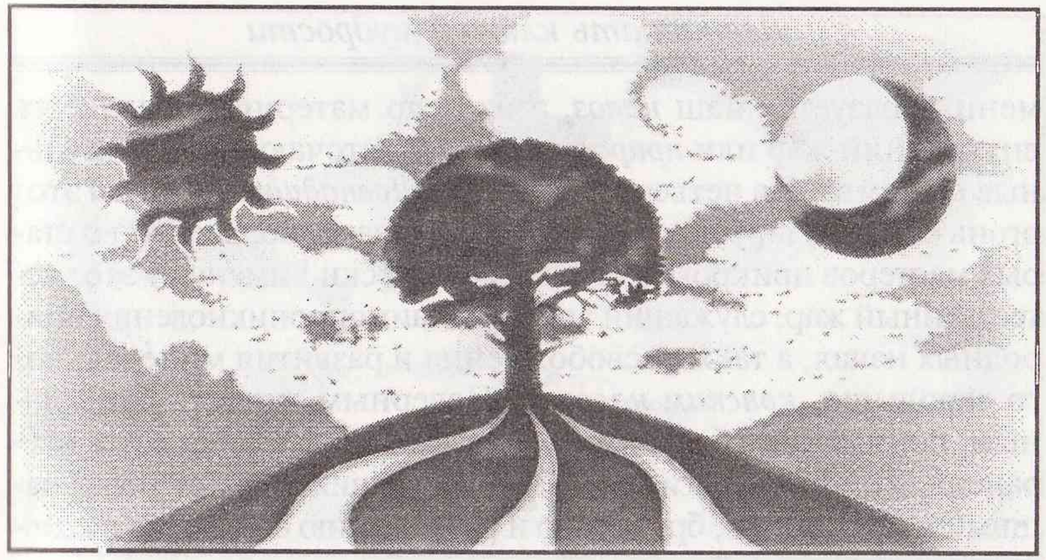
писали многие авторы, она же и зазеленевшая, благодаря нашему искусству, юною листвой [1] багряница, облекающая Царицу [2] спасения, от касания которой нищие металлы как бы от жара обогащаются.

Береги же сию багряницу вместе со звездной солью, порождаемой небесной серой. Сделай так, чтобы никакая опасность не угрожала ей, и пусть она птицею полетит, пока птицу не поймают. А когда ее поймают, петух пожрет лису, сперва в воде удушив, а потом, воскреснув в огне, снова будет лисою пожран, и все это ради восстановления подобного чрез подобное.

[1] ...summe foliatum... *Вариант:* ...верховным Государем (du suprême Seigneur)... (Э.К.).

[2] la Reine — также Королеву. Далее — Царица (перев.).

ФИГУРА ЧЕТВЕРТАЯ

Скелет, стоящий на собственном гробу, слева от которого горит свеча, — изображение напоминает впечатляющие рисунки из Вальдес Леаль (Севилья), тщательно исследованные нами недавно в предисловии к книге Клода д'Иже. По другую сторону гроба — справа и чуть сзади — *сухое и полое внутри дерево*, чисто алхимический и возвышенный знак большого аркана Великого Делания в его минеральном аспекте. Становится понятным смысл уникального орнамента в Симье, где в ризнице которого имеется полукруглая перегородка с изображением лилии, окруженной цветами. И лилия и цветы растут из кучи навоза. Надпись под изображением гласит: «Ex foetido purus — *из смрадного чистое*».

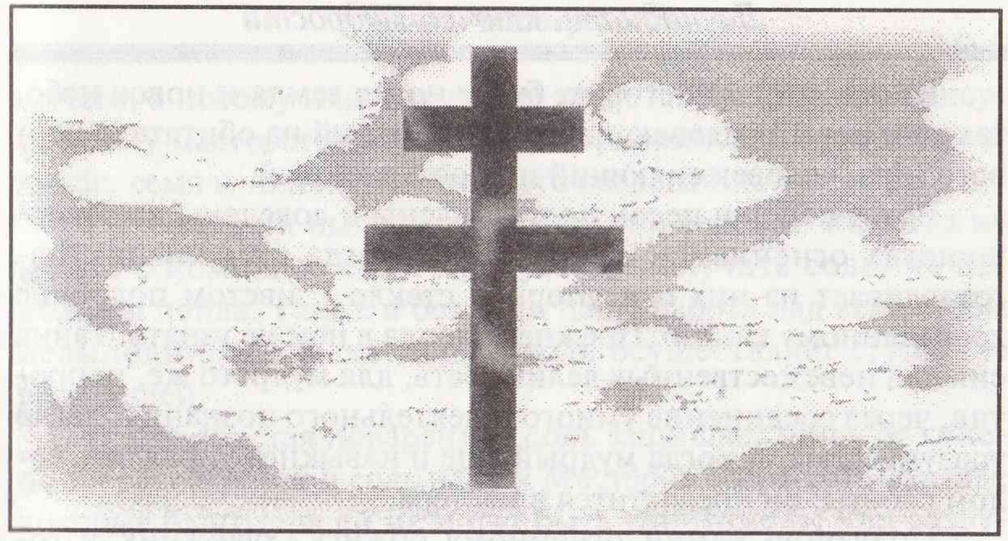
Навоз, то есть продукт органических отходов, насыщает землю питательными началами, необходимыми для роста и развития растений. Так же и в нашем «земледелии» сера и меркурий алчут и жаждут питательных веществ, способных быть для них подобием растительного тука. Эти искусственно вводимые живительные и ферментативные составы с необходимостью соединяют вещественность с разложением во исполнение герметической аксиомы: *«Corruptio unius est generatio alterius»* [1]. Так, при разложении приозводительных начал се-

[1] «Разложение одних есть порождение других» (Э.К.).

мени образуется наш *навоз*, а из недр материи проявляется внутренний жар или *природный огонь*, источающий питательные свойства. На четвертом рисунке *Двенадцати Ключей* этот огонь символизирует горящая свеча. Однако, большинство старых мастеров прикровенно-кабалистически [1] именуют этот естественный жар, служащий агентом взаимопроникновения природных начал, а также освобождения и развития минерального зародыша, *конским навозом*. Неверным, то есть буквальным, пониманием философского языка объясняется распространенная ошибка спагириков, закапывавших сосуды с подлежащими настаиванию, брожению и разложению составами в *каловые массы*.

«В Химии ничто не должно почитаться презираемым — ни *caput mortuum* [2], ни гной — из всего этого следует извлекать пользу; возможно, и простую землю, называемую *про́клятой, темной и истощенной*, равно даже и слизь ее, можно неким образом превращать в *благобытие и Свет*» (Генкель. *Пиритология*. Henckel. *Pyritologie,* ch.1, p.22) [3].

[1] То есть *конски* (перев.).
[2] Мертвая голова (перев.).
[3] От pyrite — пирит (серный колчедан — перев.).

КЛЮЧ ЧЕТВЕРТЫЙ

Всякая плоть от земли берется и в землю отходит, и вновь землею становится, пока соль земли не даст нового порождения чрез серу небесной жизни. Там, где прежде земли не было, не может в нашем Делании произойти возрождения. В то же время земля содержит природный бальзам и соль тех, кто ищет познания всех вещей.

При последнем огненном испытании мір будет подвергнут суду [1], чтобы то, что было создано из ничего, было обращено огнем в пепел, в котором птица Феникс выведет своих птенцов. Разрушать же приходится потому, что в пепле всегда есть винный камень, от которого и должны мы избавиться. А когда винный камень распался и растворился, неключимая печать тайного убежища Царя может быть сорвана [2].

[1] Сохраняем авторское написание, замечая, что для русского читателя естественно употребление данных понятий с заглавной буквы (перев.).
[2] Имеется в виду подготовка одной из составных частей солевой добавки, которая, при начале Великого Делания, вступает в тайное соитие с двумя минеральными протагонистами. «...и тогда, — поясняет Космополит, — посредством действия двух Солнц, небесного и центрического (если они связаны добродетелью возлюбленных), Солнце воспламеняет землю. *И так некогда мір погибнет*» (*Новый Химический Свет, Novelle Lumiere Chymique*, op. cit., p.55) (прим. Э.К.). Под «центрическим Солнцем» (именуемым иногда «черным солнцем») разу-

Когда же земля сгорит, будет новая земля и новое небо, также и новый человек, совсем непохожий на обитателя первого міра, человек сияющий и прославленный.

Вот и пепел и песок подготовлены и доведены до совершенства огненным очищением; и тогда стекольщик изготавливает из них огнеупорное стекло [1], цветом подобное драгоценному камню. Прежнего пепла в нем не узнать. Тайна сия для невежественных велика есть, для мудрого же, напротив, через соединение умного и деятельного познания, легко уразумеваема. А когда мудрый еще и навыкнет управлять ходом работы, он превратится в мастера.

Подвергая камни огненному обжигу, художник изготовляет известь, готовую к дальнейшей обработке. До обжига камни суть просто камни и в качестве извести в работу не годны. При обжиге же камень мужает, входит в зрелый возраст, достигает своего внутреннего температурного предела и, в конце концов, той мощи, при которой посредством огненного духа извести, способен обрести ни с чем не сравнимое совершенство.

Если некое вещество превращено в пепел [2] и обработано согласно законам искусства, оно выделяет [3] свою соль. Препарируя эту соль, ты можешь отделить в ней серу от меркурия, а затем опять их воссоединить, только делать это надо очень тщательно и искусно. Благодаря огню, соль станет такою же, какой была прежде. Мудрецы міра сего вменяют нам все это в тщеславие и глупость, обвиняют нас в том, что мы заново мір творим, а это, как известно, Бог делать грешникам воспрещает. Они не понимают, что мы не пытаемся творить из

меется мысленное солнце, помещаемое в противоположной Солнцу эклиптической точке внутри эллипса земной орбиты. При этом, если Солнце понимать как образ Божественного проявления или катафазы, то «второе», или «черное», солнце невыразимо связано с апофатическим «незаходимым мраком» Божественных Недр (прим. перев.).

[1] ...Оно называлось Лотарингским стеклом. См. Фулканелли. Указ. соч., с.144 (прим. перев.).

[2] *Вариант:* ...выпало в осадок... (перев.).

[3] *Вариант:* ...отдает, выдает... (перев.).

ничего, а потому и не нарушаем запрета. Художник с присущим ему мастерством использует природное, в природе разлитое, семя и только помогает его созреванию [1].

Каков бы ни был художник сам по себе, он никогда не может с помощью своего искусства получить соль, не используя пепла. Также и без соли наша работа над веществом невыполнима — ведь только соль осуществляет сгущение всех вещей.

И как простая поваренная соль защищает пищу от гниения и распада, так и соль наших Мастеров оберегает металлы, которые благодаря ей не могут быть уничтожены или разрушены. Также ничто и не рождается без нее, если, конечно, соль не утратила содержащегося в ней крепкого бальзама и, лишившись плоти своей, вместе с нею не лишилась самого духа природной соли. Если же это все-таки произошло, то тело полностью мертво и ничто не способно даровать ему плодоносность, ибо духи металлов его покинули и наступление естественной смерти оставило дом пустым и просторным; увы, ничто из живого более не оживит его.

Заметь же, ученик нашего искусства, что соль, извлеченная из пепла, оказывается самой сильной, самой преисполненной всяческих добродетелей. Однако и она бесполезна, если внутренние свойства ее не станут внешними, а внешние не будут собраны во внутренний центр. Ибо только дух животворит; тело же, если содрать с него кожу, погибнет. Уразумев это, ты обретешь соль Философов и воистину несгораемое масло [2], о которых до меня написано было множество книг.

[1] Разделение посредством огня — как густого, так и тонкого — не оставляет работнику иной возможности, кроме уничтожения тайного катализатора. Он остается лицом к лицу с *солнцем мудрецов* или *философской серой*, заключенной в недрах земли-питательницы, проявляющейся как тонкий красный пепел, именуемый Мастерами Adamas, по имени праотца Адама (Э.К.).

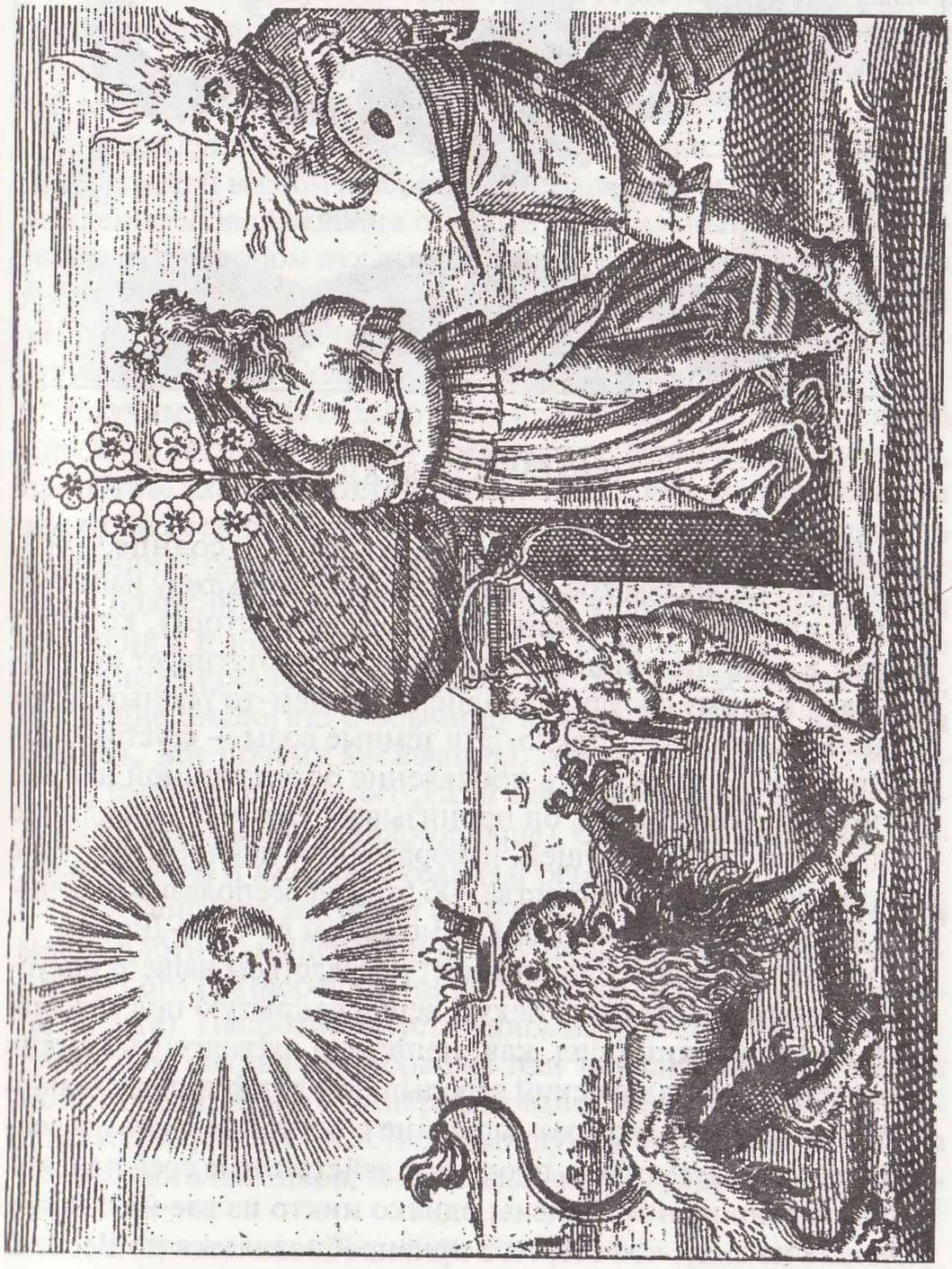
[2] *Вариант:* ...елей... (l'huile) (перев.).

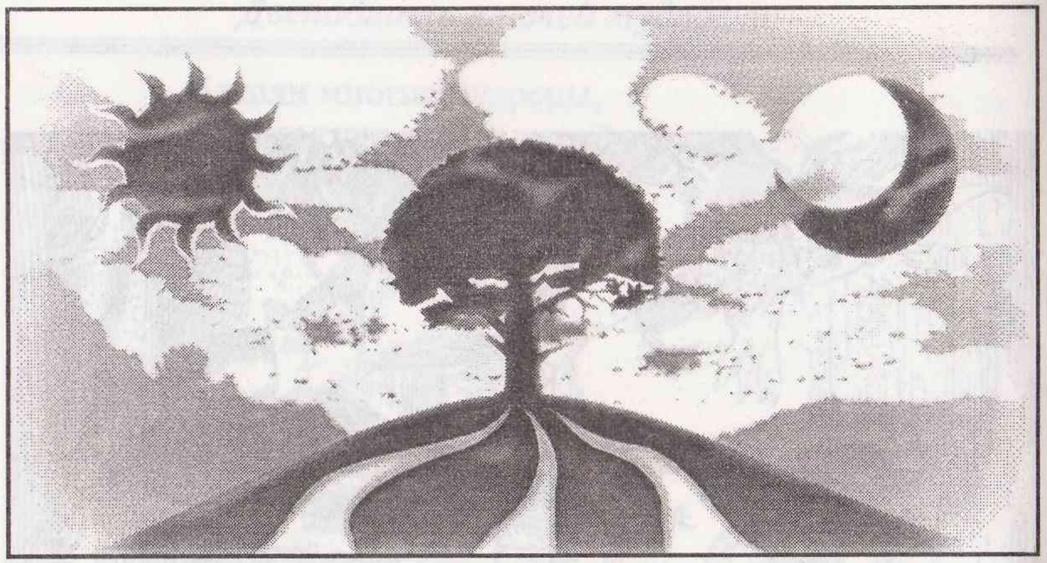
Искали многие мудрецы,
Где спрятаны тайны моей концы,
Только мало их разгадало
Силы моей ключ и начало [1].

[1] Неразрушаемая субстанция соли и ее трансцендирующая роль в недрах Священного Искусства выделена, воспета и прославлена в анонимном десятистишии, имеющем разные названия, в их числе: «Ничто не исчезает», названия по именам цветов, красок и запахов, а также «Священный палисадник». Под последним оно появилось в двуязычном латино-французском варианте в переводе Андре Саворе, выпустившего в прошлом году *«Размышление о Тайнах Тинктур Семи Металлов»* Василия Валентина. Сегодня мы вновь поздравляем г-на Саворе с удачей.

Дивно! Ствол древесный обгорелый источает Соль.
Если соль сию очистишь, даст воды духовный ток.
Воды вновь отдай огню, и увидишь — соль воскреснет.
Эта соль целебна, ей врачуй многие болезни.
Сила нетленна в соли живет: так Искусство гласит,
Указуя в тайнах ея отблеск Божественных искр.
Так! Мы мним концом вещей в осадок выпавший пепел,
Но и пепел конечен — в нем стекла блеск ясн и светел.
Вот Искусство: Творец, ему и Естеству давший рост.
Обороты дал земле: что же тогда дал ей свет Звезд?

О соли же добавим: наилучшая соль из огня рождается тогда, когда вещество предварительно подверглось гниению (Э.К.).

ФИГУРА ПЯТАЯ

Лев, имеющий над головой корону и солнце, символизирует философское золото и выказывает жажду напиться некоей жидкости, наполняющей огромную реторту, которую держит в руке миловидная девушка. Лев протягивает когтистую лапу к этому сосуду, наполненному чем-то темным, просвечивающим сквозь стекло. Эти темные воды — сгусток сущности ночи. Этот дух есть проявление божественной любви, средоточие всесогласия; он пронизывает своим огнем единое сердце разнородных вещей, изображенное дающим ростки в девственной деснице Естества. Об этом небесполезно перечитать милостиво открытое нам Лиможоном де Сент-Дидье.

«Когда мудрец предпринимает посредством нашего искусства попытку изготовить некую вещь, сокрытую под завесой обычных природных сил, как, например, размягчить камень и вырастить металлический зародыш, он должен обязательно погрузиться в глубокое размышление о тайной *внутренней* всеестества и предусмотреть простые и действенные средства, которые можно из нея извлечь; однако никто из вас не должен упускать из виду, что естество приснообновляется по Весне и потому обязано привести в движение всяческое присущее произрастанию семя земное, оно же преисполняет объемлющий землю воздух духом подвижным и питательным, исходящим

от отца естества; дух этот есть тонкая горючая селитра (nitre), проявляющаяся как живительно-плодородная душа земли и именуемая Космополитом *каменной солью* (*сальпетрой*, *sel-petre*) *философов*» [1].

Везде сущий и вся исполняющий дух нисходит из небесных областей весной и обратно возвращается осенью. Эти нисхождения и восхождения образуют правильный годовой круговорот, в котором дух выступает как связующее начало неба и земли. Изобилование его приходится на начало лета, период зачатия и зарождения; также по ночам он оживленнее действует, чем днем. Солнечные лучи рассеивают его, тепло делает летучим, облака создают ему преграды, ветры разносят по міру и не дают нигде главу преклонить, лунное же излучение, напротив, благоприятствует и воспламеняет. На поверхности земли он соединяется с чистыми водами росы [2], которая есть колесница [3] растительного царства; вместе с ними он образует соль, одаренную особой кислотной силой. При медленном очищении и испарении в темноте соль эту, когда она уже образовала крошечные ломкие кристаллики зеленого цвета, имеющие аналогию с обычной селитрой, можно собрать и сберечь. Вот почему *Космополит*, хорошо знавший это вещество, именует его *философской сальпетрой* (*философской каменной солью,* salpêtre philosophique), словом с двойным смыслом *селитры* и *каменной соли* (sal petrae).

Воплощение же духа и его проникновение чрез более или менее плотную минеральную структуру не требует ни предварительного растворения, ни путешествия на водной колеснице (телеге). Напротив, спустившись из небесных областей посредством сокрытой вибрации или невидимой энергии, он может соединяться с минерализованными металлами. Из непонимания такого действования духа и происходит ошибка некоторых алхимиков, смешивающих превращенные в метал-

[1] *Герметический Триумф (Le Triomphe Hermétique,* op.cit., p.93).

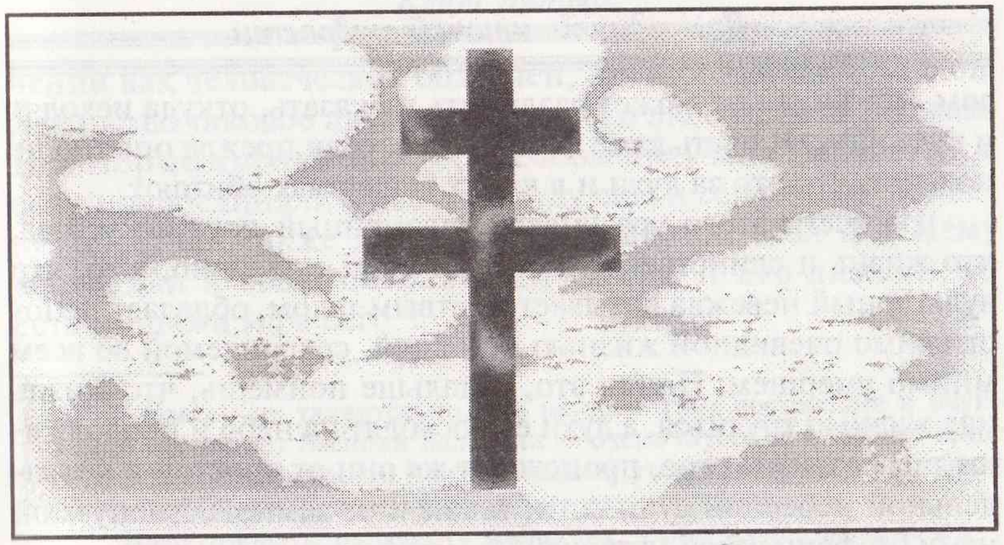
[2] Rosée, корнесловно (кабалистически) связано с *розой* (rose). Об этом подробно см. комментарий (перев.).

[3] *Вариант:* телега (véhicule), повозка. О значении этих определений см. комментарий (перев.).

лическую пудру металлы с *майской росой* — основой так называемого *ностока* (*nostoc*). Но всеобщая посредница [1] (универсальный флюид — перев.), даже вопреки своей необычайной тонкости, не может проникать в металлические тела пока сама не воплотится в росу (розу), ибо плотность, наличие удельного веса и инертность металлов, причина которых в человеческой деятельности, создают для его проникновения всяческие преграды. *Оживление* металла возможно только путем его плавки, как на гравюре Пятого ключа указывает некто, держащий кузнечные мехи. При этом лицо его объято пламенем.

Художник располагает безошибочным критерием определения духоносности всего вещественного. Если тело одухотворено, то при охлаждении оно покрывается лучеобразными линиями, направленными к центру, который Филалет именует *полюсом*. Их совокупность образует почти правильной формы звезду.

[1] Употребляя женский род, мы исходим из еврейского roakh духа, употребляемого в женском роде и греческого pneuma — в среднем.

КЛЮЧ ПЯТЫЙ

Живительная сила земли производит все вещи, землей рождаемые; всякий же, кто утверждает, будто земля лишена жизни, говорит неправду. Воистину, мертвое тело не способно передавать жизнь; не может оно также и взращивать духа жизни и преумножать, ибо дух жизни от него отлетел. Дух же есть жизнь земли и душа ея, обитательница земная и проводница на земле всего, что суть от міров небесного и звездного. Ибо все деревья, травы, коренья, так же, как металлы и минералы, получают питательные силы от духа земли, дух же, иначе говоря, сама жизнь, питается от звезд и передает их силу всему произрастающему. Как мать собою питает в утробе свое дитя, так и земля, сама питаясь духом от высших областей, хранит жизнь минералов, взращивает и питает их в недрах своих.

Вот почему силы земные не от самой земли, но от духа животворящего, что в земле; если же земля духом покинута, то умирает и более питать не способна, ибо только дух чрез туки земные или серу сохраняет силу жизни и передает ее как пищу всему произрастающему.

Два противодуха могут обитать вместе, однако достичь сего не просто. В самом деле, когда порох в пушке воспламеняют, оба духа, входящие в состав этого пороха, разделяются с большой силой и шумом и летят по воздуху таким обра-

зом, что никто не может различить и сказать, откуда исходят и куда идут. И пусть даже не пытается, если прежде опытно не познает, что это за духи и в каких веществах обитают.

Из всего этого уразумевай, пламенный друг искусства, что жизнь и единственно истинный дух суть одно, а то, что вульгарный невежда называет мертвым телом, обладает непостижимо очевидной жизнью духовной, сохраняемой во всем мнимо умершем. Поняв это, и дальше поймешь, что жизнь над жизнью трудится, а духи ея восходят на небо и продолжают там развитие свое, происходят же они от простой и нераздельной небесной сущности, также и от земной, именуемой нами бесформенной материей.

И как у железа есть возлюбленный, привлекаемый любовью невидимой и чудесной, так и у нашего золота, пылающего любовью к первоматерии нашего великого Камня. Если ты понимаешь мои слова, ты счастливее и богаче всех в этом міре.

В этой главе я могу показать тебе в качестве примера некоего человека, стоящего перед зеркалом и размышляющего о своем образе. Если он протянет к нему руки, то ничего, кроме зеркального стекла, не коснется. То же самое произойдет и если некоего духа увидишь, хотя и видимого, но неуловимого. Этот самый дух и есть корень жизни нашего вещественного тела и Меркурий Философов, из коего средствами нашего искусства приготовляется ликерная вода, должная быть тобою воплощенной чрез единение. Далее различными способами ее следует возвести из низшего иерархического положения к высшему, и ты получишь совершеннейшее Лекарство. Ибо начинаем мы с вещества осязаемого и в себе замкнутого, середина процесса — проявление многоподвижного и летучего духа и жидкого золота [1], свободного от всяческих перемен [2] и дающего жизнь нашим Мастерам; завершение же процесса — появление очень устойчивого Лекарства, применимого при ле-

[1] *Вариант:* воды из золота (eau d'or), питьевого золота (перев.).

[2] ...absque omni conversione... *Вариант:* ...свободного от всяческой коррозии... (Э.К.).

чении как человеческих болезней, так и болезней металлов. Лекарство таковое известно не только людям, но и ангелам. Некоторые именно таким способом получали Лекарство, а если присоединяли к своему труду еще и сердечную молитву, обретали также и Самого Бога внутри себя и к Нему восходили и были познаны Им Самим и Его людьми, то есть нищими міра сего [1].

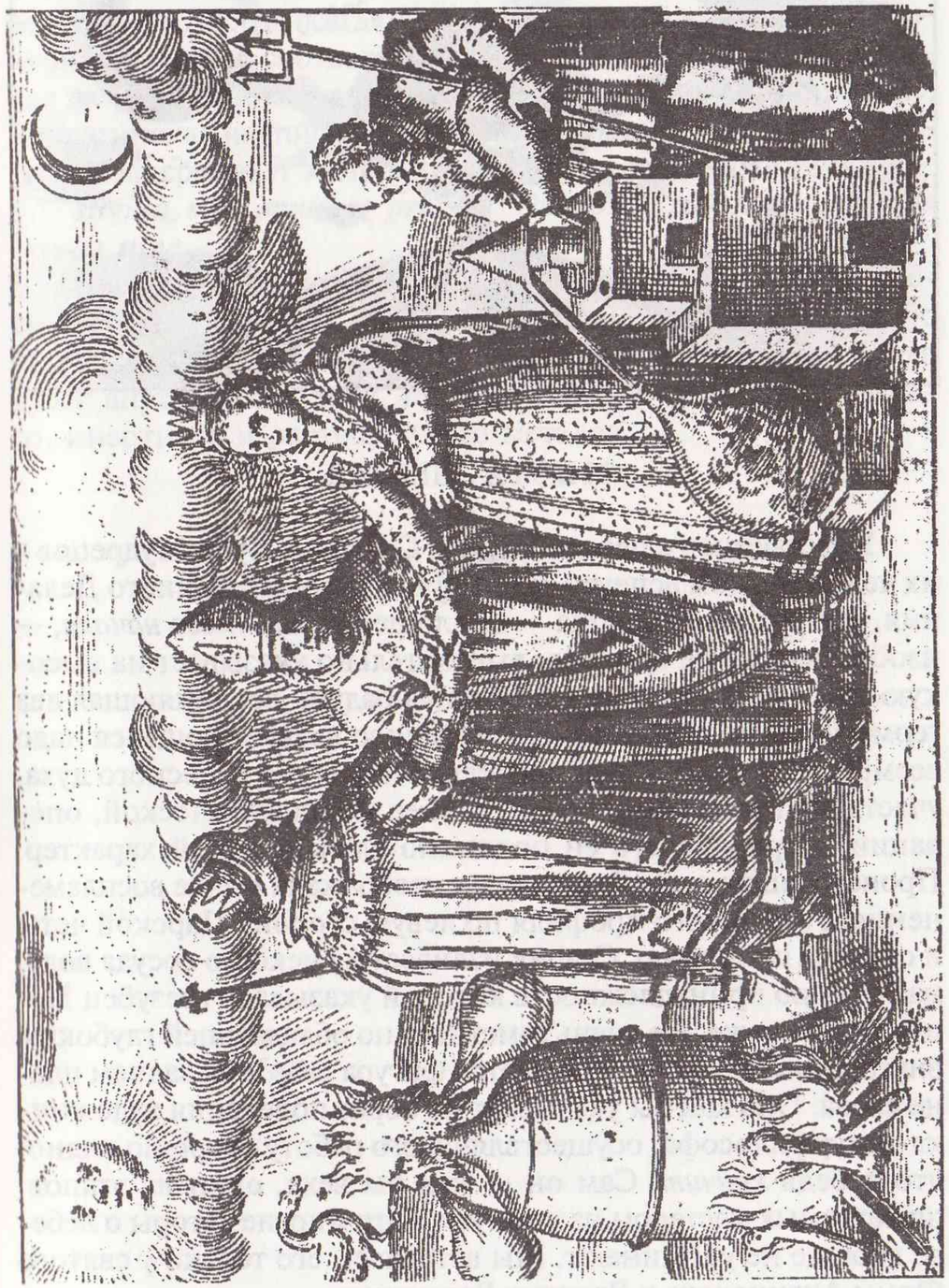
[1] Совсем не удивительно, что на всем этом постепенно и неуклонно настаивает Василий Валентин — очень глубокие и тайные вещи сокрыты под простыми и почти детскими утверждениями, вроде бы и не подлежащими пристальному о них размышлению.

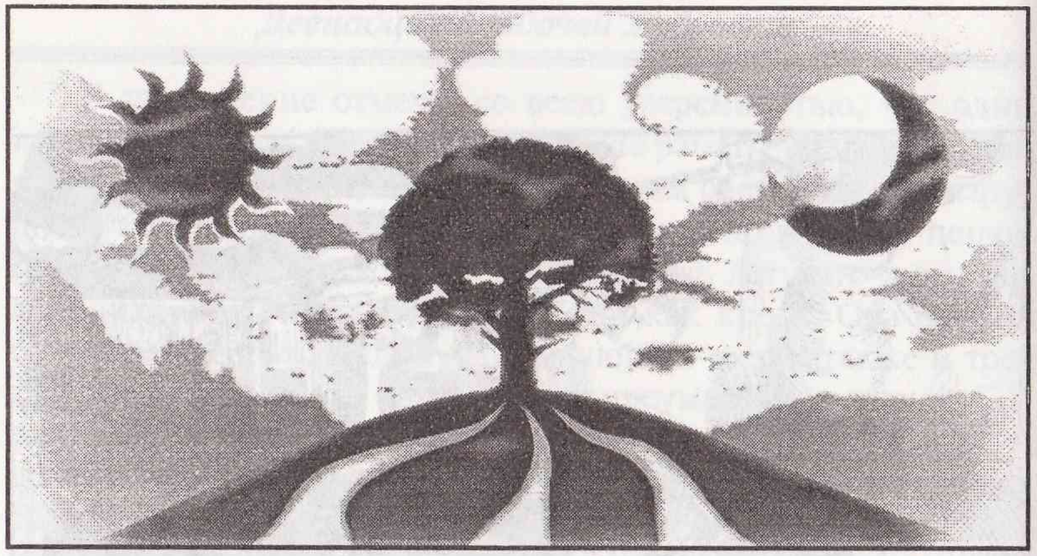
Надо отворять, разверзать землю так, чтобы из нее забил ключ — ключ воды и жизни, слитых воедино. Мы уже давали некоторые толкования изображений в ризнице монастыря в Симье. Добавим, что на первом этаже есть дверь и точно такая же в часовне. На двери написано: *Non aperietur* (*Она не будет отворена)*. В литаниях Непорочного Зачатия Церковь именует Деву *затворенными Вратами Иезекиилевыми*, *Вратами Востока и Вратами Небесными* (перев.). Все это — аспекты символа *Затворенной двери*, в средневековой иконографии обозначающего Марию, как, например, на цокольной стене и на хорах в Амьене.

Эта дверь, символизирующая в Христианской Церкви Царственную Мать Спасителя и Царицу Небесную, имеет аналог в герметическом искусстве. Это начальный субъект Великого Делания, то есть растворяющий свойства чудесной жидкости, именуемой учениками как Парацельса, так и Ван Гельмонта *Алкагестом (Alkaest)*, другими же более древними именами *Универсального Растворителя или Мировыми Месячными (Menstrue de Monde)*. В нашем контексте тайную воду, без которой невозможна никакая операция, можно именовать *Вратами Работы* — всегда затворенными, — а также, — *матерью верховного правителя* Великого Делания. Восхищенно-сокрытая и прикровенная Естеством, она есть дверь, затворяющая святилище, дверь, которую не дано отворить ни единому невежде, лжецу, скупцу или тщеславцу. Эту *мистическую калитку* также невозможно найти, обнаружить, определить или испытать на прочность в физическом пространстве и времени. Ея устройство, конструкция, способы отворения и затворения исключительно умопостигаемы; подлинные основания ея действия непостижимы даже для искуснейших из земных художников. Мы же утверждаем, что познать ея тайны все-таки можно, но лишь со смирением, настойчивостью, чистотой и чрез долгий-долгий внутренний труд. Каким бы неисполнимым и неблагодарным ни казалось на первый взгляд это занятие, оно вполне выполнимо, и даже с легкостию, для философа, способного к нравственному преодолению огня сожигающего, для того, кто наделен живым воображением и чистым сердцем. Ибо Естество, сильное силою вечной Правды, не

В заключение отмечу, со всею уверенностью, что один труд проистекает из другого. В начале работы наше вещество должно быть полностью очищено, затем растворено и разрушено, разложено до основания, превращено в прах и пепел. По совершении же всего этого, изготовь летучего духа, белого, как снег, и другого, красного, как кровь. Оба они на самом деле есть дух един, заключающий в себе также и третье. Все эти три духа сохраняют и преумножают жизнь. Соедини их, прежде напитав и напоив всем необходимым, и возложи на брачное ложе, на коем пребудут, пока не придет срок родить. А потом сам увидишь, каким сокровищем наделили тебя Творец и Естество. И уразумей, что я не произнес ни единого слова, способного исказить, унизить и упростить что-либо из описанного. Бог же вдохнул в естество и силу, и некую чудесную странность, трудно постигаемые большинством. Но для меня важно было показать тем, кто пойдет по моему пути, что среди чудес Божиих, повсеместно разлитых в естестве, есть и такие, которые невежды почтут за противные естеству. Однако, поскольку все естественное проистекает из сверхъестественного, ничто в міре не может быть почитаемо за противное естеству.

открывает свои светильники и не допускает до своих сокровищ никого, кроме исследователей совершенно искренних и бескорыстных, свободных от предрассудков, способных находить свой путь и следовать по нему, всех тех, кто любит науку ради ея самой, труд ради невинной и длительной радости, кто не ищет способов извлечения дохода и плотских утех из своего знания. Согласно Писанию, Соломон просил у Бога только премудрости, вместе с нею же получил от Него также и славу и приращение богатства (Э.К.).

ФИГУРА ШЕСТАЯ

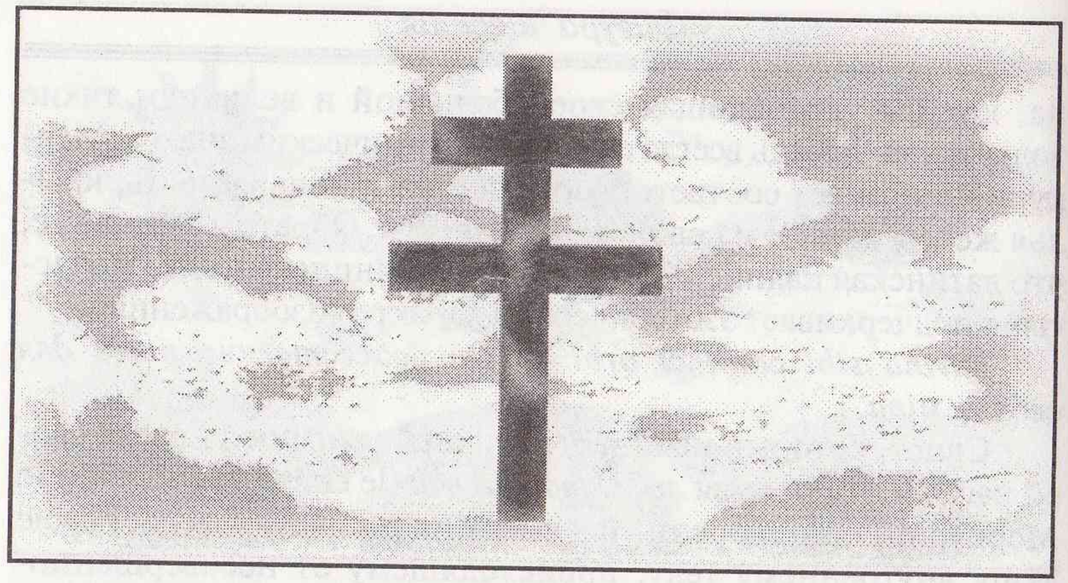
Уже начиная с первого ключа Солнце и Луна Мудрецов в их человеческом аспекте суть Царь и Царица Великого Делания, фигура же епископа — воплощение *третьего начала*, — изображенная на гравюре, выразительно указывает на высокую законность их брака. Небесная радуга, соединяющая два герметические светила и красноречиво возвышающаяся надо всем, есть обильное флюидическое излияние небесного духа, участвующего в химической, точнее металлургической, операции и придающего ей подлинно алхимический характер. Происходящая *сухая дистилляция* изображена в виде воспламененного двуликого профиля по левую сторону Царской четы и старика по правую. Старик изливает из некоего сосуда воду, на *морскую* принадлежность которой указывает трезубец Нептуна в его руке. Не очень заметной, но обладающей глубоким внутренним звучанием, является фигура *лебедя* на заднем плане слева. Она как бы указывает на образ поведения художника-натурфилософа, осуществляющего работу. Хорошо видно, что лебедь *кричит*. Сам он — как бы веха, один из этапов, проходимых мастером на его пути, хотя многие авторы о лебеде вообще не упоминают. Мы встречаем его только у святого Фомы Аквинского и Василия Валентина.

Вернемся вновь к росписям монастыря в Симье, на одной из которых, на коридорной стене, изображена прекрасная пти-

ца, как бы украшающая своей белизной и величием тихие воды пруда. Лебедь всегда считался алхимическим знаком Меркурия; он имеет соответствующий цвет и подвижность, крылья же указывают на свойство летучести. Обратим внимание, что латинская надпись на стене этого францисканского монастыря подчеркивает эзотерический характер изображения:

Divina sibi canit et orbi — Он божественно поет для себя и міра.

Свист, который начинает слышать алхимик в начале своей работы, именуется *лебединой песней* (le chant du cygne), ибо Меркурий, приговоренный к смерти и распаду, передает свою душу внутреннему телу, происходящему от несовершенного, инертного и растворенного металла.

КЛЮЧ ШЕСТОЙ

Муж без жены считается как бы телом, разделенным надвое, а жена без мужа, по подобию, — полутелом, ибо, будучи отделенной, не способна принести плода. Однако, когда они соединены супружеским союзом, тело обретает совершенство, и семя их производит преумножение.

Если количество зерна, брошенного в борозды поля, чрезмерно, то и всходы чрезмерны, и урожай погибает. Когда же зерна недостаточно, урожай скуден и забит сорняками, и толку от него нет никакого.

Если торговец не хочет, занимаясь своим ремеслом, отягощать совесть, он должен соблюдать законные правила и шкалу мер и весов дабы не навлекать на себя проклятия и быть признанным бедняками.

Воды многие могут поглотить и удушить, малые же быстро иссыхают под солнцем и никем не ценимы.

Потому, чтобы достичь желаемой цели, следует, если составляешь ликерное вещество Любомудрия, соблюдать правильную меру; избыточная жидкость пусть не преизбыточествует дабы не подавить ту, которой мало; слабейший не должен быть слишком слабым пред сильнейшим, ибо ни в коем случае нельзя мешать зарождению, от коего потом и равноверховенство составов произойдет. В самом деле, как слишком

дождливое лето вредит урожаю, так и засуха. Итак, приготовляя Нептунову баню, хорошо взвесь количество воды и старательно обдумай, чтобы ее не было ни слишком много, ни слишком мало [1].

Воспламененный двоечеловек питается плотью белого лебедя; он и лебедь взаимно уничтожают друг друга и вместе возвращаются к жизни. Воздух четырех сторон света овладевает тремя четвертями огненного наглухо закрытого человека [2], пока не будет услышана лебединая песнь и, в конце ея, ясно выраженные музыкальные тона. Тогда жареный Лебедь становится пищей Царя, а огненный Царь, очарованный голосом Царицы, обнимает ее и с великой любовью ею насыщается, пока оба они не исчезнут и не будут в плоть едину.

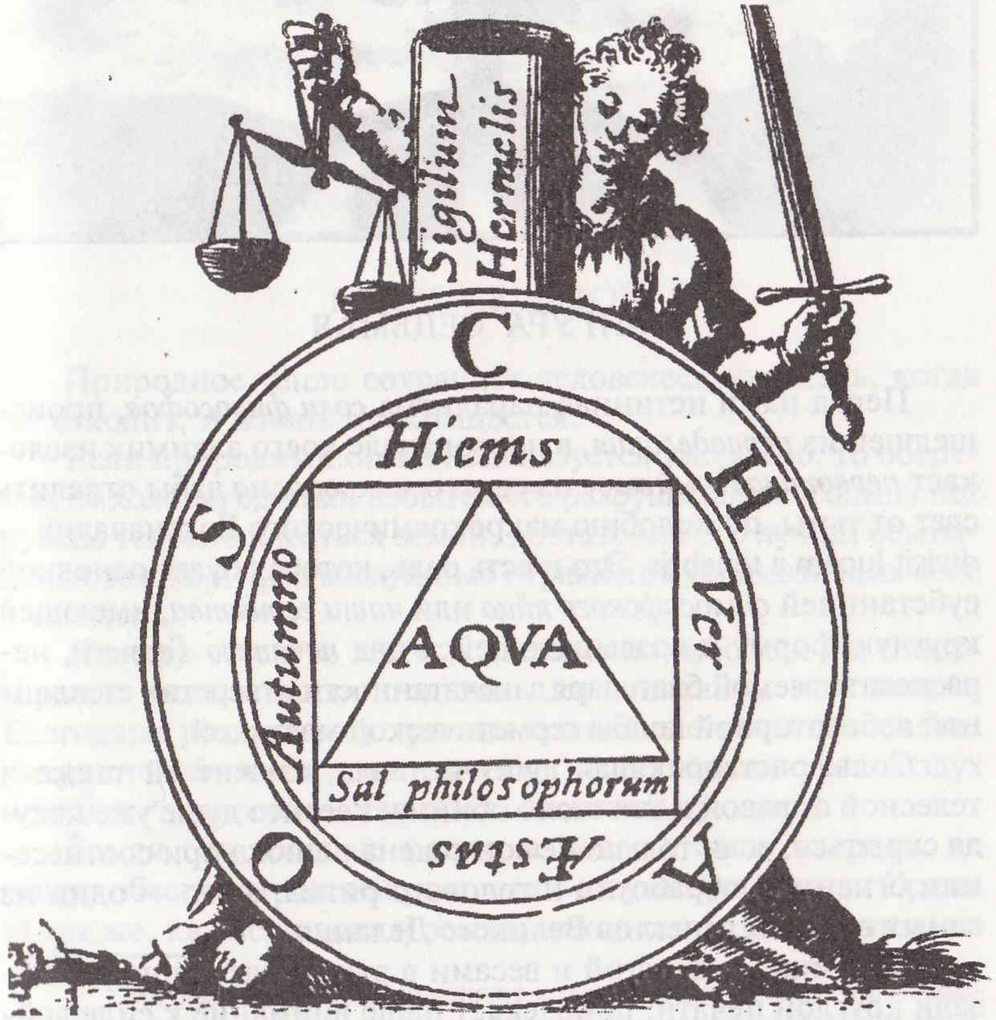
[1] Развивая старую герметическую предпосылку — una re, una via, una dispositione; *единой вещью, единым путем, единым способом* — как и другие средневековые авторы, которым Василий Валентин безоговорочно, даже если и неким образом дистанцируясь, следует, «Двенадцать Ключей» соединяют противоположности философской работы и заостряют внимание читателя на двойном смысле мер и весов. Нематериальные, но также и качественные факторы, обуславливающие пути развития материи, для художника всегда двойственно едины по образу андрогинного человека, изначально сотворенного Богом. Жена, извлеченная Богом из глубин сотворенного Им человека, ибо *«нехорошо человеку быть одному»*, в латинском варианте Книги Бытия именуется *virago*, по старофранцузски — *hommesse*. Вопрос о мерах и весах присутствует в рассуждении философа Мориена в его речах *de Nature*, однако подчеркивается, что установлены они естеством, а не художником. Мы же утверждаем, что они должны быть установлены по мере исполнения Великого Делания, причем при соблюдении всех необходимых пределов на каждой стадии и каждым участником. При этом не следует допускать вольностей и тем более внешних, иноприродных воздействий. Эта экспериментально подтвержденная истина выражена афоризмом XVI Гугинуса: *«Ничто чуждое да не вторгается в наше Делание; нельзя допускать и воспринимать ничего, идущее извне»*. (см. очень ценный репринт его труда *«Аспекты Алхимии»*, op.cit., p.195-200). Для внимательного читателя ясно, однако, что *соль*, *преестественный огонь*, или *тайный катализатор*, полностью чужды *философской сущности* (Э.К.).

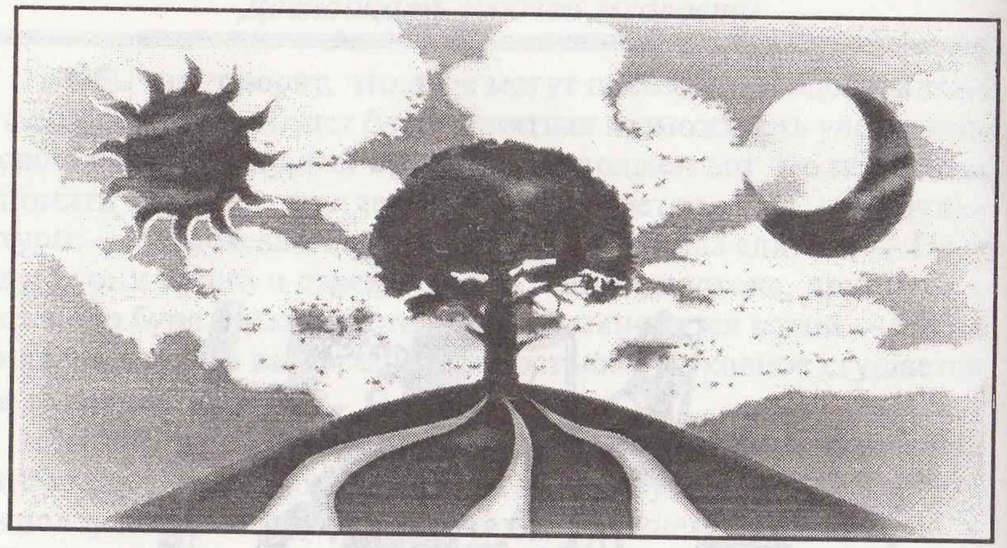
[2] ...tres quartas ignei viri inclusi occupabit... *Вариант:* овладевает тремя четвертями замкнутого вместилища огненного человека (перев.).

Обычно говорят, что двое могут превзойти и одолеть третьего, если у них будет благоприятная возможность упражнять свою ярость. С другой стороны, ты должен вот что понять, и понять глубоко: прилетит двойной ветер, имя ему Вультурн, — следом за ним еще ветер, на этот раз единый — Нот; дуют они бурно и стремительно, один с востока, другой — с юга. Но буря прекращается, воздух становится водой — так — поверь в это со всею решительностью! — духовное сгущается в телесное.

Пройдут четыре времени года, семь планет на четвертом небе достигнут могущества, и тогда будет господствовать число, которое обретет полноту в нижнем ярусе дворца и будет ожидать самой строгой проверки. И тогда, наконец, двое посланцев восторжествуют, уничтожив третьего.

На этой стадии нашего Магистерия путь познания проходит самую опасную черту. Следи, чтобы разделение и сгущение были проведены правильно, ибо только тогда наше искусство даст обильнейшие плоды. Для этого соблюдай равновесие и не дай нарушить его ложной мерой, которая есть главный подводный риф на пути всего замысла. Не дай этому рифу помешать наступлению главной фазы, когда действуют купно небо нашего искусства, воздух, земля, истинная вода и осязаемый огонь. Потому правильно взвесь, не обманывая ни себя, ни других, — будь невинен и невиновен. Истинно говорю тебе — делай так.

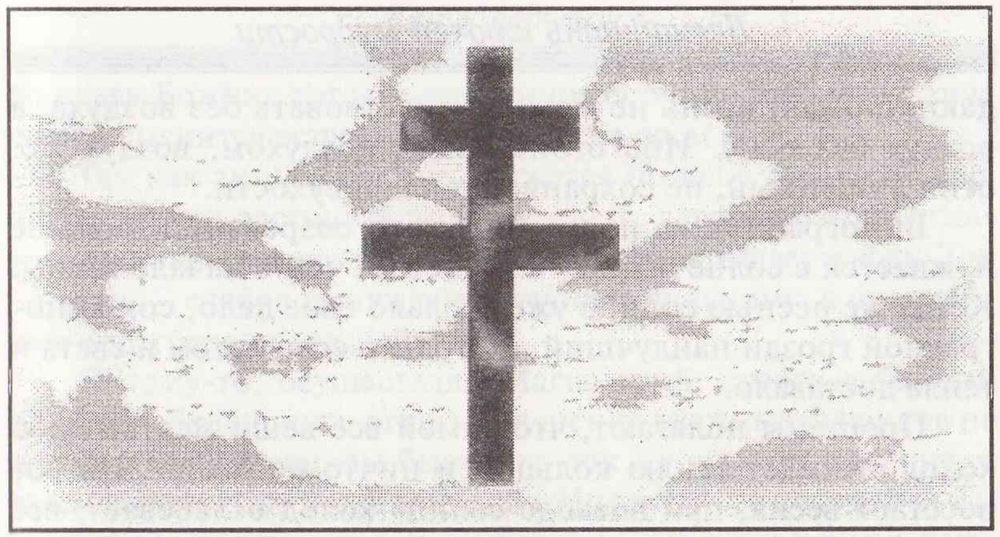

ФИГУРА СЕДЬМАЯ

Перед нами истинная парадигма *соли философов*, происшедшей из *перводелания*, в первоначале коего алхимик извлекает *первоначальный хаос* из своего *микрокосма* дабы отделить свет от тьмы, по подобию макрокосмического Богоначалия — divisit lucem a tenebris. Это и есть соль, которая будет основной субстанцией *философского яйца* или *чаши естества*, имеющей круглую форму и возвышающейся над *печатью Гермеса*, нераспечатываемой благодаря запечатанности отверстия стеклянной лабораторной колбы герметической мастикой.

Соль, растворяющая душу металла, служит ей также и телесной оправой и так тесно обнимает ее, что душе уже некуда скрыться, если только не совершена ошибка при соотнесении огненной обработки и годового ритма, а это — один из самых трудных аспектов Великого Делания.

Алхимик, со шпагой и весами в руках, находящийся позади круглой печати, привлекает наше внимание к силе действия соли и соблюдению правильных пропорций мер и весов природы. *Соль философов есть огненная вода* (вода в треугольнике огня), созидающая квадрат Мудрецов из *грубого Камня*.

КЛЮЧ СЕДЬМОЙ

Природное тепло сохраняет человеческую жизнь, когда же отходит, и жизнь прекращается.

Если природный огонь используется умеренно, то оберегает от холода, однако, избыток его разрушителен. Солнцу нет нужды телесно касаться земли, достаточно его лучей, осыпающих землю и чрез воздушные отражения усиливающих свое действие [1].

Потому-то света этого и достаточно, ибо как бы пищеварение делает его пригодным для напитания всех вещей. Благодаря воздушному трению солнечные лучи становятся умеренно-теплыми, и они вместе, то есть огонь чрез воздух и воздух чрез огонь, обретают зиждительную силу.

Земля без воды не родит, а вода, в свою очередь, не может обеспечить ничей рост, если отсутствует земная Среда. И так же, как если вода и земля, находясь в разделении, не

[1] Вот как философы объясняют холод, горные снега и стратосферический мрак, то есть природу областей, где изначально правят огонь и свет небесного их источника: «Очи Мудрецов видят естество иначе, чем очи простецов. Простец смотрит и говорит, что Солнце горячее. Философ же знает, что на самом деле Солнце холодно, но движение его горячо». (*Космополит или Новый Химический Свет; Cosmopolite ou Nouvelle Lumiere chymique*, op. cit., p.50). Хотя звезды и излучают флюиды, эти флюиды воспламеняются и воссиявают только в атмосферах планет, благодаря трению. Потому-то одинаково обильно питают все планеты — как дальние, так и ближние (Э.К.).

дают урожая, огонь не может существовать без воздуха, а воздух без огня. Ибо огонь живет воздухом, воздух же, огня лишенный, не сохраняет тепла и сухости.

Виноградник, в пору обильного созревания, больше нуждается в солнечных лучах и тепле, чем в начале весны. Когда же осенью солнце уже сделало свое дело, сок виноградной грозди наилучший, но только если летом и света и тепла доставало.

Простецы полагают, что зимой все вещи мертвы, ибо холод сжимает землю кольцом и ничто не растет. Но вот восстает весна, при восходе солнца холод ослабевает, все вещи воззываются к жизни, деревья и травы тянутся вверх, ползучие существа, бывшие зимой как стекляшки, медленно выползают из пещер и язвин земли [1]; все оживает, источая новые запахи, а возрастание трав увенчивается цветами. Летом же цветы превращаются в плоды, собирая которые ты можешь благодарить Создателя, таковым восстановлением споспешествующего исполнению установленной Им полноты естества.

Так за годом год закругляются годы, пока Мір не будет вновь разрушен его Зодчим и сущие на земле не будут взяты

[1] См. Введение, сноску 2. Латинский текст Михаила Майера таков: «In hyeme vulgus omnia mortua esse existimat, quia frigus terram constrinxit, ne quid inde excrescere queat: quam primum vero ver sese offert, ut frigus ascensione solis diminuatur, omnia in vitam revoncatur, arbores et herbae vegetant, et reptilia animalcula, quae gelidam hyemem fugerant, ex speluncis et specubus terrae hyemem fugerant, ex speluncis et specubus terrae prorepunt...» А вот латинский вариант Якова Толя и его перевод: «Hyeme vulgus hominum cuncta mortua existimat, quia frigus terram constrinxit, ut nihil ex ea crescere, aut nasci possit. Quam primum vero ver apparet, fracta vi frigoris per ascensum solis, cuncta in vitam revocantur: arbores et herbae vivere se ostendunt, et reptilia, quae ad evitandum hyemis rigorem in speluncas sese terrae abdiderant, ex his rursus in apertum aëra prorepunt...» Зимой простые люди думают, что все вещи мертвы, потому что холод опоясал землю, а значит ничто не может рождаться или расти. Но с приходом весны сила холода уменьшится от восхождения солнца и все вещи вновь воззываются к жизни: деревья и травы поднимаются, ибо оживают, а рептилии, доселе прятавшиеся от суровости зимы, выходят из подземных пещер и возвращаются в залитые воздухом поля. (Э.К.)

во славу Божию; тогда и все земное естество прекратит труд свой и сменится естеством приснонебесным [1].

Так как зимнее солнце движется по небу далеко от нас, оно не может растопить высокие снега, летом же, приближаясь, оно наделяет воздух жаром, а снег превращает в воду. Так во всем — слабое вынуждено уступить сильному, а сильнейшее есть господин слабейшего.

Потому-то, осуществляя Магистерий, строго соблюдай правила обращения с огнем. Осушение влажных флюидов не должно быть слишком быстрым, так же, как и омовение, а затем растворение земли мудрецов. Иначе вместо искомой рыбы встретишь в наших водах скорпионов. Но если хочешь быть воистину вождем своего труда, начни с укрепления духом духовной воды, а для этого зáмок свой замкни на все замки. Знай, что именно сейчас небесный град будет осажден земными врагами. Прежде всего окружи его тремя рвами и тремя валами, чтобы проходов не оставалось, кроме одного, к нему же приставь могучую стражу. Когда все это сделаешь, возожги лампу Мудрецов, ходи с нею и ищи потерянный Грош —

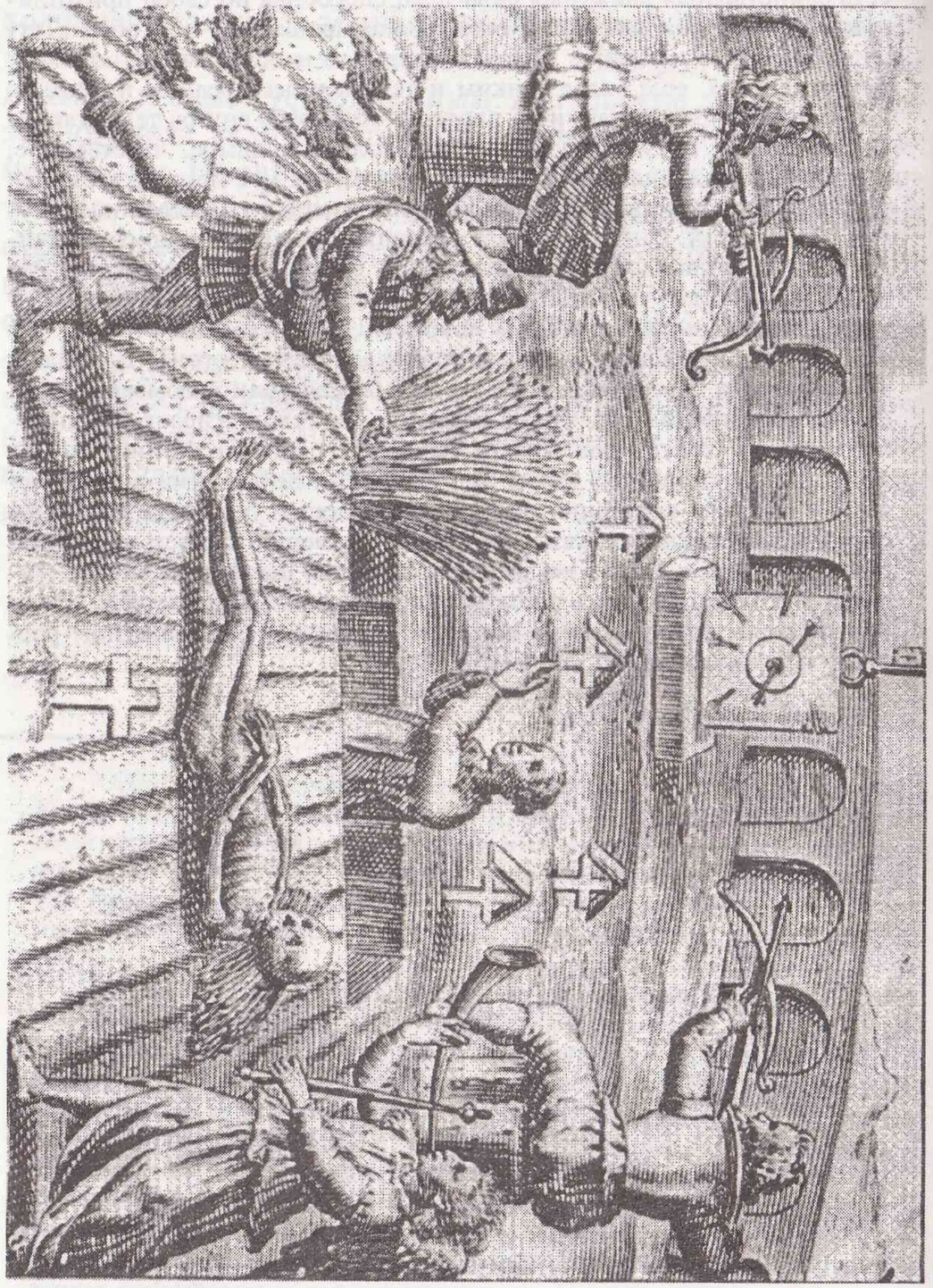
[1] Соблазны, сопровождающие алхимика в его работе с *малым міром*, идущим к неотвратимому разрушению, постигнут и всех людей накануне циклически-возрождающего катаклизма земли. «Восстанут бо лжехристи и лжепророцы и дадут знамения велия и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя» (Матф., 24, 24). Бесспорно, предупреждение Иисуса Христа не напрасно; предмет его хорошо известен в прошлом и вновь возрождается в нашем столетии, когда близость великой катастрофы порождает харизматических чудотворцев и вдохновенных мессий. Из них самый блистательный — Георгий Иванович Гурджиев, хотя трудно решить, во власти какой силы он находился. Но и сам он, и особенно его ученики доходили до пароксизмов, многие же из них пребывали в полном подчинении у этого человека, умевшего быть холодным деспотом разгоряченных адептов. Самым же тяжелым для его добровольных учеников было то, что вопреки обещанию вседозволенности, они не обретали ничего и оказывались наедине со своим глубочайшим разочарованием. Обо всем этом можно прочитать в мастерски написанной и справедливой книге Луи Повельса «Господин Гурджиев», своевременной, целительной, и при всей своей беспристрастностью, столь волнующей (*Monsieur Gurdjieff*. Edition du Seuil, 1954) (Э.К.).

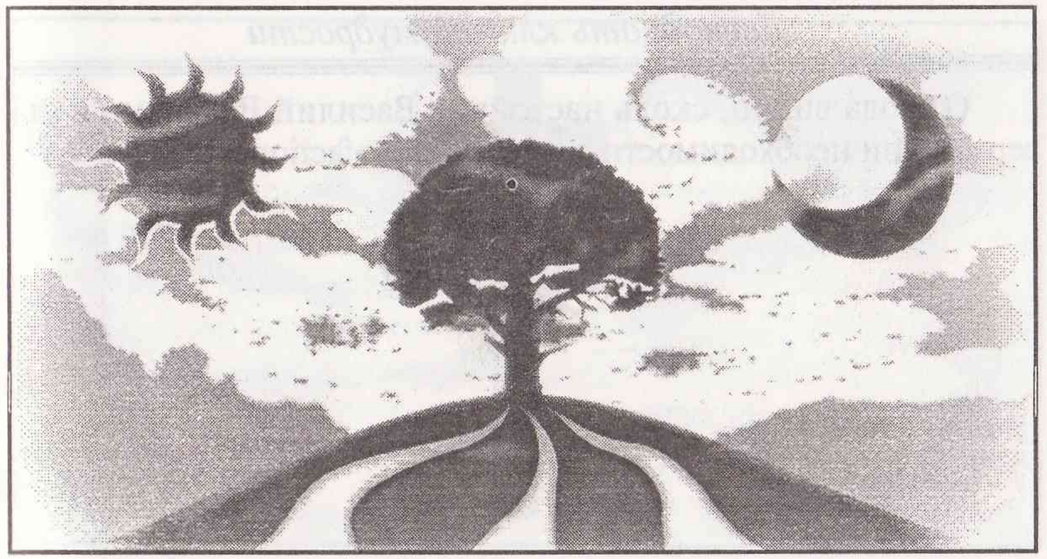
свети повсюду, пока не найдешь [1]. Обрати внимание, что холодная влажность земная есть обиталище ползучих тварей и жаб. Человек же ходит по земле, ибо род его сотворен прямым и ввысь устремленным. Ангельские духи не имеют земного тела, тело их сотворено не из плоти, которая замарана грехами. Не связаны они, в отличие от людей, также местом и временем и способны достигать вершин, ибо в равной степени переносят лед и огонь, высоту и глубину. Очистившись, человек станет в этом подобен духам небесным. Без сомнения, Бог правит небом и землей и всяческая во всем созидает. Бодрствуя душой, и мы восыновляемся Богом и вступаем в Его наследство, способные осуществлять доселе нам невозможное. Но этого не произойдет до тех пор, пока вода не станет сухой, небо же и земля со всеми насельниками ея не пройдет чрез суд огня [2].

[1] Gros (фр. — перев.). Немецкое groschen (лат. grossum) — серебряная монета очень низкой пробы и самой низкой цены. Это явная реминисценция евангельской притчи *об обретенной драхме*; drachma reperta (Лк. XV, 8-10). В древней метрологии *drachme* эквивалентна *gros (groshen)* (Э.К.). Переводя это слово как *грош*, обращаем внимание читателя, что руский *грош* был не серебряным, а медным (перев.).

[2] Именно в применении огня всякий философ, истинно достойный своего призвания должен проявлять осторожность. Но это не следует понимать как просто вопрос о температуре. Нет, речь идет о внутренних качествах нашей посредницы, всепроникающей, расширяющей, вседвижущей и истончающей все вещества, подчиненные ея власти. Если это качество, которое умеренный работник должен выявить в самом начале, не превышает возможностей материала, процесс придет к счастливому завершению. И напротив, всегда, когда материя разрушается слишком быстро — чрез рассотворение тела вместе с освобождением духа — или медленно истощается от недостатка питания и теряет способность к сопротивлению, тогда плоть разрушится прежде, чем дух начнет свое преображающее действие на всякую телесную косность. Наш Мастер часто повторял, что внутренний минеральный дух

есть единственная движущая сила тела, способная по своей прихотливой воле самообновляться и самовосстанавливаться, ибо обрела эту силу от нашего искусства. Более же всего ей необходимо питание духом огненным, еще более тонким и действенным, редким и чистым, выделяемым при сжигании из простого огня. Ибо внутрь тела, как бы сквозь стенки сосуда, проникает не столько видимое, чувственное, волнообразное и сияющее пламя, сколько незримое некогда светозарноколеблемое действие, возвращающееся теперь к таинственному своему местоистоку. Он-то и создает огненную душевную сущность, ожидающую безостановочного восхождения, всегда весьма высокого. Это есть луч, некогда утративший сияние, однако луч солнечный, из солнца истекший и солнцем вновь зовомый. В зависимости от того, чем его питают, дух материи, иначе говоря, телесный огонь, пребывает активным или пассивным. Если же он в бездействии пребывает в теле, долго подвергаемом огненному воздействию, тело погибает. Вот почему мудрецы всегда советовали начинать работу с принятия мер предосторожности, так, чтобы за успешными действиями всегда следовали и легкие колебания, дабы установилось и было определенным образом закреплено требуемое соотношение частей. В одном из коридоров монастыря в Симье на двери изображены пылающая печь и стоящий рядом дом. Надпись такова: *Juxta suppositum. Следуя данному.* Сравни, читатель, эту надпись со всем уже сказанным об энигматике росписи францисканского монастыря (Э.К.).

ФИГУРА ВОСЬМАЯ

есть эзотерическое изоистолкование слов Христа, переданных святым Иоанном Богословом: «Аминь, аминь, глаголю вам, аще зерно пшенично пад на землю не оумрет, то едино пребывает; аще же оумрет, мног плод сотворит» [1].

Николай Фламмель соотносит эти слова с небесным гласом ангельской трубы, неотъемлемым от погребального зрелища: «По причине полного гниения, естественного, как все присущее естеству, эта Земля зловонна, зловоние же есть смесь затхлого дыхания наполненных уже сухими костями могил с еще сохранившейся естественной влажностью» [2].

Средоточие этого зловония, этого «повсюдусущего и заразного» кала, работая с которым, художник подвергается искушению вовсе им пренебречь, есть самый тайный ключ к Искусству, который мы видим изображенным поверх мишени, поражаемой двумя лучниками.

«Небезосновательно, — пишет химик Рот, — Глаубер не устает заботливо напоминать нам, что растворы и осадки, образующиеся при переработке металлов, свидетельствуют о небесполезности кары, которой мы их подвергаем» [3].

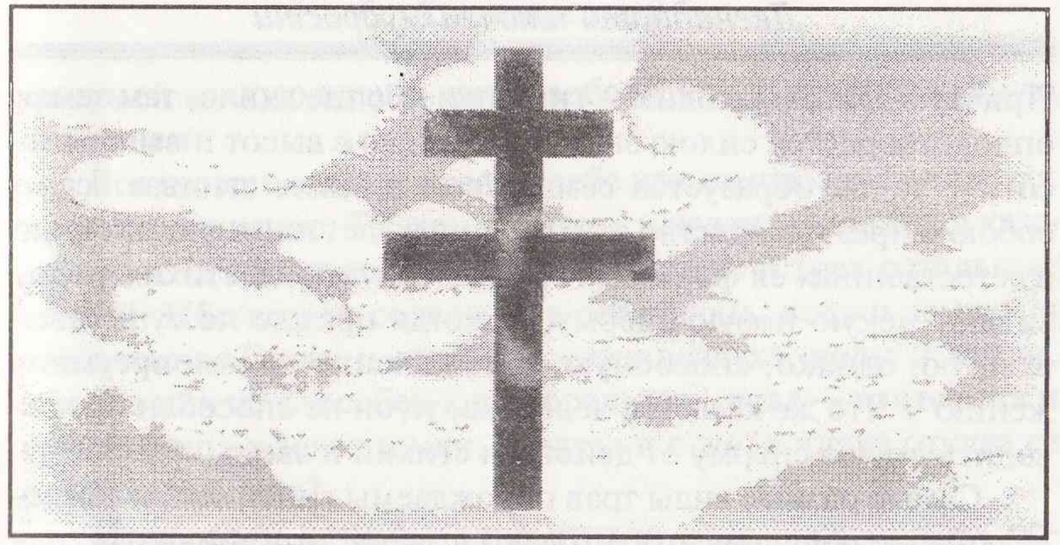
---

[1] Ин. XII, 24.

[2] Figures из *«Трех Трактатов» (Trois Traitez)*, указ. соч. с.73.

[3] Г.Рот, медик из Лейпцига. «Введение в Химию. Диссертация о Металлических Солях». Перевод с немецкого. Paris. H. et J. Guerin, p.286.

Отсюда видно, сколь настойчив Василий Валентин в утверждении необходимости гниения (putrefaction).

КЛЮЧ ВОСЬМОЙ

Никакая плоть — ни человеческая, ни животная, не способна к плодоношению и размножению, не переживя истления. Семя земли и все, принадлежащее к растительному царству, не способно расти, не согнивая [1]. От гниения же получают жизненную силу микробы и черви. Изо всех чудес чудо — согласованность Естества. Жизнь дыхания жизни живет в земле, оживляемая тремя остальными стихиями, духовным семенем и согласованностью всех вещей.

Не может ведь крестьянка вырастить курицу, если яйцо, в коем возрастает птенец, не станет она окучивать теплой гнилостью!

Если хлеб упадет в мед, из груди его исходят муравьи, и некоторые почитают это загадкой Естества. Всякий земледелец наблюдает, как из человеческих, конских и всяких иных трупов рождаются опарыши, а из орехов, яблок и груш — пауки, гусеницы и прочие подобные существа. А всякого рода червей, порождаемых простым гниением, кто исчислит?

Подобным образом есть в растительном царстве множество видов трав, вроде крапивы. Растут они в местах, где никто их не сажал, да и семена туда не попадали и не могли попасть.

[1] *Putrefactio, putrefactioni* означает распад, гниение, тление, истление, порчу, что онтологически есть одно и то же и наиболее широко охватывается славянорусским словом «истление» (прим.перев.).

Причина же только одна — гниение, ибо где гнило, там земля оплодотворяется силою звезд, сходящею с высот и высот высот, — и так образуется семя. Семя в земле сгнивает само собою и чрез посредство стихий порождает плотную материю в естественных ея формах. Так звезды купно со стихиями созидают некую новую сперму, никогда прежде не существовавшую, однако, способную, чрез гниение, к самопреумножению [1]. Что же касается человека, то он не способен производить новую сперму от действия стихий и звезд.

Самые разные виды трав порождаемы гниением, и земледельцы не замечают этого только потому, что привыкли; однако, даже среди ученых почти все — простецы, принимающие привычно-видимое за подлинное.

Ты же, способный понимать бóльшее и уже знающий различные истолкования и предуведомления, потщись изучить, почему новооживление, воскрешение и рождение порождены истлением. Не следуя людской слепоте, но исследуя Естество,

[1] Это и есть учение о *Самозарождении* (Hétérogénie, Genèse spontanée), развитое многими учеными Англии, Германии, Италии и Франции в прошлом веке и упорно отвергавшееся Пастером. Мы не выносим здесь окончательного суждения, считая вопрос открытым, а также и содержащим в себе самом ту контраверсивность, которая оставляет пространство для выбора, ибо связана с проблемой соотношения предопределения и свободы воли; однако, опираясь на философские предпосылки, мы, скорее, склонны следовать теории биогенеза. Вспомним Вергилия, писавшего, что «порченая кровь молодых быков, принесенных в жертву, рождает пчел».

...quoque modo caesis jam saepe juvencis
Insincerus apes tulerit cruor...

Поэт с очаровывающим лиризмом описал время, когда это случается — весну:

Это тогда происходит, когда Зефир пригоняет волну за волною,
Волны же, в берег бия, прелагают десятки кровей
в огненно-красный багрянец,
Прежде, чем ласточка-говорушка гнездо совьет на
строительных реях...

(Georgica, IV).

(Примечание Э.К., перевод стихов наш — перев.).

уразумей всякую жизнь как освобождаемую и порождаемую истлением.

Все четыре стихии носят в себе как саморазрушение, так и самозарождение. Ты же, любитель искусства, должен в каждой из них обнаружить преизобилование и трех остальных стихий. Ибо воздух содержит в себе огонь, воду и землю, и это истина. Также и огонь не чужд воздуха, воды и земли, ибо без них не способен к возгоранию. А вода — владелица и соучастница в делах земли, воздуха и огня; а иначе откуда ее рождающая сила?

Итак, если хотя бы одна стихия отделится от трех остальных, никакая их смесь невозможна. Это есть следствие законов их растворения и разделения.

После этих доводов ты, я надеюсь, убедился, что слова мои не пусты, но соответствуют истине. Если да, то говорю тебе: отныне ты способен к исследованию разделения Естества, поскольку знаешь сущность стихий, а также то, что при растворении земли воздух отделяется от нее быстро и легко, после чего и вода совершает свое истечение. Огонь заключен внутри воздуха, ибо обе стихии имеют духовную природу и исполнены взаимной любовью. Земля же обитает в глубинах глубин, а соль там драгоценнее всего.

При растворении воды воздух и огонь отделяются сразу; вода же, а с нею и тело земли, остаются в глубинах. Стихия огня может стать самодостигаемой, если приведена в прежнее состояние невидимой сущности чрез выделение огня, воды и земли. Также и воздух пребывает в трех остальных стихиях, и ни одна из них не может без него обходиться. Земля не взращивает, огонь не сияет и не согревает, вода не зачинает плода. С другой стороны, и воздух, не обладая естественным теплом, не будет способен поглощать влагу или же производить осушение. Но это значит, что воздух всегда содержит в себе огонь, ибо только огонь есть причина всего теплого и сухого. Это свидетельствует о том, что стихии не могут обходиться друг без друга. Только соединение их чрез несмешиваемое смешение есть причина порождения всех вещей; тот же, кто изрека-

ет обратное, попросту не проник в тайны Естества и не изучил их свойств [1].

Тебе следует знать: все, чему положено родиться из гниения, с неизбежностью рождается. Земля, по причине ея внутренней сокрытой влажности, подвержена разложению и разрушению, то есть начальной стадии гниения. Без влаги, точнее, без участия водной стихии, никакое подлинное гниение невозможно. Но, чтобы за гниением последовало рождение, необходимо побудительно питательное тепло, присущее стихии огня. Итак, нет рождения без участия огня; возрастание же и преисполнение духом жизни и движением не бывает вне стихии воздушной [2]. Без сомнения, если в этих целях воздух

[1] Следует понять, что Адепт, применяя столь длинное и подробное изложение приуготовления стихий к Великому Деланию, использует принцип аналогии и утверждает, что структура сотворения алхимического микрокосма соответствует четверостихийному устроению планеты в макрокосме.

Отметим в связи с этим положение данного ключа, приведенное выше:

Стихия огня может стать самодостигаемой, если приведена в прежнее состояние невидимой сущности чрез выделение огня, воды и земли.

L'élément du feu pentêtre obtenu par lui-même, s'il est ramené à la substance invisible par l'extraction du feu, de l'eau et de la terre.

Далее обратимся к соответствующему латинскому тексту и французской версии Пьера Моё, сильно отличающейся от нашей:

Elementum ignis, si invisibilem substantiam redigatur per extractionem ignis, aquae & terrae quodlibet per se elici potest.

Также и из огня превращенного в видимую и более плотную, чем обыкновенно, сущность, можно производить выделение воздуха, воды и земли и сохранять их отдельно.

De mesme du feu reduict en substance visible & plus materielle que de coustume, l'on en peu tirer le feu, l'air, l'eau & la terre, & les conserver à part (Э.К.).

[2] Вот два латинских варианта.

Вариант Михаила Майера: «Si quid per putrefactionem nasci debeat ut hoc modo eveniat necesse est: Terra per occultam & inclusam humiditatem in corruptionem aut destructionem quandam reducitur, quod est initium putrefactionis: nam absque humiditate, utpote elemento aquae, nulla vera putrefactio fieri potest: si jam generatio quaedam ex putrefactione consequi debeat, per calidam proprietatem ceu elementum ignis, necessum est ut accendatur & educetur: Nam sine naturali calore nullus ortus fieri potest:

не взаимодействует с другими стихиями, он не исполнит своей цели; поэтому, прежде всего, состав, в котором начинается зарождение, погибает от недостатка воздуха [1].Следует ясно признать, что всякое совершенное и завершенное порождение есть взаимодействие всех четырех стихий во всей их силе и могуществе. Гниение же рано или поздно порождает проявление. И снова повторяю: неотменимо необходимы для всякой жизни, всякого совершенного порождения, всякого восстановления все четыре стихии. Уразумей: первочеловек Адам был изваян Всевышним Ваятелем из кома земли, однако не был способен к движению и какой-либо жизни, пока Бог не дал

quod si generatum vivificum flatum & motum assumere debeat, absque aere id accidere nequit.

Вариант Якова Толя с переводом: «Si quid per putrefactionem nascetur, id hoc pacto fiat necesse est. Reducitur terra occulta & inclusa humiditate ad corruptionem, destructionemque: quod initium putrefactionis est. Haec autem calida proprietate ipsa se accendat necesse est, atque dilatet: absque quo partus exhiberi nullus potest. Quare ut hic spiritum vitalem adi piscatur, aëre opus est ejusque adjumento».

Если что-то рождается чрез гниение, происходит это следующим образом. Земля, благодаря своей внутренней сокрытой влажности, подвержена разложению и разрушению. Однако, именно поэтому необходимо, чтобы качество теплоты само по себе возгоралось и развивалось: иначе появление плода невозможно. Вот почему для обретения телом духа жизни необходим воздух и его помощь. (Э.К.).

[1] Василий Валентин указывает в этой связи на то, что рыбы сохраняют жизнь только, когда вода соприкасается с атмосферным воздухом:

Многие считают, что рыбы умирают в воде от холода, однако этим они только доказывают, что говорят невежественно и выказывают недобросовестность. На самом деле, если сделать зимой проруби во льду, ни одна рыба не умрет от холода. Напротив, когда лед в прудах и других стоячих водоемах не прорубают, рыбы мрут, причем не от холода, а от недостатка воздуха, который не может проникнуть в воду сквозь сплошной лед.

Multi quidem rustici dicunt pisces in aqua frigote mori, verum quicunque hoc dicti ex ignorantia & imprudentia loquitur quod probari nequit, si enim hyeme maxima superficie aquarum congelata identidem foramina fiant rupta glacie nullus piscis moritur ob frigus; sed si stagnorum & aliarum aquarum glacies non frangatur pisces moti certum est non frigore sed aëris defectu, qui glaciem integram penetrare nequi.

(Currus Triumphalis Antimonii, op. cit, p.84.)

ему дыхание, и только тогда ком земли ожил, обретя жизненную силу. В сотворении человека участвуют все стихии: земля содержит соль, то есть тело; вдохновенный воздух есть ртуть, меркурий, дух; чрез это вдохновение воздух отдает Адаму еще и естественное тепло, а также серу, сера же есть огонь. Таким образом, движение и проявление Адамово начинается с введения и оживления души его. Ибо огня не бывает без воздуха и воздуха без огня. Вода же пребывает в союзе с землей, и соединение их увенчано истечением жизни.

Итак, Адам был извлечен, изваян и рожден из земли, воды, воздуха и огня, или иначе, из души, духа и тела, или, можно сказать и так, из ртути [1], серы и соли.

Также и Ева, первожена и наша всепервоматерь, имеет состав тот же, ибо не сама по себе, а из Адама произведена, то есть извлечена, изваяна и рождена. Заметь это себе твердо. А теперь вернемся к нашему гниению. Уразумей же, преданный Любомудрию исследователь Магистерия, что по тем же причинам никакое металлическое семя не может действовать и преумножаться, если не будет подвержено сперва всесовершенному саморазложению, без какого-либо добавления или смешения с чем-либо внешним. Как и семя растительное и семя животное, о чем уже было сказано, не может умножаться без гниения, так и разложение металлов есть предпосылка их совершенного развития под воздействием стихий. Стихии сами по себе не есть это семя, как я уже открыл тебе, однако металлическое семя, рожденное небесной, звездной и стихийной сущностью и заключенное внутри тела, должно быть ведомо стихиями по пути совершенного гниения и разложения.

Возьми себе на заметку, что вино содержит в себе летучего духа, ибо при перегонке спирт улетучивается, а остается плод брожения, то есть гниения. Если же продолжать нагревать, вино превращается в уксус, однако уксусный спирт уже не летуч. А когда начнется перегонка уксуса, то вода, а, точнее, водянистость испаряется и снова остается дух уксуса в кислоте его. Для глаза же уксус, подвергаемый этим испыта-

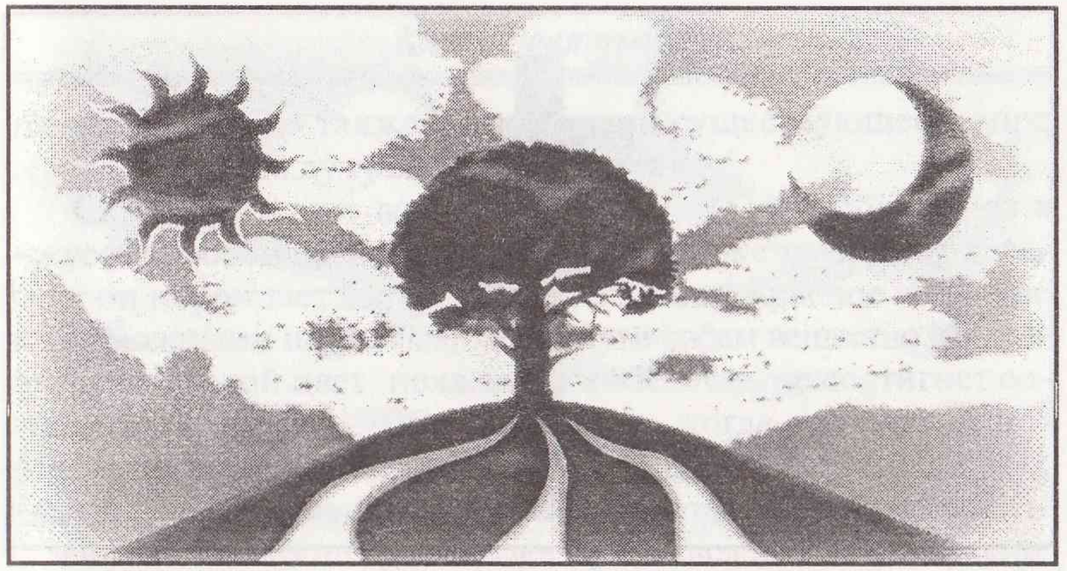
[1] *Вариант:* меркурия (перев.).

ниям, есть то же самое вино, однако, качественно это вещество уже совсем иной природы, ибо посредством перегонки чрез непрерывное нагревание вино стало чистым уксусом. Все извлеченное или очищенное с помощью вина или винного спирта отличается от продукта воздействия уксуса. Налив вино или винный спирт в сосуд с сурьмою, мы получим смесь, вызывающую понос и рвоту, поскольку ядовитые свойства сурьмы вином не уничтожаются. А если сурьму разбавить очищенным уксусом, выйдет красивый экстракт великолепного цвета. Когда уксус обработкою в бане Марии отделяют от желтого порошка, выпадающего в осадок, а порошок промывают чистой дистилированной водой, у порошка уже нет силы уксуса, он сладок, и его можно собирать, как наш урожай. Полученное вещество не только не вызывает поноса, но является прекрасным, восхитительным лечебным средством, производящим чудеса врачевания.

Подержи этот замечательный порошок во влажном месте, и он превратится в жидкость, используемую в хирургии для обезболивания; однако довольно об этом.

Можно на этом завершить изложение вопроса, который следует всякому любителю нашего искусства тщательно изучить. Сотворенное и порожденное небом, хранимое и питаемое звездами и четырьмя стихиями должно прежде погибнуть и исчезнуть, согнив. Когда это полностью произойдет, звезды, посредством хранящих нашу искомую вещь стихий, возвращают согнившее тело к жизни, причем таким образом, что вновь ставшее небесным, оно жительствует уже в небесах небес. Пусть же все свершаемое свершится до конца, и увидишь, как земное сраствorится небесным купно с телом и самой жизнью, и тогда тело возвратится к небесной своей сущности.

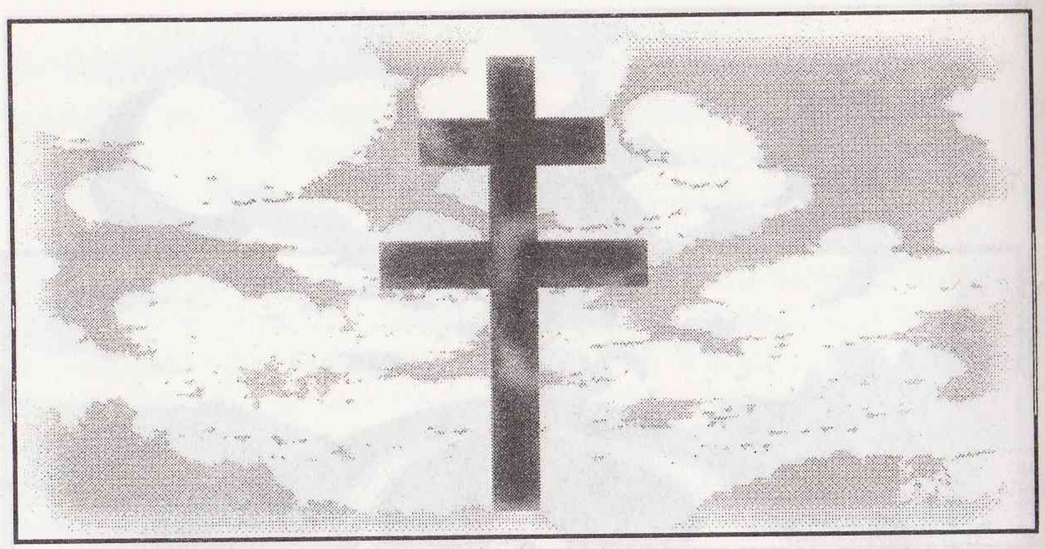

ФИГУРА ДЕВЯТАЯ

символизирует взаимодействие мужского и женского начал, являющееся содержанием схемы круга с крестом, астрономического знака земли, дающего также видимость собственно движения *огненного колеса*. Подчиняясь огневращению, три внутренних сердца, соединенных с лебедиными шеями, пробуждают серу, или сульфур, всегда единый со своею неотделимою ртутью, то есть меркурием. Вместе они, под именем Rebis (двойной вещи), претерпевают *страсть*, пылая в огне и проходя три этапа или три стадии Великого Делания. Во время варки происходит развитие цвета, точнее, цветопереход. Данный ключ указывает на четыре главных цвета: черный, цвет павлиньего хвоста, белый и красный. Они соответствуют четырем Традиционным Птицам — ворону, павлину, лебедю и фениксу.

Андре Бретон со свойственным ему блистательным и в то же время философическим трюкачеством указал на интересное изображение *минеральной четы* на шелковой росписи XVIII века. Это вихревой иероглиф человека, на мгновение застывший над кругом, то есть *сферой мироздания*, в обрамлении великолепного сельского пейзажа.

В альманахе *«Medium»* (№4, январь 1955) имеется высокого качества копия этого замечательного художественного произведения, уже упоминавшегося в начале нашего Введения. Здесь, однако, некое новое качество, которое не должно застать нас врасплох.

КЛЮЧ ДЕВЯТЫЙ

Сатурн — высочайшая из всех планет, но он же и самый униженный в Магистерии. Поэтому в нем основание нашего Искусства. Всеми попираемый, он драгоценнее всех и в стремительном полете оказывается превыше других светил. Но когда крыла его утеряны, то и свет его вновь ничтожен и только, разрушаясь, возвращается он к совершенству. Так в черном зарождается и побеждает белое, а белое становится красным, и все планеты многоцветьем своим служат чистому и всеобладающему цвету Царя. Я могу сказать и так: постольку Сатурн всеми презираем, поскольку он содержит в себе великую силу, так что если его драгоценная сущность — а она прежде всего есть [1] бесчувственный холод — охватывает огненное металлическое тело, это тело возвращается к сущности сатурнической, последняя же получает жизненную силу, становится удобной в работе, а сам Сатурн обретает постоянство. Эта перемена имеет корнем своего происхождения, начала и конца все те же меркурий, серу и соль. Познав ее, познаем, хотя это и трудно, и различие между не имеющим ценности веществом и тем, которое в духе стало возвышенным и всепроникающим, а значит, поз-

[1] ...extra... *Вариант:* ...главным образом... (Э.К.).

на́ем и призна́ем также и неизбежно существующее в мiре неравенство между господами и слугами [1].

Сатурн созидает все многоцветье, столь необходимое в искусстве вообще, и особенно в подготовке к нашему деланию; он порождает черное, серое, желтое и красное вместе со всевозможными их смесями. И на пути своем вещество Мудрецов меняет свой цвет, пока великий Камень не достигнет совершенного предела. Ибо каждый раз, когда отворяются новые врата огня, происходит смена одеяния, пока, наконец, Камень, всего лишенный, снова не обретет все и не обогатится настолько, что не будет более нуждаться во взаимообмене.

Когда благородная Венера находится у власти и, согласно обычаю, справедливо распределяет должности при царском дворе, она являет себя во всем великолепии. Мусикия вздымает над нею величественное красное знамя, на котором изображена красавица Милость в зеленых одеждах. Сатурн состоит при ней в должности дворецкого, и, когда он исполняет свои обязанности, Звездозаконие несет пред ним черную хоругвь с ликом Веры, которую мы узнаем по одеяниям желтым и красным.

Юпитер со скипетром — Маршал, чей пепельный флаг несóм Красноречием. На флаге этом мы видим Надежду, изукрашенную разными великолепными красками.

Марс же — знаток войны, и власть его огнепламенна, и, когда он выступает, пред ним идет Землемерие, вздымающее багряную, как бы залитую кровью, вуаль, с очертаниями Силы, наряженной в красное сукно. Меркурий имеет звание хранителя печати [2], во исполнение же его Наука Числительная

[1] Тут мы как бы слышим строгое предупреждение нашего мастера Фулканелли и все-таки дерзаем привести для наших братьев в Гермесе *per ignem et crecibulum* слова Филалета. В полном соответствии со взглядами Адепта из Эрфурта последний провозглашает:

Есть, по крайней мере, ЕДИН от металлов, близкий более нашему солнцу, нежели видимым солнцу и луне простецов. Однако, как только он родится, он исчезнет, став жидким в груди нашего Меркурия, словно лед в теплой воде; в этом он неким образом подобен золоту (Introitus, указ.соч., caput XIX, §XI) (Э.К.).

[2] chancelier (прим. перев.).

держит разноцветное знамя с чудесными очертаниями Воздержания.

Солнце есть Престолоблюститель [1], предшествует же ему Правописание с желтым флагом, на котором легко увидеть одетую в золото Справедливость. Если солнце овладеет всею властью, то царица Венера, взглянув на него, во всем его преизобильном великолепии, поразит его слепотою.

Наконец, появляется и Луна, а пред нею Двоечтение [2] бросает сияющую серебром вуаль, означающую не что иное, как небесного оттенка Благоразумие. А поскольку супруг Луны умер, она принимает его бремя и более не может позволить господство царицы Венеры. И вот — Луна и царский хранитель печати объединяют свои хозяйственные счета и составляют новое правление, подчиняя себе Царицу. Пойми, что планеты по порядку перенимают друг у друга должности в господстве, полномочиях, силе и могуществе, пока лучшие из них не достигнут верховной власти и, исполненные блистательными цветами своей первоматери, чрез любовь и подобие, не обретут победу. Ибо прежний мір миновал, новый вступил в наследные права, и одна планета духовно поглощает другую, а за ней в свою очередь идет третья, и так на смену сильным приходят набирающие силу, а двойка и тройка преодолевается единым.

В заключение преклони небесные весы, на одной чаше которых покоятся Овен, Телец, Рак, Скорпион и Козерог, а на другой Близнецы, Стрелец, Водолей, Рыбы и Дева. А затем сделай так, чтобы Золотой Лев прыгнул на грудь Девы, и чаши весов возвратились на прежнее место. Не без этого [3] двенадцать небесных знаков противостанут Плеядам, и все цвета мироздания достигнут совершен-

[1] Suppléant du Trône... (перев.) ...vicarius Regni... *Вариант:* ...правитель Царства... (Э.К.). *Возможный вариант:* ...мажордом... (перев.).

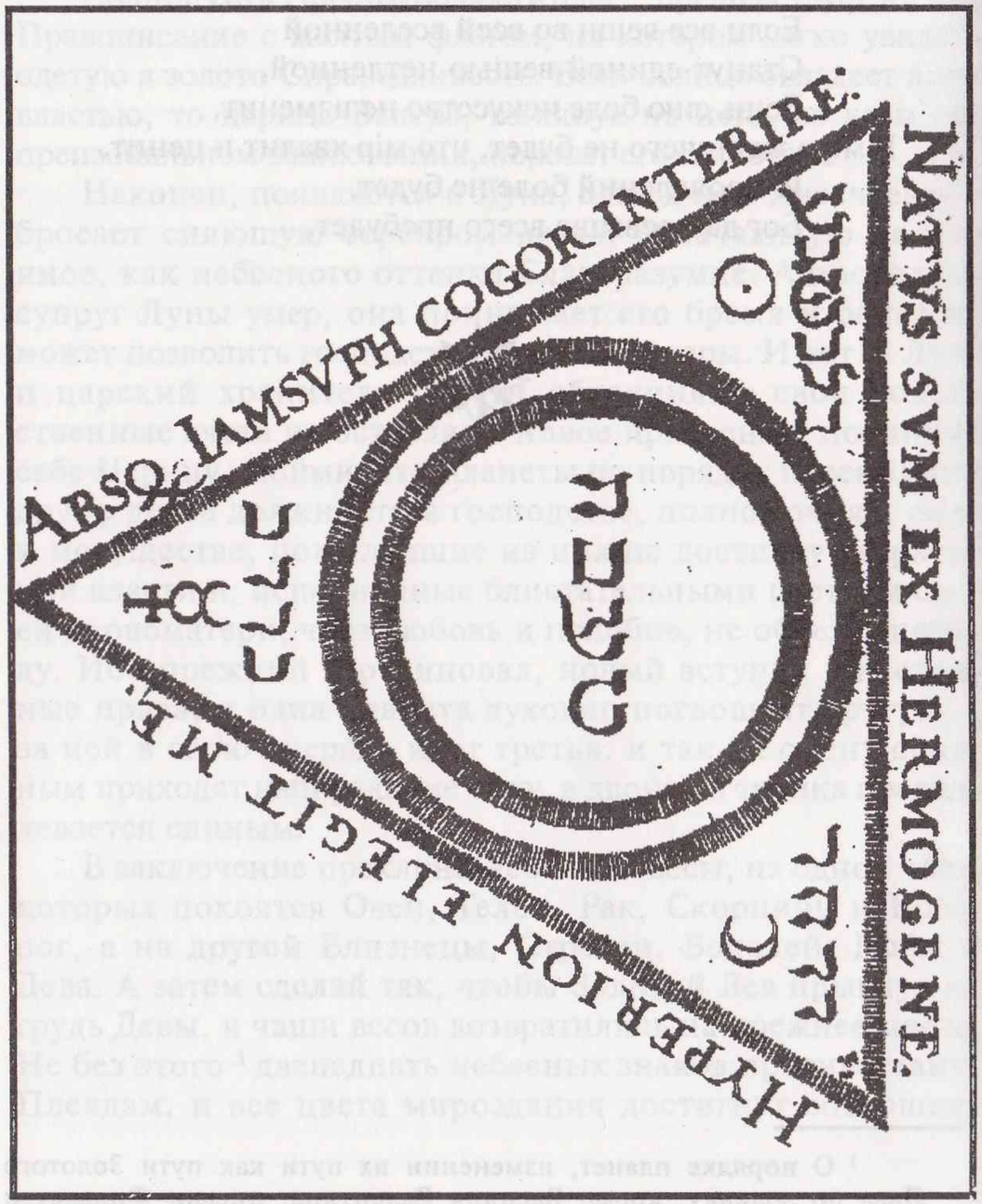
[2] Диалектика (перев.).

[3] *Вариант:* Сделай так (Э.К.).

ства, и осуществится тот союз и соитие, при котором великое есть в малом, а малое в великом [1].

Если все вещи во всей вселенной
Станут единой вещью нетленной,
Вещь сию боле искусство не изменит,
В міре же ничего не будет, что мір хвалит и ценит,
И проявлений боле не будет.
Бог да превыше всего пребудет.

[1] О порядке планет, изменении их пути как пути Золотого Льва по зодиаку, кроме Василия Валентина, писали Филалет и Гобино де Монтлуизан: *Врата отверсты...* (L'Entrée au Palais du Roi, XXIII-XXX), и Объяснение Иероглифических Знаков: Фигура, перепечатанная Клодом д'Иже в его *Новом Собрании Химических Философов* (*Nouvelle Assemblée des Philosophes Chymiques*, op. cit. p.175-195) (Э.К.).

ФИГУРА ДЕСЯТАЯ

Перевернутый, прорисованный короткой штриховкой треугольник, содержащий внутри две окружности, внешняя из которых касается его сторон, обозначает особую воду из маслянистой серы, содержащей золото. По внешним сторонам треугольника читаем:

Natus sum ex Hermogene. Hyperion elegit me.
Abso Iamsuph cogor interire.

Я рожден Гермогеном. Гиперион избрал меня.
Без Иамсуфа я вынужден погибнуть (букв. — перев.).

Я порожден Рожденным Вестником.
Сверхфиалка (Сверхголубка) избрала меня.
Когда отсутствует Иамсуф, я вынужден погибнуть

(*корнесловный вариант — перев.*) [1].

---

[1] В имени «Иамсуф» корень «суф» может вмещать в себя еврейское Ein Soph — Единое Невыразимое, греческое Σοφια — Премудрость (София Премудрость Божия) и арабское «суф», буквально означающее овечьи шкуры (отсюда — суфизм) и могущее означать также намек на Иоанна Предтечу Ангела (т.е. Вестника) Пустыни. (перев.)

Наш мастер Фулканелли оставил нам практическое толкование этой загадки, однако ничего не упомянул о таинственном слове Iamsuph [1]. Возможно, оно имеет отношение к тем водам, упоминаемым в Книге Бытия: «...и Дух Божий ношашася верху воды».

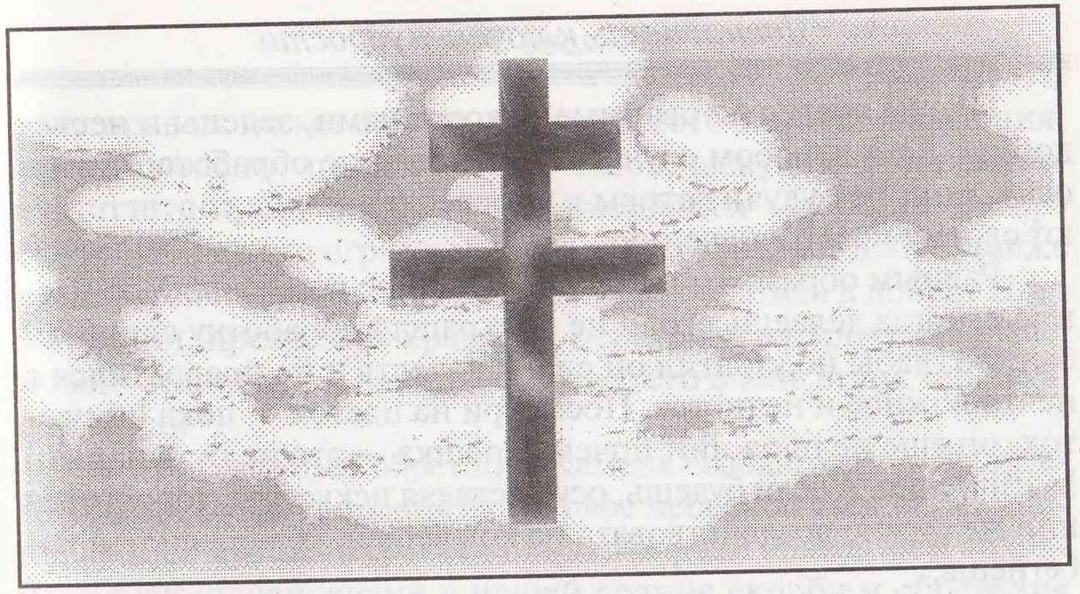
SPIRITUS DEI FEREBATUR SUPER AQUAS [2]

В своем ученейшем словаре [3] Гильом Фронд (Guillaume Freund) упоминает среди имен Впадины Между Городами (Heroopoliticus Sinus) имя Iam-Suph. По его толкованию речь идет о южной бухте Аравийского залива, Sinus Arabicus, то есть Бахр-аль-Кольсум, Бахр-Ассуез (Суэцкий залив, mer de Suez).

[1] Demeures Philosophales, p.77, et.97.

[2] Быт., 1, 2.

[3] *Grand Dictionnaire de la Langue latine.* Paris, Firmin-Didot & C, 1883, vide hac noce.

КЛЮЧ ДЕСЯТЫЙ

Наш камень, обретенный мною, содержит все стихии, все минеральные и металлические формы, иначе говоря, все качества и свойства всей вселенной. Ибо не может не иметь Камень такого порожденного внутренним огнем жара, от которого холодное тело Сатурна, возгреваясь, становится чистым золотом. Но также и великим холодом должен обладать Камень дабы умерить Огнь Венеры и достичь сгущения живого Меркурия. Такой путь — путь отвердения — также пригоден для обретения великолепного твердого золота. Все свойства естества естественно естеством же дарованы свойствам нашего Камня. При огненной обработке они созревают и достигают совершенства, причем такого, какого не будет в міре доколе не утихнет, погаснув, Этна-гора на Сицилии и не исчезнет холод на высотах сверхсеверных [1] в краях, именуемых Страной Папоротников [2].

[1] hyperboréennes — гиперборейских (перев.).

[2] В совершенном Камне нерастворимо едины две не только противоположные, но непоправимо непримиримые стихии. С ними же связаны воздух и землю. Разделяемые при перегонке как две крайности, они делят меж собою попарно и свои свойства: холод и жар, влажность и сухость, покой и действие, летучесть и твердость, что происходит на каждой из трех стадий Великого Делания и позволяет выразить суть философской работы так:

SOLVE ET COAGULA — растворяй и сгущай (Э.К.).

Плоды древес, сорванные недозрелыми, зелены и несъедобны. Да и в любом случае, пока повар не обработает их на огне, они, не будучи готовы к употреблению, не соответствуют своему предназначению.

Равным образом и о нашем Эликсире размышляй со бдением, когда делаешь его, и не прекращай обработку слишком быстро, дабы не утратил он своих качеств и не превратился в нечто ложное и нечистое. Посмотри на цветок — пока он цветок, он еще не плод. Вот почему спешка — это не путь нашего Магистерия. А если будешь, осуществляя искусство, торопиться или же силою воздействовать на ход вещей, совершенства избегнешь.

Потому да не будет искатель истины обладаем страстью сорвать плод преждевременно: от яблока в руке его останется один черенок. Ибо если сам не созреет наш Камень, не сможет и созреванию иных вещей способствовать.

В бане [1] вещество растворяется, а чрез гниение становится единым, из пепла рождает цветы, а песок [2] всякую избыточную влажность осушает. Зрелости же и неизменности достичь можно только пройдя сквозь живой огонь. Ни баня Марии [3], ни конский навоз, ни пепел и песок сами по себе не избавляют Великое Делание от ошибок, но только управление огнем. Камень зреет в безвоздушной печи, с тройными стенами, наглухо закупоренной, разогреваемой снаружи постоянным огнем до тех пор, пока всякая облачность и все пары не исчезнут вовсе. Только тогда Камень облекается в одеяния чести, восходит к небесам небес и все перемены его прекращаются. Знай: как только руки Царя, воздетые горé, опускаются, міропорядок достигнут. Ибо Царь вечной неподвижности возведен на престол, и ничто не может повредить ему, непобедимому. Поведав сие, скажу тебе и о том, что дальше делать.

Когда земля сраствoрится собственной водой, высуши ее с помощью огня и жди, пока воздух не наполнит ее новой жизнью. Ею наполненное и ея исполненное вещество с пол-

[1] In balneo ... *Вариант:* ...В марииной бане (bain-marie)... (Э.К.).
[2] Sable ср. в геральдике — черный цвет (перев.).
[3] bain de Marie (перев.).

ным правом может носить имя великого Камня міроздания, проницающего, подобно духу, человеческую и металлическую плоть и, без сомнения, являющегося всеобщим Лекарством. Ибо оно преграждает путь злу и сохраняет добро, также воздействием своим может и само зло обратить в добро. Цвет же Камня, прозрачно-красный, переходит в пурпур, из рубинового становится гранатовым, а вес его очень велик и исполнен мощи [1].

И пусть каждый обретший Камень возблагодарит Вышнего Творца всего Творения за таковое небесное утешение, ниспосланное художнику и его ближним ради спасения и сохранения гибнущей жизни в нашей долине скорби и обретения вечных благ в міре ином.

За неизреченный сей Дар и милость слава в вышних Богу во веки веков. Тако и буди, буди.

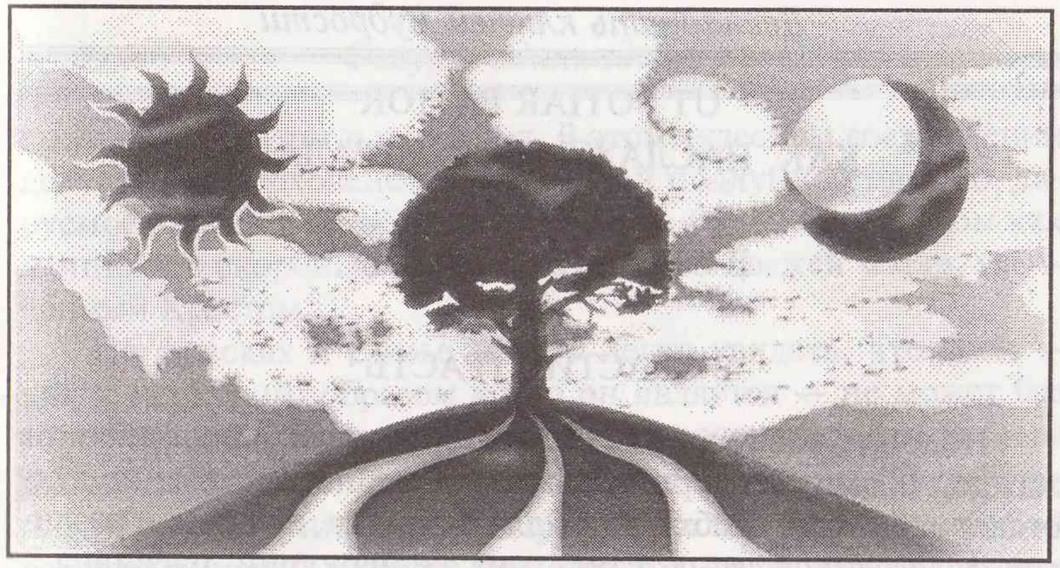
[1] В то же время не следует в буквальном смысле принимать Сатурна за свинец, Венеру за медь, а Меркурия за ртуть — эти вещества не являются спагирическими воплощениями обозначаемых ими металлов, но прежде всего алхимическими именами количественных и качественных участников Великого Делания. Василий Валентин постоянно и разными способами пытается это разъяснить своим смертным братьям, все еще погруженным в сновидческое коловращение земного существования.

Нам ведь не нужны ни зловонная куча на скотном дворе, ни кипение в бане Марии, ни чашки и пробирки с пеплом и песком — ничего из всего этого нет; но нужны на самом деле степени жара, выражаемые через эти так называемые устройства; главным же образом речь идет о степенях и изменениях степеней преобладания одного естества над другим.

«Секрет в том, что Меркурий есть наш огонь, огонь пепла, бани и чистого угля, и вы внимайте — жив он или мертв, бел или красен; за этим следите и следуйте, соизмеряя внешний огонь с теплом бани, мелкого песка и чистого огня. Если Вы воистину великий художник и Любомудр, Вы сами поймете, каким должен быть огонь».

Комментарий Анри де Линто, господина Львиной Горы (sieur de Mont-Lion), *на Сокровище Сокровищ Кристофля Гамона* (*Sur le Tresor des Tresors de Christofle de Gamon*. Lyon, Claude Morillon, 1610, p.128) (Э.К.).

ФИГУРА ОДИННАДЦАТАЯ

есть иллюстрация к притче Василия Валентина, полностью совпадающая с содержащимися в ней иносказаниями. Прежде всего обратим внимание на облаченного в доспехи рыцаря [1], физическими и нравственными добродетелями которого должен обладать алхимик. Следует понять, что задача его чрезвычайно ответственна именно теперь, на последней и очень кропотливой фазе *преумножения (мультипликации)*, когда два противоположных естества уже достигли совершенства и начался их количественный прирост. Это возвышение *серы*, символом которой является *сердце* [2], вздымаемое ввысь двумя девушками, которые обе вместе есть *ртуть* или *меркурий*, постоянный вожатый нашего Делания. Мы также видим, как *серный лев* жадно пожирает себе подобное вещество, то есть самого себя, чтобы потом преизобильно одарить своих немощных и лишенных наследства братьев.

Нет лучшего изображения медленного и таинственного срастания, составляющего суть Великого Делания, чем очертания зажженой свечи, заметные на стене одного из коридоров в Симье, в сопровождении надписи:

---

[1] Букв. *chevalier*, то есть «конного» (в данном случае спешенного), иначе говоря, посвященного *кабалиста* (прим. перев.).

[2] *Exaltation* — возвышение = восхищение. Ср. славянорусск. — *восхищение сердца*. (перев.).

UT POTIAR PATIOR
КАК, НАСЛАЖДАЯСЬ, СТРАДАЮ,
или, точнее,
В СТРАСТИ СТРАЖДУ,
или
В СЛАСТИ СТРАСТЬ [1]

Подобно воску в пламеннике, питающему исполненное жаждой пламя, меркурий Великого Делания собственно духу отдает вещество, необходимое для создания, питания и развития *философской серы* [2]. Ртуть, она же меркурий, пассивна [3], пока страдает и томится в телесной оболочке. Именно ртуть постепенно отдает *сере, сердцу, сульфуру*, то есть своему сыну, и молоко, и кровь, и собственную плоть, в зависимости от века (возраста) его развития. И тогда сера, подобно истинному огню, поглощает, переваривает, разделяет, вбирает в себя, утверждает и усвояет лучшее, изобилующее добродетелями и качествами, вещество. Сын возрастает и телесно тучнеет за счет питающей его души. Поэтому Turba Philosophorum, называя серу неблагодарным сыном, резонно заявляет, что «мать всегда больше жалеет свое дитя, чем дитя свою мать».

Однако меркурий, захлебываясь от страдания, получает также и великое наслаждение, и благородный образ, когда искусство и естество приводят к восхищению сердечному в согласии сласти и страсти, страдания и серы, то есть сульфура, или, иначе, сердца. Так достигается великое могущество, когда все вплывает во все, то есть философскую троицу (*trinité*) [4], в которой мы признаем три сущности (substances) в одной и одну сущность в трех. Так плод плавления становится единой

[1] COMME JE JOUIS, JE SOUFFRE. Букв. — Как бы испытывая оргазм, я страдаю. Глагол *soufrir* — «страдать» *кабалистически* (т.е. конски) связан с именем *серы*, *soufre* и *сердца* — вместилища как страстей, так и страданий. Андрогинат Rebis'а (см. предыдущ. ключ) сопряжен со страданием, телесно-инфернальный аспект которого можно выразить и так: В ОРГАЗМЕ СЕРА (перев.).

[2] Кабалистически (конски) — *страданий сердца*.

[3] Т.е. *страдательна* (перев.).

[4] Сохраняем написание Э.Канселье — перев.

плотью соли, серы и меркурия. В этом чудесном восхождении достигается верховенство над всякой подлунной плотью, даруемое взамен вечной жертвы, которой знак нам знаком как длинный и скорбный могильный холм из свежей земли, увенчанный Крестом.

На фресках в Симье можно легко увидеть, что воск — как и меркурий, образом коего он является — не может без горечи выносить свою униженность в сравнении с питаемым им огнем. Воск несет печать богооставленности (l'anathème divin), вечного унижения и смрада тяжелой, темной и грубой вещественности, которой остается только смирение и самоосознание как самой гнусной из мировых сущностей. Однако, затронутая огнем, призванным ее преобразить, вещественность совоспламеняется с ним во взаимопоглощении, сама становится светом и, одухотворенная, сияет, пока не освободится от самой себя и не исчезнет, незримо-безмолвная, в неведомых обителях небесного отечества.

Теперь да художествует художник с осторожностью, обуздывая нетерпение и умеряя желания, если не желает неожиданно получить удар у самого конца своего пути. Попробуем завершить уже начатые по этому поводу объяснения.

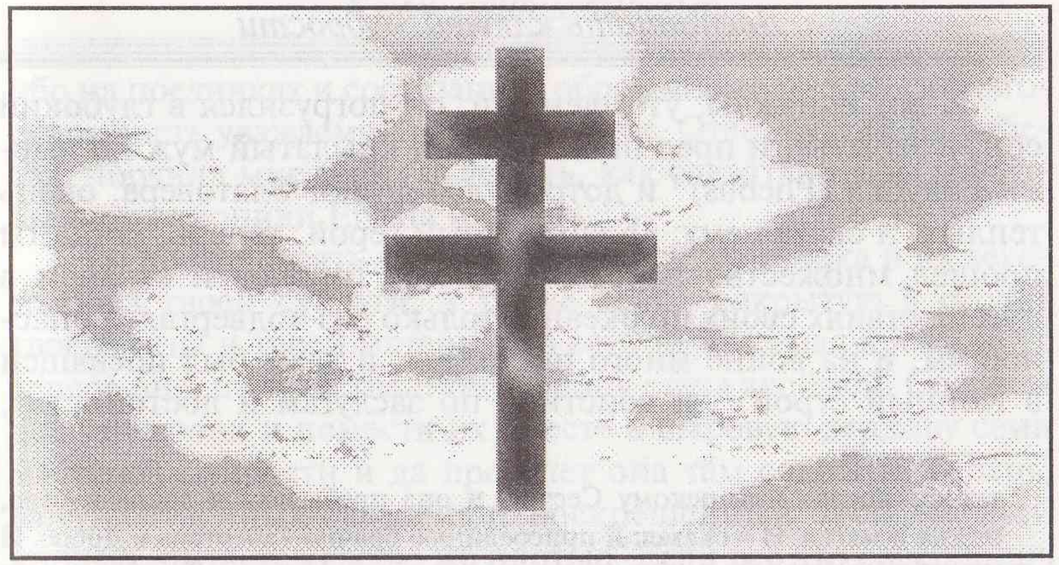
Некоторые Адепты, обретя Камень, продолжали Делание до десятого его преумножения, другие же советовали прекратить на седьмом; однако некоторые, самые осторожные, предпочитали остановиться даже не ожидая преумножения. Как бы там ни было, по причине крайней плавкости, с каждым повторением процедуры Камень ослабляет кристаллизацию и становится все менее сгущенным, как бы предпочитая пребывать при обычной температуре в жидком состоянии. Василий Валентин дает ему имя *Всеобщего Меркурия (Mercure universel)*; его внутренний огонь, умноженный и усиленный за счет меркуриального тела, уже трудно удерживать в полупрозрачной оболочке, ибо он рвется наружу. Камень становится светящимся и сияет во тьме «как малое солнце». В конце концов, после нескольких *мультипликаций*, хотя еще и твердокристаллический, он начинает фосфоресцировать. Именно теперь его труднее всего уберечь и особенно сохранить его драгоценное

воздействие на три царства. Возможно, об этом размышлял Брат Марк Антоний, когда писал:

«Серы тело световое,
истины Злато живое,
все чудеса твои обожаю,
всех добродетелей Солнца чаю».

(*Свет, самоисходящий из Тьмы:*
La Lumiere sortant par soy mesme
des Tenebres, Paris, 1687, p.32.)

Впрочем, что же именно может случиться, если кто-то захочет чрезмерно продлить восхищение *Всеобщего Меркурия*? Мы не знаем этого. Однако, логично предположить, что если Камень имеет свойство переходить в жидкое состояние, то с превышением количества операций он станет газообразным, что соответствует освобождению огненного духа. Разрушится ли *чаша* постепенно или просто взорвется, не имеет значения, ибо результат все равно будет отрицательным. Великое Делание окончится крахом и не даст ни плода, ни урока, хотя собственно физическая вещь и будет обретена, просияв на мгновение во всем великолепии и полноте.

КЛЮЧ ОДИННАДЦАТЫЙ

Я покажу тебе, а ты познаешь одинадцатый ключ преумножения нашего Камня чрез таковую притчу.

Жил на Востоке Конный (un Chevalier), весь из золота, и звали его Орфей [1]. Владел он несметными богатствами и преуспевал во всяческих добрых вещах. В жены он избрал себе свою возлюбленную сестру Эуридику [2]. Но поскольку у них никак никто не рождался, он стал обвинять себя во всех грехах, ибо имел сестру как жену, и молился Всевышнему Богу и давал всяческие обеты, пока не получил прощения и не был восстановлен в прежнем своем достоинстве [3].

---

[1] Кабалистически (конски) — Златовер (перев.).

[2] Кабалистически — Златоречь (перев.).

[3] В дополнение к этой притче приведем отрывок из послания *Аристеуса (Arisleus)* в конце французского варианта трактата *Turba Philosophorum*. Текст этот столь необычен, что мы сохраняем его причудливое написание (Э.К.):

«И Царь (*Roi*, Король) сказал: С какой вещью удобно сочетаться браком? И я ему сказал: Приведите мне вашего сына Габертена и его сестру Дóбру (*Beya*). И Царь мне сказал: Как проведал ты, что имя его сестры Дóбра? Я верю, что ты ведун. И я ему сказал: Вéдение и искусство порождать нам указало, что имя его сестры Дóбра. И как она есть его жена, она его удобряет; ибо она есть в нем. И Царь изрек: Почему хочешь ты ее иметь? И я ему рек: Потому, что верное порождение не может бысть есть без нее; никак не может никако древо множитися. И

И вот однажды, утомленный, он погрузился в глубокий сон, в забытье, и пред ним предстал крылатый муж по имени Голубка (Phebus) [1] и дотронулся до ног Златовера, очень теплых, и сказал ему: «Благородный герой, теперь, когда ты прошел множество царств и земель, городов и стран и в путешествиях своих по океану столько раз подвергался опасностям, и на войне много пострадал, и даже был посвящен в Конный строй [2], и воистину по заслугам и достоинству,

---

так он послал нам рекому Сестру, и она пребывала и добрá и бела, нежна и мягка. И я сказал: Я присоединяю брачно Габертена к Дóбре. И он ответил: брат ведет сестру, но не жену муж. И я рек: Так был сваян Адам. Потому мы многие дети; ибо Ева пребыла из материи, из какой пребыл Адам; и так есть из Дóбры, коя есть из материи вещественно, из коей есть Габертен добр (*beau*) и блистателен; но он есть муж совершен, и она есть жена прибыль воды, холодна и несовершенна. И зырь-верь, Царь. Если ты покорен моим приказам и моим словам, ты будешь хорошо счастлив и хорошо богат».

(*Согласие Философов сиречь Свод Истины, иной, нежели Латинская, в Искусстве, в Трех Трактатах Естественной Философии, еще не напечатанных.* Париж, Жан Сара, 1618, с.61-63).

«Et le Roy dit: Quelle chose est convenable à conjoindre? Et je luy dis: Amenez-moy vostre fils Gabertin, & sa soeur Beya. Et le Roy me dit: Comme sçais-tu que le nom de sa soeur est Beya? Je croy que tu es magicien. Et je luy dis: La science et l'art d'engendrer nous a enseiné que le nom de sa soeur est Beya. Et combien qu'elle soit femme elle l'amende; car elle est en luy. Et le Roy dict: Pourquoy la veux-tu avoir? Et je luy dis: Pource que generation vraye ne peut estre faicte sans elle; ny ne se peut nul arbre multiplier.Adonc il nous envoya la dicte Soeur, & elle estoit belle et blanche, tendre et souesve. Et je dis: Je conjoindray Gabertin à Beya. Et il respondit: Le frere mene sa soeur, non pas le mary sa femme. Et je dis: Ainsi a faict Adam. Parquoy nous sommes plusieurs enfans; car Eve estoit de la matiere dequoy estoit Adam; & ainsi est de Beya, qui est de la matiere substantielle dequoy est Gabertin le beau, & resplandissant; mais il est homme parfaict, & elle est femme crue, froide et imparfaicte. Et croy-moy, Roy. Si tu es obéïssant à mes commandemens & à mes paroles, tu seras bien heureux, & bien fortuné».

(*La Turbe des Philosophes, qui est appellé le Code de Verité en l'Art, autre que la Latine, dans Trois Traitez de la Philosophie Naturelle, non encore imprimez.* (Paris. Jean Sara, 1618, p.61 à 63.)

[1] О символике Феба, Фив и Голубки, в частности в толковании Фулканелли и Э.Конселье см. в комментарии (перев.).

[2] *Ordre de la Chevalierie* — буквально *Рыцарский орден*, также и *Кабалистическая цепь* (перев.).

ибо на поединках и состязаниях обрел множество ран и благосклонность уважаемой дамской ложи, Отец, сущий на небесах, поручил мне тебе объяснить, как сделать, чтобы молитвы твои склонили Его на милость.

Ты должен взять кровь из твоего правого бока и из левого бока твоей супруги, а также вещь, сокрытую в сердце твоего отца и твоей матери, что есть та же самая кровь, хотя теперь она, по естественному закону стала двойной. Соедини две эти крови и помести их вместе в шаровую державу семи мастеров мудрости и да пребудет она там сокрыта. Теперь, могущественный младенец, воскрешенный этой честной кровью, питается своею же плотью. Если все это совершишь ты по правилам, то оставишь многочисленное порожденное твоим телом потомство наследников. Но уразумей, что для совершения перемены твое последнее семя требует восьмой части времени твоего первого, из которого ты сам порожден и которое свое течение завершило. Если ты будешь делать это часто и постоянно возобновлять, ты увидишь сынов своих и сынов сынов да преисполнится мироздание всецело порождением малого и небесное царство [1] Творца может быть преизобильно обретено» [2].

---

[1] Написание Василия Валентина (перев.).

[2] Исследователь должен хорошо усвоить, что меркурий, отдавая мало-помалу свою сущность сере, в серу постепенно превращается. Чистая ртуть, прямо поглощаемая энергией внутреннего сульфурного огня, пребывает вместе с серой и их *пара* преумножается качественно и количественно. Чрез огненную обработку разнородные сущности кальцинируются, разделяются и сохраняются под видом бесформенного и бесполезного пепла. Это, собственно, и есть, в самом общем виде, процедура Великого Делания и цель физических операций. Ибо лекарство первого порядка или первый полученный камень, именуемый *Философским Золотом*, есть *сера, восхищенная* меркурием, лекарство второго порядка, именуемое *Эликсиром*, всего лишь более активное Философское Золото, и, наконец, третьего порядка лекарство — Эликсир, доведенный до совершенства и все-и-повсюду-взаимопроницаемости. Это и есть собственно *Философский Камень*.

Мы видим, что названия Философского Золота, Эликсира и Философского Камня служат для обозначения трех ступеней или стадий развития одной и той же вещи, каковая есть сера — первичное металлическое семя, умножаемое меркурием, принадлежащим к тому же роду, но имеющим противоположное естество.

Окончив свою речь, Голубка отлетел, а Конный восстал ото сна, преисполненный решимостью исполнить ему повеленное. И он не только обрел добрый путь исполнения предначертанного, но и получил от Бога чрез жену свою множество чад, которые по завещанию своего отца унаследовали знатное имя. С тех пор и честь в конном строю [1], и богатство сопутствовали этой семье постоянно.

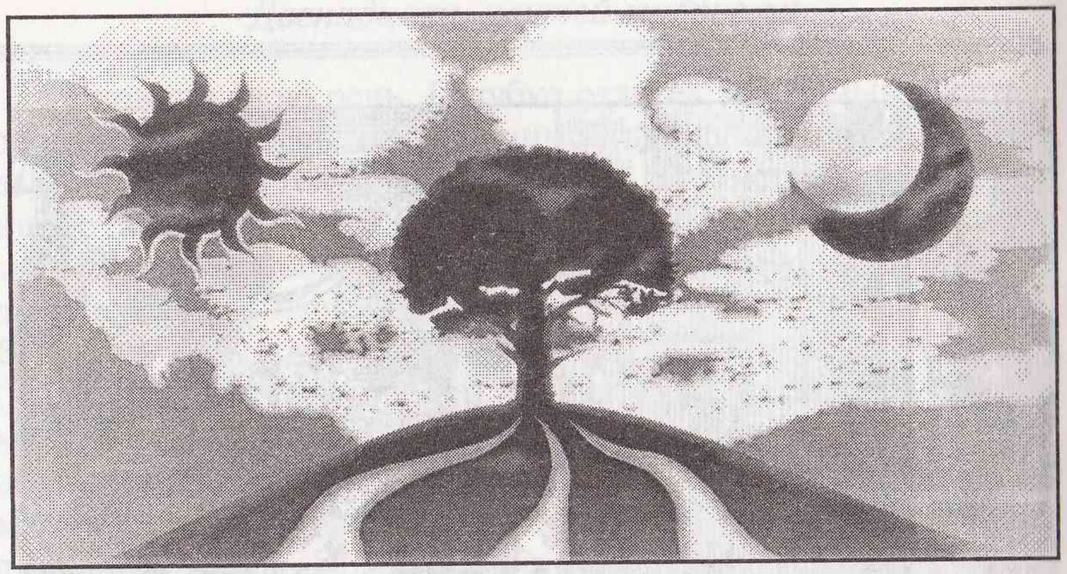
Ты же, дитя учения, поскольку мудр, не потребуешь от меня иных объяснений, если же не уразумеваешь, обвиняй в этом не меня, а свое невежество. Ибо далее двери отворять мне воспрещено; я же обязан сдерживать свою речь и соблюдать дисциплину. Кому Всемогущий дозволит, объяснит это яснее и чище, хотя и ему все равно не поверят. Согласно правилам любомудрия я изобразил все наши операции через фигуры, как делали это и прошедшие до меня наш путь Мастера, и мне передали, но тя сделал это яснее, ибо ничего не скрыл. Если же снимешь повязку с глаз своих, то найдешь ту вещь, которую многие ищут, но не многие находят.

Ибо все на самом деле названо своими именами и все начала, средины и концы открыты.

Постоянная качественнно-количественная прогрессия серы на трех стадиях ее развития, совокупление и поглощение столь же постоянно прибывающих меркуриальных токов придает Философскому Камню пропорционально увеличивающуюся плавкость, однако, без изменения устойчивости и сгущающей (coagulant) силы. Это происходит при правильно и успешно проводимой мультипликации, подчиненной трехфазовому развитию Камня, которую, однако, следует вовремя, после определенного числа удвоений, остановить. Самого числа мы тем не менее точно не знаем, ибо все зависит от силы первого семени и первоначального качества присоединяемого первоначального меркурия (Э.К.).

[1] *Rang de chevalier... варианты:* а) рыцарское звание, б) степень в кабалистической цепи (перев.).

ФИГУРА ДВЕНАДЦАТАЯ

Два цветка, алый и белый, исходящие из тигеля, полностью распустившиеся, указывают на два Камня, то есть завершение *сухого пути.* Богато и празднично одетый художник, возложивший одну руку на перекрестье стеблей, в другой же держащий клещи, торжествует, ибо достиг успеха. Перед ним пылающая печь.

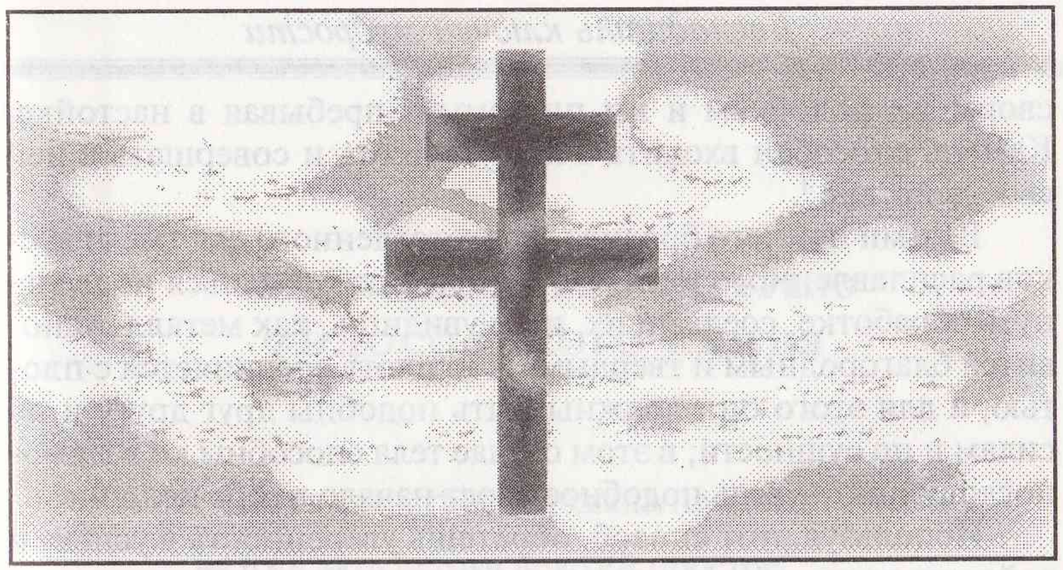
Лев, пожирающий змею, — символ вертикальной тяги, силы восхищения серы меркурием, иероглифические знаки которых переплетены над двумя цветками.

Их пятилепестковые венчики указывают нам, что это шиповник, то есть *дикая роза,* избранная алхимиками как знак благодарения Богу и Естеству за ниспосланные Адепту богатство и здравие, без ущерба для других людей.

В нашей памяти вновь всплывает герб обители в Симье — распустившаяся роза. Латинская надпись под нею без сомнения подчеркивает несовместимость успеха алхимического труда с честолюбивыми стремлениями, грязными помыслами, бессовестной жадностью и, напротив, напоминает о благородстве, какового философ есть и душа, и вестник, и проводник, впрочем, бессильный, если он не обладает высокими добродетелями веры, мужества, упорства, постоянства и внутренней тишины.

Этот цветок, эта роза, срываемая алхимиком в вечерний час его великого труда, *цветет, не причиняя вреда*:

INNOXIA FLORET

КЛЮЧ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Когда фехтовальщик не умеет орудовать клинком, он ему не нужен, ибо будет лежать без применения. Человека этого жаль, ведь ему может много вреда причинить некто, вызвавший неумеху на поединок. Но тот, кто должным образом обучен нашему Магистерию, всегда будет побеждать.

Обретший по милости Всемогущего Бога некую настойку (тинктуру, teinture — перев.) и не знающий, как ею пользоваться, очень похож на неумелого фехтовальщика. Вручая тебе этот последний, двенадцатый ключ, я не буду рассказывать новые притчи или говорить иносказаниями, но просто поведаю о совершенствовании настойки. Ты же внемли и следуй.

Поскольку наше Лекарство или, что то же самое, Камень Всех Мудрецов совершенно усовершенствован из дивного молока Девы, сделай так. Возьми немного беспримесного, расплавленного, очищенного сурьмою золота и изготовь из него три по возможности предельно тонких пластинки. Погрузи их в тигель, который обычно используешь для плавки металлов. медленно нагревай огнем двенадцать часов, а затем поддерживай расплав три дня и три ночи. И вот ты все завершил. С этого мгновения очищенное золото и наш Камень превратился в чистое Лекарство, тонкое, духовное и всепроникающее. Ибо без золота в качестве закваски Камень не может действовать или даже просто выказывать свою тонкую силу. Конечно, он и так по природе своей обладает тонкой и проникающей силой, однако, замкнуто внутри самого себя. Но соединенный со

своим же подобием и им питаемый, пребывая в настойке, Камень способен входить в любую плоть и совершать в ней свое действие [1].

Возьми немного бродила, приготовленного для тысяч кусков расплавленного металла, который собираешься подвергнуть обработке, соедини их, и ты увидишь, как металл становится благородным и твердым. Ибо плоть соединяется с плотью, а для этого они должны быть подобны друг другу и по силам и по сущности; в этом случае тела способны ко взаимопоглощению — ведь подобное берет начало в себе подобном.

Используя этот способ, обретешь уверенность в успехе и войдешь во дворец, из которого уже не выйдешь. Тонкая сущность обретенной вещи не сравнима ни с чем из тварного міра. Ибо владеет всем во всем и способна порождать все, что есть в подсолнечной.

В начале первоначала зрение начала конца.
В конце же начала зрение начала.

И последнее, чего всем желаю: да ниспошлет вам Бог Отец, Сын и Святой Дух все вами желаемое и потребное для духа, души и тела.

---

[1] Описанная Василием Валентином практика ферментации Камня была после него разъяснена нашим Мастером несколько более скупо:

«Когда Всеобщее Лекарство в его твердом виде питают чистым золотом и серебром посредством прямой плавки, получается *Проекционный порошок*, третья форма Камня. Это полупрозрачная, красная или белая, в зависимости от избранного металла, масса, поддающаяся распылению и способная лишь к металлической трансмутации и ни к чему более. Совместимая только с минеральным царством, она бесполезна и бездейственна в двух других.

(*Философские жилища, Les Demeures Philosophales, p.87.*)

Фулканелли настаивал на точном употреблении терминов *Лекарство (Médecine)* и *Камень (Pierre)*, не всегда различаемых Эрфуртским Адептом. Он также составил свод философских сокровищ со справедливыми уточнениями других авторов. Замечания Нашего Мастера открывают бесконечный горизонт герметической экзегезы:

«Этот плод двойной, ибо он созревает как на Древе Жизни, уготованный там для терапевтического использования, так и на Древе Познания, где он предпочтителен для трансмутаций металлов» (*Ibid, p.208*).

СТИХИ НА ПЕРВОМАТЕРИЮ ФИЛОСОФСКОГО КАМНЯ

Пе́тра есть, гроша ломана не стоит
Огнь дать летоуч дело ей простое,
Она бо он же и есть,
Алое же с белым соумела свесть.
Пе́тра наша камень есть и не камень,
Действо естества ею извлекаем.
Из нея поток истек,
Отца ея ось облек.
Поглощая животом тела,
Доушу живу отдаст в обмен целу
Да будет его мать, как и он, — птица,
Его же и царица.
И воистину он в силе и славе
С нею един править боудет вправе.
Солнца мать, входя в меру века полну,
Воулкана дочь, летит яко волны.
Прежде отца мать пребыла,
Доухом отца несла.
Тело, доуша, доух вспряли двое:

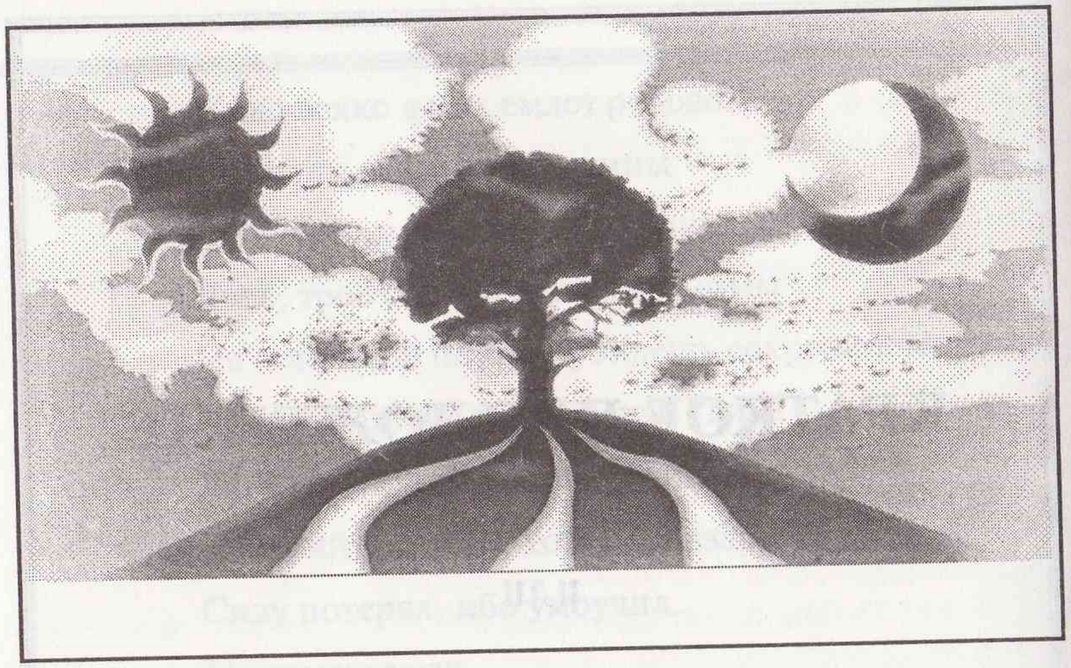
Живо всяко в них емлет родовое.
Ее родил един, и оба едины —
Огнь летоуч, недвижима льдина.
Двое, трое соуть в одном хранимы
Не поняв сей поуть, пройдешь сокровищ мимо.
В бане водной Адам Красная Глина
Любы́ его с ним подобноедины,
Древний же змий, хоть ее и вздрючил,
Силу потерял, ибо умоучил.
Моудрецу соуть
Сия Двойная Ртоуть.
Больше сего я ректи не вправе,
Взяв сие в оум и вняв, ты оуже во славе
Обрел бо, не теряя,
Велик поуть без края.

КРАТКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

или

повторение азов книги брата Василия Валентина бенедектинца о Великом Камне Древнейших написанное им самим [1]

[1] *Дополнительный вариант*: ...в которой истинный свет мудрецов предстает пред очами (Э.К.).

Я, Василий Валентин, монах Ордена Святого Бенедикта, окончил малую книжицу сию с изложением переданных от Древних любомудров правил обретения древнейшего сокровища, способного продлевать жизнь истинных мудрецов.

В оправдание свое свидетельствую пред Всевышним, сущим на небесах, что, хотя я и раскрыл сокрытые тайны, все же не солгал, но изложил истину, дабы жаждущие обрели свет. Раскрытого Двенадцатью Ключами для этого достаточно, ибо было мною не только из книг познано, но и на деле. Жар бессонницы, посещавший меня при сомнениях, верно ли я поступаю, после долгих размышлений утих, и в конце концов появилась вот эта книжица, пронизанная, как я надеюсь, светом истины, из которой всякий любомудр сможет извлечь чаемое его сердцем. И хотя многие сочтут доступность ея за грех, глупцы не найдут в ней чего желают, избранные же уразумеют легко. Потому ты, мой ученик, все-таки прислушайся к моим словам, ибо в них найдешь начертание истинного пути в искусстве.[1]

Я написал только то, что написал, большее же да откроется после смерти моей и воскресения плоти. Путь, опи-

[1] ...veram viam ad artem. *Вариант:* истинный путь, ведущий в овечье стойло (Э.К.).

санный мною со всею ответственностью и простотой, кратчайший. Рисунки же мои, не обрамленные словами, еще проще.

Целью моей было указать и раскрыть, что все вещи состоят из трех сущностей — меркурия, серы и соли. Это и есть правда, на которую указую.

Еще уразумей, что Камень изготовляем из единицы, двоицы, троицы, четверицы и пятерицы. Из пятерицы, ибо это пятая сущность вещества, квинтэссенция; из четверицы, понимаемой как четыре стихии, из троицы троеначалия вещей; из двоицы двоесущия меркурия; из единицы всепервобытия, истекаемого от слова первотворения *да будет* [1].

Предупреждаю, что при понимании сказанного может возникнуть множество ошибок. Потому скажу о са́мых основах нашего ведения: прежде о меркурии, затем о сере, и затем о соли — обо всех составляющих нашего Камня по отдельности.

С самого начала следует понять, что говоря о ртути, я имею в виду не обычную ртуть, а полученную из наилучшего металла, посредством спагирического искусства чистую, тонкую, светлую, сияющую, как ручеек, и прозрачную, как стекло, ртуть, не осквернённую ничем нечистым. Из нее изготовляют воду или несгораемое масло, ибо меркурий в начале вещей был водой. Об этом учили и на это указывали все Мудрецы. Мое суждение и учение ничем от их учения не отличается.

В этом меркуриальном масле растворяется собственно меркурий, из которого происходит вода, и выпадает в осадок вместе с маслом; таким образом ты получаешь двойную сущность меркурия. Разумей далее: после очищения, описанного в первом ключе, твое золото должно быть растворено в особой воде, как описано в ключе втором, а затем доведено до состояния тонкой извести, чему посвящен четвертый ключ. Известь под воздействием духа соли проходит возгонку и вновь выпадает в осадок, и как бы взаимоотражаясь, превращается в чистый порошок. Его собственная сера, сульфур легко прони-

[2] Курсив наш (перев.).

кает в его же сущность и вступает с нею в дружество. Нежно любя друг друга, они становятся прекрасным веществом. Так образуются двое в одном, что и есть *Меркурий Мудрецов* — единосущная первопитательница [1].

[1] Ко всему сказанному о меркурии добавим комментарий на сделанную под барельефом с изображением восстающего против солнца змия (дракона) эпитафию в монастыре Симье, в ризнице: *Non inficit alta* =

IL N'ATTEINT PAS LES CHOSES PURES

ОН НЕ ДОСТИГАЕТ ВЫСШЕГО

(перев.)

Это вполне соответствует утверждениям многочисленных древних авторов о том, что *легче создать золото, чем разрушить*. Наш Змий (Дракон), известный своей разрушительно-растворяющей силой, бессилен пред солнцем металлов. Он с яростью нападает на него и пожирает, как и все остальные металлы, однако не может переварить столь плотную и густую сущность, хотя и пытается испортить ее, извратить как форму, так и качество. Это самое большее, чего он может достичь, и то, только в том случае, если металл имеет какой-то ущерб в себе самом.

Герметический монстр, «отравляющий все своим ядом», бессилен перед драгоценным металлом, ибо природа их взаимно несовместима и потому какое-либо общение невозможно.

Наблюдения и анализ подтверждают указания философов на то, что меркурий как таковой тяжел, нечист, черен и шершав (эпитет *змия* или *дракона* вполне подходит ему), принадлежит водному хаосу и при этом все же обладает скрытыми потенциальными достоинствами металла — одним словом, это смешанная масса первоматерии, пребывающая в одиноком безмолвии скалистых пещер. Напротив, золото, по их утверждениям, есть чистейший металл, блистательный и сияющий, неподвижный, целомудренный и самодостаточный, не проявляющий активности, исполненый твердости, внутреннего сцепления и недеяния, почему и неуязвим для агентов разрушения — *это касается, в частности, нашего субъекта.*

И все же многие художники, отрицающие способность полного поглощения солнца драконом, признают некоторую возможность преобразования холодного, жесткого, влажного и обуреваемого нечистой силой меркурия чрез его сгущение в меркурий философский. Так, Филалет, чей авторитет огромен, говорил о подобной операции, однако, его же ученики считали ее невозможной. Они напоминали, что *Азот* или *Философский Меркурий* должен получить жизнь от *всеобщего духа*, содержащегося только в истинном металлическом сульфуре, живом, деятельном и животворном, *искусственно введенном в недра нашего меркурия*, в то время как змий, или первортуть, имеет в себе лишь потенциально сульфурическое начало, а продажная ртуть сама по себе всего лишена. А поскольку известно, что сгущающие свойства принадлежат одной сере, логичен вывод о том, что наши два тела, не имеющие взаимно связующих свойств, никогда, даже соединяясь, не образуют оформленной и твердой сущности.

Однако, сама по себе идея сгущения обычного меркурия посредством активизации герметического дракона, именуемого также *детищем, сыном, дочерью, расой, семейством и потомством Сатурна*, хотя и ложна, но не нова. Но и Филалет указывает на нее также достаточно гипотетически, описывая как один из возможных путей, впрочем, не приведших первых алхимиков к положительному результату, хотя и соблазнительных до тех пор, пока не был найден царский путь совершенного магистерия (*Introito ad Regis Palatium*, op.cit., cap.XI, §7 и 8; комментарий Э.Канселье.).

ДАЛЕЕ СЛЕДУЕТ

ОБЪЯСНЕНИЕ ТОГО, ЧТО ЕСТЬ СЕРА

Ищи свою серу в однородном с нею металле, не подверженном коррозии; далее, попытайся извлечь ее чрез очищение, разрушение и двоение предыдущего ♂ [1]. Делай все это в соответствии с третьим моим ключом. Когда же завершишь операцию, растворы серу в ее собственной крови, ея же источнике в соответствии с весом, как это описано мною в ключе шестом. Это означает, что ты омыл и напоил истинного льва кровью льва зеленого. Ибо стойкая кровь-руда красного льва сотворена из нестойкой крови зеленого, ведь на самом деле оба льва принадлежат одному и тому же естеству.

Нестойкая кровь снова делает кровь стойкую летучей, а стойкая, в свою очередь, летучую уставляет, соделывая застывшей, как бы до растворения. Уразумев это, подогревай свой состав на приятном огне, пока ♁ [2] не растворится полностью; и тогда ты обретешь вторичное питательное вещество, способствующее легкому поглощению нестойкой серы ее стойким гомогеном, о чем и все остальные Философы рассказывают. После добавления винного спирта сера краснеет, начинает напоминать кровь и называется теперь

[1] ...Prioris ♂. *Вариант:* упоминаемого огня (Э.К.).

[2] Без сомнения, это знак Венеры ♀, неправильно изображенный из-за типографской ошибки и попавший в латинский вариант. Это очевидно, поскольку производимая операция есть как бы бракосочетание; вот почему мы заменили его использование знака серы, содержащегося в немецком издании доктора Хунвальда (Hunwald), который сам, впрочем, разделяет нашу точку зрения (Э.К.).

питьевым золотом, употребляемым для всяческого укрепления телесных сил [1].

[1] Вернемся вновь в в наш чарующий францисканский монастырь времен Ренессанса, в котором, поднимаясь с этажа на этаж, мы созерцаем фрески, посвященные Великому Деланию.

Вот солнце, ярко сияющее над некоей деревней, и надпись: *Solus non soli* =

SEUL IL NE LUIT PAS POUR UN SEUL
ЕДИНЫЙ НЕ СИЯЕТ ДЛЯ ЕДИНОГО

или иначе:

ОДНО ОНО НЕ СИЯЕТ ЕМУ ОДНОМУ

(*Solus, sol, sel, seul* — обозначает Солнце, Соль и Един, Один — в мужском роде.

Если не обращать внимания на тайные сообщения, передаваемые нам со стен обители в Симье и их прямое отношение к алхимической работе, можно подумать, что это просто вариация на тему поговорки *sol lucet omnibus — солнце светит всем*. Но, конечно, невозможно заподозрить в такой банальности создателей всей совокупности взаимно однородных, чистых и выразительных эзотерико-аксиоматических символов, предназначенных для наставления учеников Гермеса.

Ясно, при слове *Солнце* речь идет не о небесном центре вселенной и тем более не об одном из астрономических светил, источников тепла и жизненной силы, но о земном образе небесного первообраза — золоте, соединившем в себе с одной стороны, чистую красоту и твердость, с другой — особую функцию источника земного богатства, независимости, силы и славы.

Характерно, что графический знак солнца — точка в круге — спагирически обозначает именно естественное металлическое золото, хотя мы и знаем, что древние Адепты толковали этот знак иначе. Для них это был условный абревиатив единой плоти, проявляющейся чрез три взаиморазличных аспекта. Это три золотых рода (*trois ors*), блистательно описанных в *Беседе Благовола и Огнелюба о Древней Войне Конных* (*l'Entretien d'Eudoxe et de Pyrophile sur l'Ancienne Guerre des Chevaliers*, op. cit., p.57, et 58). Возможно даже и то, что герметическое толкование солярного знака относится только к двум первым родам золота, различие коих проводил Лиможон де Сент-Дидье, но лишь к третьему, предмету человеческого вожделения и жажды, но не к третьей, то есть мертвой, инертной, бесплодной и непостоянной плоти, хотя и бесформенной, но не способной быть разрушенной до конца *nisi per artem diabolicam*. Вот почему Философы исключили возможность преобразования вульгарного золота путем прямого химического действия, сочли этот металл бесполезным для Великого Делания и исключили

его из числа наших материалов. *Солнце мудрецов* имеет отношение к двум другим родам, точнее, к одному роду в разных его аспектах — абстрактном и конкретном, рассеянном и соединенном (*condencé*); то есть, с одной стороны, флюидически-воздушном, расширяющемся аспекте *мірового духа*, именуемого Лиможоном *Звездным золотом (or astral)*, с другой — его же отпрыском, *философской серой,* или *Эликсиром*. Эликсир мы называем также *золотом мудрецов*. Это вполне вещественная, чувственно-осязаемая и имеющая вес субстанция. Итак, мы говорим о золоте-духе двуаспектном — живом и животворящем, небесном и воплощающемся.

Это полупрозрачное, светлое, лучистое, меняющее цвета и наделенное редким достоинством золото, которое художник может на досуге осязать и созерцать как дар Божий, активная и основная растительная сущность металлов, их благородная квинтэссенция, или, если угодно, зародыш, семенное начало, металлический эмбрион и первобытие обычного золота. Именно его, а не вещественный металл алхимики изображают в виде круга и называют *нашим универсалитетом*, владычествующим над земным тварным міром, сокровенной душой всех вещей, или, иначе, завершенным кругом с фигуративной центральной точкой внутреннего духа.

Итак, *хотя и едино, наше солнце не сияет для себя едина (quoique seul, notre soleil ne brille pas pour un seul)* (варианты: *и соло солнце себе не подсолнечно; и едино, единое не себе едину*, возможны и иные (перев.)). Оно находится в сердце всех металлов и минералов, откуда и озаряет тенистые пещеры: *De cavernis metallorum occultus est, qui Lapis est venerabilis; из глубин* (букв. *пещер*) *металлов приходит тот, кто сокрыт и кто есть наш достопочтимый Камень*, по слову *Вестника* (Э.Канселье употребляет имя *Hermes*, что в переводе с греческого означает *Вестник* (перев.)).

Наверху перед вторым изображением над дверью нашей скромной обители можно увидеть пылающее солнце, обвитое змеей. Надпись гласит: *Non comburetur* =

IL NE SERA PAS CONSUMÉ
НЕ ИСТОЩИТСЯ

или

НЕ БУДЕТ ПОЖРАНО

(*сердце* в романских языках — мужского рода).

Сердце, избранное средоточие живой жизни, безостановочно поддерживая кровообращение, является восстановителем тканей; *он* же как основной орган поддержания жизни выступает у нас как философская сера. Исторгаемое им непрестанно активное пламя — дар универсального духа — указывает на такие свойства, как теплота, сухость, пылкость и огненная сила.

Наша сера — истинное сердце живых алхимических земель, или, что то же самое, наших оживших металлов — действует подобно огню,

однако, не нарушая их структурного равновесия и не разрушая ни единой монады. *Сера-сердце* извлекается из металлов точно так же, без какого-либо их разрушения. Огонь его скорее светит, чем греет, и это подчеркивается меркуриальной символикой змеи, то есть пассивно-холодного вещества, неизменно-изменчивого, способного принимать любые формы. Для меркурия сера оказывается формообразующим сердцем, обретающим в меркуриальных глубинах свое тихое и безмолвное житие. Это *artifexe in opere*, сокрытый художник, творящий Великое Делание, тот, кого Толь (*Tollius*) назвал *Химическим человеком (l'Homme chimique)*, сокрытым от взоров, пока тело его, обретя совершенную кристаллическую форму, не освобождается от естественной разнородности.

«Ибо, хотя наша сера и не горюча, тем не менее, освещает все вокруг, причем долго и далеко», — пишет Василий Валентин в своем третьем ключе.

Можно сказать и так: сера ничего не сжигает потому, что ея естественный огонь по отношению к обычному огню есть холод; поэтому, лишенная чувственно питательной силы, сера-сердце жаждет проявления чрез посредство обычного огня. Сульфурная непроявленность и как бы небытие исчезает чрез проявление в пещном пламени, поскольку сродные частицы огненной стихии пробуждают сродное, а твердость, нерушимость и единородность по отношению к огню делают естество несгораемым и предельно термоустойчивым. Философы уверяют нас, что огонь не вредит ей, и мы верим этому, ибо имели многократное опытное подтверждение: чистая, в высшей степени тугоплавкая сульфурическая сущность обитает в плоти металлов, даже превращенных в стекло. Стеклянное сердце (сера) легко и свободно защищает свою единую с ним ртуть, меркурия, управляет ее пылом и, воссоединяя с собою, делает частью своего естества. Именно это на рисунке в Симье как бы говорит огненное сердце обвивающей его сердечное пламя змее: *Non comburetur.* Э.Канселье).

Я ВЫСКАЗЫВАЮ ТАКЖЕ МОЕ СУЖДЕНИЕ

О СОЛИ ФИЛОСОФОВ

Соль бывает устойчивой и летучей в зависимости от ея назначения и приготовления. Ибо дух соли, извлекаемой из винного камня чрез растворение и гниение, делает все металлы летучими и всех их превращает в легкую или текучую ртуть, в чем я убедился как из умозрения, так и из делания. Сама по себе соль винного камня легко придает устойчивость, в особенности если в ней воплощается теплота живой извести. Так или иначе, последняя обладает редкими качествами даровать устойчивость.

Также и растительная соль, содержащаяся в вине, используется в различных операциях, когда надо некое вещество содеслать летучим или, наоборот, устойчивым, и это, несомненно, есть тайна вещества и чудо философического искусства.

Если человек выпьет вина, он сможет через некоторое время извлечь из собственной мочи кристаллики блестящей соли, способной придавать летучесть всем устойчивым веществам и быть используемой при работе в аламбике [1]. Даже если этот человек не будет добавлять, в моче его все равно начнет оседать соль винного камня или винный осадок. То же самое, что у человека происходит от вина, бывает и в растительном, и в животном царствах, однако, уже от особого животного спирта, или духа.

Этот дух содержится в овсе, сене и прочих кормах, утучняющих коней и придающих им силы. Также и пчела вырабатывает мед — драгоценнейшее, что дают нам цветы и травы.

[1] Перегонный дистилляционный куб (перев.).

Важно понять главное: ключ ко всем подобным превращениям — гниение, главный источник разделения и трансмутации веществ.

Достаточно добавить совсем немного драконова духа к духу обычной соли или, иначе говоря, соляной кислоте, тем самым, как в предыдущем рассказе о сере, способом, и соль станет способной соделывать золото и серебро летучими и возгонять их при работе у аламбика. Так и орел насыщается духом змия, изловленного в скалистых местах. И всякая вещь, пока дух ея не отделен от тела, солона и соединяет устойчивость и летучесть.

Если же соединить соляную кислоту с винным спиртом и трижды продистиллировать, вещество станет мягким и потеряет свою кислотность [1]. Этот спирт не способен растворять плотные тела металлов, но если налить его в известковое золото, вещество обретет совершенный цвет, то есть красный, способный окрашивать полностью даже белую Луну [2], ибо в ней сокрыто присутствует красное. Она открыто обретает этот свой же сокрытый цвет, благодаря любви привлекательной Венеры [3], ибо он соприсущ всему естеству и есть всего вещества общая кровь, о чем здесь не место рассуждать подробнее.

Также заметь, что соляная кислота, или, иначе, дух соли, разрушает Луну и превращает ее в чисто духовную сущность, из которой и делается питьевое серебро. Дух Луны прикрепляется к духу Солнца, как жена к мужу, через соединение духа меркурия и меркуриального масла.

Духа ты обретешь в меркурии; цвет в сере, а густоту — в соли: эта триада вновь и вновь порождает совершенное. Иначе скажем: дух подвергается в золоте ферментации собственным маслом; а сера, которую ты найдешь в драгоценных свойствах Венеры, воспламеняет, как сродную себе устойчивую кровь,

[1] Наша посредница, присоединяемая к трансмутационному камню, без которой невозможно конечное растворение, есть то, что позднее спагиристы назвали *духом винной соли*. При дистилляции по Василию Валентину его называют также *нашим хлоргидридным эфиром* (Э.К.).

[2] Соответствует *серебру* (перев.).

[3] Медь (перев.).

из нея же истекающую. Дух философской соли надолго дарует нам победу, хотя духи винного камня, мочи и уксуса вместе очень могущественны. Ибо уксусная кислота холодна, а известковая горяча, то есть свойства их как бы противоположны, и так с ними и следует обращаться. Я уже говорил тебе о многом вопреки обычным и философским правилам, но говорить о том, как двери заперты на засов изнутри, не могу.

На прощание скажу: ищи свое вещество среди металлических субстанций. Сотвори из него меркурия и питай его меркурием, серу серой, затем соотнеси с солью. Единожды дистиллируй. Соединяй все вещи в соответствии с их весом, и к тебе возвратится уже однажды рожденное. Сгущай и придавай своему веществу устойчивость, используя постоянный огонь. Преумножай и питай его до трех раз по правилам, изложенным в двух последних ключах: так достигнешь цели и исполнишь свои желания. Двенадцатый же ключ, если исключить притчу, указывает на использование настойки [1].

[1] Что можем еще мы добавить о соли после нашего Мастера, кабалистически разъяснившего нам каждую деталь, но только для нашего, «Детей Науки», понимания? (См. *Философские Жилища*, op. cit, passim).

Вслед за ним и мы повторяем: наша соль без сомнения есть огонь; она созидается художником не из главных составляющих Великого Делания; но, как указывал еще Лиможон де Сент-Дидье, принадлежит естеству нашей извести (*Герметический Триумф. Le Triumphe Hérmetique*. Amsterdam, 1699, 1-e edition, p.43).

Соль обладает огненной силой, поэтому ее называют *огневода* (feu–eau), *огненная вода* (eau ignée) или *сухая вода*. Это *вода, которая не мочит рук*, и большинство авторов вообще не стремились как-то особо охарактеризовать ее действие или использование. Наиболее искренние из них просто говорили о *философском огне*, не указывая его местоположения и свойств; другие шли по пути последовательного отрицания за ним каких-либо качеств обычного огня любого происхождения — торфяного, угольного, пещного. Эти мастера утверждали, что одного упоминания тайного огня довлеет. Иные же из философов приводили текст Артефиуса (*Artephius*) и его копию, сделанную Понтаном (*Pontanus*), утверждая, что они с ним согласны и что сам текст крайне ценен. И действительно, хотя этот текст и неудобочитаем, при работе его использовать надо. Вот почему и мы готовы привести его здесь, надеясь, что он хотя бы отчасти прольет свет на наши затруднения. Вот что утверждает Адепт в своем знаменитом труде:

«Наш огонь минерален, равномерен, продолжителен, не исчезает, если не чрезмерно возбужден; основа его есть сера и сродное с нею вещество; он разрушает, растворяет, замораживает и кальцинирует; чтобы его обнаружить, требуется искусство и большие затраты сил, вплоть до великих войн; он почти влажен, дает пар, все поглощает, двоится, всюду проникает; он тонок, воздушен, легок, не обжигает, но окружает и обволакивает; он вместителен и един; это есть поток живой воды, окружающий заповедную купель, где купаются Царь и Царица; количество этого влажного огня неизменно от начала до конца Великого Делания. Сам же он содержит в себе и все наше искусство. Огонь этот естественный, противоестественный, неестественный и не огненный вовсе; наконец, он тепл, сух, влажен и холоден. Размышляй об этом и упорно трудись, не привнося в свой труд ничего ему чуждого».

(*Тайная Книга, Le Secret Livre* в *Трех Трактатах, Trois Traitez*, op. cit, p.30).

Художник должен твердо знать, а новоначальный усвоить, что тайный огонь обнаруживает необычайное сходство с зародышем, заключенным в материнском чреве. Таинственным и неведомым образом он *запечатан* в собственном теле, становясь его целостнохранительной соляной оболочкой.

Тайный огонь творит невозможное без него ни человеку, ни естеству: союз и сочетание несочетаемых частиц новой плоти непрерывно рождаемых в недрах философской матки, их солевую кристаллизацию и пакипитание. Он есть истинная тайная снасть мудрых рыбарей для уловления герметической рыбы; он невидимо напрягает и удерживает рыбачью сеть, когда ее тянут на берег; он же и разрывает наш гордиев узел: отделение глубинных вод от поверхностных и хранительное удержание струй «ручья среди вод нашего моря».

И снова коридоры Симье предлагают проницательному созерцателю ясный образ: увешанный ягодами виноградный черенок и эпиграмма: *Fulcit non obumbrat*:

IL SOUTIENT ET N'OMBRAGE PAS
ПОДДЕРЖИВАЕТ И НЕ ОТБРАСЫВАЕТ ТЕНИ

Известно, что виноград — признанный символ *камня философов* — начальной ступени развития Философского Камня, иначе говоря, подготовляемого к Великому Деланию вещества. Далее, согласно Раймунду Луллию, из винограда извлекают сок для получения двух родов вина — *белого* и *красного*. Эта операция неосуществима без *соли*, или, что то же самое, *тайного огня*. Ибо тайный огонь есть *регент, опекун, телега* и *охрана* герметического винограда, который пока еще слаб, немощен и нуждается в защите. Регент, подчиняя свою мощь хрупкому символическому растению, лишь оберегает его всею силою сопротивления, но никак не вмешивается в рост и развитие присущих винограду добродетелей. *Тайный огонь* не тревожит *камень* и не отбрасывает на него своей тени, однако, *крепко хранит*, сохраняя верность небесной квинтэссенции, пронизывающей благородного отпрыска. Вот почему Космополит, на небольшой трактат которого мы уже указывали в предисловии, называет тайный огонь *неумолимым стражем, судией и тюремщиком* серы, томящейся в темнице и подчиненной его воле. И если в данном случае Адепт именует его *Сатурном*, то это в данном случае не означает сатурнического происхождения, но лишь аспект *черного цвета*, присущего началу первой стадии Работы, связаннной с пробуждением минеральной жизни.

Пусть со вниманием отнесутся к сказанному — более подробного изложения не найти даже у наилучших философов.

БЛАГОДАРЕНИЕ БОГУ

побуждающему меня в заключение открыть тебе, что из черного Сатурна и благодетельного Юпитера можно извлечь единого духа и сотворить из него сладчайший и благороднейший елей. Это особое лекарство сможет очень суровыми средствами лишить обычного продажного меркурия его жизненной силы и соделать непорочным так, как об этом написано в моей книге.

ДОПОЛНЕНИЕ

Обретя указанным способом необходимое тебе вещество, позаботься прежде всего о правильном употреблении огня, ибо от этого зависит как ход, так и окончание Нашего Делания. Ибо наш огонь есть обычный огонь, и наша печь — обычная печь. И хотя многие до меня писали, что наш огонь какой-то иной, делали это они, я тебя уверяю, только потому, что хранили тайны и повиновались дисциплине. Поскольку вещество гнусно, работа должна быть коротка, и достичь этого можно только, соблюдая правила обращения с огнем.

Огонь спиртовой горелки бесполезен. Используя его, окажешься ни с чем. Подобная конскому калу материя не может быть освобождена от самой себя иначе, как чрез строгое соблюдение степеней огненной обработки.

Есть много разных видов печей, но все они для нашей работы не годятся, кроме одного — тройной печи, приспособленной для градации огня. И сколько бы ни вводил тебя в заблуждение какой-нибудь болтливый софист, помни, что наша печь — обычная печь, наш огонь — обычный огонь, наша материя ничего не сто́ит, а стеклянный шар — просто подобие земного круга. Тебе не нужно знать ничего дополнительно об огне, правилах обращения с ним и о печи; ведь муку кладут в пекарню и она там печется сама, а пекарь только ожидает появления хлеба.

Об этих вещах не надо писать особых книг: просто соблюдай правила управления огнем, смысл которых очень прост — различение жара и холода. Поняв это, осуществишь наше Де-

лание до конца, после чего тебе останется только вознести благодарение Создателю естества.

Тако и буди, буди [1].

[1] В данном *дополнении*, декларируя соблюдение традиционной дисциплины, унаследованной от предшественников, Василий Валентин использует при характеристике нашего огня двусмысленные выражения. Таким образом он подчеркивает двойную, материально-духовную, проявленно-непроявленнную природу *тройной печи*, которую Древние иносказательно и загадочно именовали *атанором*, «...назначение коего есть бытие бессмертного огня, дарующего нам равномерный и постоянный огонь, животворящий и питающий наш состав от начала до завершения нашего камня». (Раймунд Луллий. *Разъяснение или Прояснение Заповеданного. Elucidation ou Eclaircissement du Testament*, dans *Biblioth. des Philos.*, 1754, tome IV, p.301).

Атанор трехъярусен. Три огненных рода, участвующие в Великом Делании и способствующие созиданию нового тела, абсолютно неизвестны современной химической науке; *Сера*, которую Мастера называют *естественным огнем*, есть жизнедух сокрытый в однородной массе, очищенной от металлической сущности. *Неестественный огонь* высвобождается при действии простого огня во время работы. Он сокрыт в глубине соляного состава, изготовляемого самим художником с помощью его помощников и разовых сотрудников, иначе говоря, чуждых процессу веществ (которые работник, очевидно, берет из внешней среды по непосредственному вдохновению в ходе работы (перев.)). Этот огонь носит имя *Лунатического Вулкана* или *тайного огня*. И, наконец, третий — *противоестественный огонь* (feu contre nature), являющийся внешним вдохновителем двух первых родов.

Этот огонь образуется при сгорании всякого вещества, ему сродного, как твердого и жидкого, так и газообразного. Его называют *противоестественным*, ибо он подобен тирану, желающему повсюду господствовать, и чего бы он ни касался, все разлагает, разрушает, пленяет и кальцинирует, причем делает это с юными и нежными, которых следовало бы сохранять и взращивать наиболее бережно. Муд-

рое требование действовать с осторожностью сугубо относится к сдерживанию опаляющего и развоплощающего действия противоестественного огня, использование которого должно быть тщательно дозировано, если ты не хочешь потерять все плоды предыдущей работы.

Под бурным воздействием противоестественного огня неестественный огонь передает свою каталитическую энергию естественному огню серы. В нагретой и оживленной им бане он находит сродные себе частицы, рассеянные в меркуриальной массе, собирает их и соединяется с ними неким особым сцеплением, формируя новое тело, выделенное водой и от нее отделенное. Происходит это к великому благу искусства и к великой радости художника.

Сказав об «истинно тайной печи», не видимой ни для какого обычного (*vulgaire*) глаза, Филалет затем описывает и другую печь, ту, которую можно встретить во всех лабораториях.

«Есть между тем и иная печь, которую мы называем простой. Это наш медлительный Генрих (*Henri-le-lent*), сделанный из кирпичей, глины, глинистого железа и меди, хорошо меж собою сцементированных». (*L'Entrée au Palais*, op. cit., XVIII, §9).

Нам же кажется, что Адепт ведет с нами фонетическую игру. Ведь в имени Генрих или Анри (*Henri*) звучит аббревиатура INRI, начертанная на Кресте, которую алхимики всегда истолковывали так: *Все естество обновляемо огнем (La nature entère est renouvellée avec le feu).*

IGNE NATURA RENOVATUR INTEGRA.

(Эжен Канселье)

ЗОЛОТО ВЕЩЕСТВЕННОЕ И ЗОЛОТО УМНОЕ

Примечания переводчика

Составленный нами небольшой корпус примечаний как к труду *Василия Валентина*, собственно, примечаний не требующего, так — сугубо — к комментариям *Эжена Канселье*, являет собою, с одной стороны, указание на некоторые тексты, хорошо известные европейскому читателю, интересующемуся данными проблемами, но практически неизвестными в России, с другой — началом попытки «русского прочтения» огромного мірового текста, написанного на «языке металлов», прочтения, в котором мы пока что разбираем только первые буквы. При этом мы прекрасно осознаем, что цитируемые нами тексты принципиально неравноценны как по их онтологическому статусу, так и по литературным качествам, за что заранее приносим свои извинения.

* * *

Стр. 9. Представление о латыни как первоисточнике французского языка неоднократно оспаривалось на протяжении истории. Наиболее известным автором данного «ревизионистского» направления считается живший в XVIII столетии *аббат Эспаньоль (l'abbé Espagnolle)*, автор книги *«Происхождение французского языка» (l'Origine de Français)*. Среди прочих книг на эту тему известны также Granier de Cassagnac. *Histoire des origines de la langue française*, Paris, 1872; A.Champrocay *Les Illuminés de Cabarose*, Paris, 1890. Repr. Paris, 1972. Préface de Pierre Plantard de Saint-Claire. К данной точке зрения склонялся и *Фулканелли.*

Согласно совокупности данных авторов, основа французского языка была греко-пеласго-этрусской (разные авторы указывают на разные пропорции). Это связано с тем, что франки считались потомками критских и троянских царей, двигавшихся через Северное Причерноморье, Карпаты и осевших по побережье Рейна. В частности родословие *первой расы* франкских *Царей (Королей, Roix)*, составленное *аббатом Тритемом (l'abbé Trithéme)*, возводит ее непосредственно к *Приаму*, сын которого *Франсиа* или *Франсуа* (*Francià*) собственно и начал передвижение на север. Сыном или внуком его был основоположник первой расы «длинноволосых царей» *Фарамонд (Pharamond, Feramundum)*, король сикамбров. От него происходят *Дидион* или *Дадон* и сын последнего *Клодио (Clodion, Clodion le Cheveleux, Клодио Волосатый, Клодио Конный)*. Согласно легенде, следующий царь — *Меровей* или *Меровех (Merovée, Merevei)*, в имени которого звучит отблеск французского *merveille* — чудо — было «дважды рожденным» — в его зачатии участвовало *«диво морское, на квинотавра похожее»*, что, возможно, есть намек на скрещение разных сакральных царских родов. Имя данного царя и унаследовала первая раса европейских королей. см. об этом *Des Antiquités de la Maison de France et des Maisons Merovingienne et Carlienne et de la Diversités des Origines sur les Maisons d'Autriche, de Lorrain, de Savoy, Palatine et plusieurs autres Maisons Souveraines.* Par M.Gilbert-Charles de Gendre, Marquis le Saint-Aubin-sur-Loire, ci-devant Maitre des Reques. Paris, 1739. Part II. *Traité des Maisons Merovingienne et Carlienne*, p.255-258. Также см. об этом Wallace-Hadrille, John-Michael *The Long-Haired Kings*, London, 1962. Согласно этому автору, потомки троянских царей, пройдя через Карпаты и Паннонию и осев на Рейне, получили от германских племен именование *Heerkönige — священнокнязи.* В связи с этим не лишены интереса упоминания некоторых полумифических родословий в русской исторической литературе, преимущественно неофициальной. Так, анализируя византийские *Хроники*

Иоанна Малалы и следующего за ними в большинстве списков *Летопись Русских Царей, князь П.П.Вяземский* упоминает (возможно, в связи с некоторыми родовыми преданиями, *«Воспоминания Омира о гласоимных мужах древнейшей Дардании»*, добавляя, что слово «гласоимный» по-гречески звучит как Μεροις или μεροπες и тождественно *словен* или *словесен* (см. *Временник Императорскою псковского Общества истории и древностей Российских.* Кн.II, М., 1851, с.52). Русско-немецкий ученый Егор Классен утверждает, что родоначальник «первой расы» «Міровей-Венделик» пользовался «славянским алфавитом» и «языком славянским». (См. *Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и Славяно-Руссов*... вып. 1-3, М., 1854. Репр. СПб, 1995, с.22). Не имея намерения понимать это буквально, мы скорее склонны предположить, что речь идет об особом роде «служителей Слова» (на анаграмму имени *Велес-Волос* как *Слово* наше внимание обратил *В.Б.Микушевич*, за что приносим ему искреннюю благодарность). Согласно *Уоллес-Хедриллу*, франкские цари говорили на некоем особом языке. О языке этом, именуемом *сириакским*, упоминает русский исследователь *В.Н.Топоров* в кн. *«Святость и святые в русской духовной культуре»*, М., 1935.

Возвращаясь к работе Э.Канселье, приведем весьма спорное, но и весьма характерное высказывание, будто бы латынь есть *«дерзкий синтез зачаточных языков Азии», «своего рода занавес, опущенный пред міровой сценой путем подлога», «подмена фонетики»*... (A.Champrocay. *Les Illuminés de Cabarose.* Paris, 1920, p.54.) *Фулканелли* находил множество следов греческого и пеласгского языков в парижском арго, которое считал «языковой готикой» (*argotique = art gotique*, см. в т.ч. Fulcanelli. *Les Demeures Philosophale*, Paris, Pauvert, 1971, t.1, p.162-164). Там же см.:

«Некоторые проницательные исследователи были поражены сходством между словами gothique *и* goetique *и предположили, что должна существовать связь между готическим (*gothique*) искусством и магическим (*goetique*). Для нас понятие art gothique (готическое искусство — просто орфографическая деформация слова «жаргонный» —* argotique. *<...> Собор — это произведение* ***арготического*** *искусства. <...> Те, кто использует этот язык — это потомки аргонавтов (*argonautes*), которые путешествовали за Золотым Руном на корабле «Арго». <...> Даже в наши дни отверженные, презираемые, непокорные, алчущие свободы и независимости, изгнанники, бродяги, кочевники говорят на этом языке, отвергнутым высшим обществом, в котором так мало благородных людей и всем заправляет упивающаяся своим невежеством буржуазия. «Арго» остается языком меньшинства, не подчиняющегося общим законам, отношениям и этикету, которые на жаргоне называется voyons (проходимцы),* т.е. видящие (voyants) *или* Дети Солнца. *Готическое искусство — это Искусство света или Духа» (*Фулканелли. *Тайны Готических Соборов,* Киев, 1996, с.41-42*).*

Наступление латыни, в соответствии с данной версией, является следствием политической экспансии римских магнатов-землевладельцев, каковыми, согласно *Уоллес-Хэдриллу*, были мажордомы-управители царского (королевского) дворца (palatium). Свержение Меровингской династии, ориентировавшейся на греко-византийскую и кельто-ирландскую культуру, и установление власти мажордомов-каролингов открыло путь к изменению *Никео-Цареградского Символа Веры* (латинское *Filioque*) и разделению Европы. *«Царское искусство»* алхимиков *в числе прочего* стало также умозрительным поиском чаемого и утерянного единства, выражаемого специфическим *«арго», art gothique* металлов и минералов.

Стр. 9. История нынешнего эона, описанная в Священном Писании от *Бытия* до *Откровения*, вся заключена между водой и огнем.

«Исполини же бяху на земли во дни оны: и потом, егда вхождаху сыновe Божии к дщерем человеческим, и раждаху себе: тии бяху исполини, иже от века человеци именитии. Видех же Господь Бог, яко умножишася злобы человеков на земли: и всяк помышляет в сердце своем прилежно на злая во вся дни. И помысли Бог, яко сотвори человека на земли, и размысли. И рече Бог: потреблю человека, егоже сотворих от лица земли, от человека даже до скота, и от гад даже до птиц небесных: зане размыслих, яко сотворих Я. Ное же обрете благодать пред Господем Богом» (Быт., 6, 4-8). ***«...Еще бо дней седмь, Аз наведу дождь на землю четыредесять дней и четыредесять нощей: и потреблю всякое востание, еже сотворих от лица всея земли»*** (Быт., 7, 4-6). ***«...В шестьсотное лето в житии Ноеве, втораго месяца, в двадцать седмый день месяца, в день той разверзошася вси источницы бездны, и хляби небесныя отверзошася... И бысть потоп четыредесят дней, и четыредесят нощей на земли, и оумножися вода, и взя ковчег, и возвысися от земли: и возмогаше вода, и оумножашеся зело на земли, и ношашеся ковчег верху воды. Вода же возмогаше зело на земли: и покры вся горы высокия. И оумре всякая плоть движущаяся по земли, птиц, и скотов, и зверей, и всякий гад движущийся на земли, и всякий человек. И вся елика имут дыхание жизни, и все, еже бе на суши, оумре. И потребися всякое востание, еже бяше на лице всея земли, от человека даже до скота, и гадов, и птиц небесных, и потребишася от земли: и оста Ное един и иже с***

ним в ковчезе. И возвысися вода над землею дней сто пятьдесят» (Быт., 7, 11-12, 17-24). *«И егда скончается тысяща лет, разрешен будет сатана от темницы своея, и изыдет прельстити языки сущия на четырех оуглех земли, Гога и Магога, собрати их на брань, ихже число яко песок морский. И взыдоша на широту земли, и обыдоша святых стан и град возлюбленный. И сниде огнь от Бога с небесе, и пояде я. И диавол льстяй их вержен будет в езеро огненно и жупельно, идеже зверь и лживый пророк: и мучени будут день и нощь во веки веков. И видех престол велик бел, и седящего на нем, егоже от лица бежа небо и земля, и место не обретеся им. И видех мертвецы малыя и великия стояща пред Богом, и книги разгнушася. И ина книга отверзеся, яже есть животная: и суд прияша мертвецы от написанных в книгах по делом их. И даде море мертвецы своя, и смерть и ад даша своя мертвецы: и суд прияша по делом своим. И смерть и ад ввержена быста в езеро огненное: и се есть вторая смерть. И иже не обретеся я в книзе животней написан, вержен будет в езеро огненное»* (Откр., 20, 7-15).

Чаша (*езеро*) с огнем не есть указание на полное уничтожение всего тварного міра, но на его обновление, *новое небо и новую землю. «Всяк бо огнем осолится и всяка жертва солию осолится»* (Мрк., 9, 49). Сам Бог Живой в Отеческой ипостаси выступает как Водоносец, в ипостаси Сына, «звезды утренней и денницы», как Огневержец (Откр., 22, 16). «Огня приидох вовреши на землю, и что хощу, аще оуже возгореся» (Лк., 12, 49-50). Огонь есть Обновитель Макро- и Микрокосмоса, то есть Антропокосмоса, Человекоміра в его целостности, и сам обретший Божественного Огня не уничтожается, но становится новым человеком, Царем по образу Первого Адама.

Стр. 13. Слово *«купорос»* (КОУПОРОСЪ) предполагает возможную *славянорусьскую* расшифровку-перевод:

КАМЕНЬ ОУМЕНЪ ПЕЩЕНЪ ОЧИСТИВЪ
РОУДУ ОБРЕТЕШЬ СВЕТЛУ

Купорос — сосуд с росой, чаша с росой, купель с росой и т.д.

Стр. 18. Древнейшие выезды франкских королей (до VIII в.) происходили именно на простой *телеге (char, chariot)*, запряженной лошадьми. *Большая Медведица* до сих пор именуется *«Chariot de David»*.

Стр. 25. Разбирая вопрос об имени *Василия Валентина*, Э.Канселье прибегает к так называемой *фонетической кабале*, вопрос о которой чрезвычайно важен в классической алхимии. Следом за *Фулканелли*, а также *М.Серрано* и рядом других

авторов, *Э.Канселье* решительно отделяет *Кабалу (Cabala)* от *Каббалы (Kabbale)*. Если *каббала* есть только система цифровых значений двадцати двух букв и экзегеза древних текстов на основе цифро-буквенного счисления, то *кабала* есть, прежде всего, искусство чтения и уразумения Слова, к которому восходит множество слов разных языков. Впрочем, и внутри *Каббалы* существует разночтение. Когда это слово пишется через כ (Каф), оно означает *передачу, предание, традицию*; через ק (Коф) — *могущество, магию*, то есть насильственное изменение міроздания, породившее позитивистскую науку, против которой предупреждала классическая алхимия. *Cabala* на славянорусский язык переводима как *Корнесловие* (термин принадлежит адмиралу *А.С.Шишкову*) и является древней *царской*, королевской наукой, восходящей ко святому Царю-Псалмопевцу Давиду с его «Небеса поведают *Славу* Божию», от его же *рода* и Божие *Слово* по плоти. В своей книге *«Alchimie...»* *Эжен Канселье* писал: *«Между прочим, не следует смешивать* кабалу (cabala), *о которой мы говорим, с* каббалой (Kabbale), *наукой чисто гебраической. Орфографические различия указывают на совершенно различную этимологию. Первая происходит от греческого* χαβαλλης, Kabaleś, *что означает конь* (cheval), *вторая — от еврейского* Kabbalha — *традиция. Уставы и род занятий древнего конного строя* (chevallerie, рыцарства, конницы) *как в духовной, так и во временной жизни предполагали взаимоизъяснения в форме языковых загадок, каждая из которых была герметическим воспеванием герба»* (op. cit., p.202). Конница, или конный строй (рыцарство), как символ духовного ведения, согласно *Фулканелли*, восходит к описанию Тайнозрителем *Великого Коня*. Описывая композиции росписи каменного дома в нормандской деревушке в Лизье (*Manoir de la Salamandre, Жилище Саламандры*), Мастер указывает:

«Фигура Великого Коня (Grand Cheval) *возвышается над Геркулесом — это видение апокалиптическое. Над сидящим на нем* конным (a ce cavalier) *написаны слова* Откровения: Rex Regum et Dominus Dominatum — Царь Царствующих и Господь Господствующих. *Великий Конь появляется из облаков с передними ногами навылет. Конный держит в одной руке шпагу (l'epée), в другой — железный жезл (verge de fer); за ним следует множество конных, в солнечном круге — ангел»* (Fulcanelli. *Les Demeures Philosophales...* p.234).

Cabala проистекает из *материнских языков* (langues matrices), она пришла во французский из древнего греческого (E.Canseliet, ibid, p.309). В связи с этим сам Канселье, ссылаясь на *аббата Эспаньоля*, утверждает, что *«наш язык — элленический (hellenique)»*. Основой царского искусства кабалы является, согласно Канселье, умение заключать предложение в одно слово и наоборот (op.cit., p.310-311). Нетрудно увидеть в корнесловии онтологическую связь с *Пятидесятницей* — языкоглаголанием в Духе Святом, когда был явлен *«свет во откровение языков»*, как было предречено святым Симеоном Богоприимцем. Все это вполне объемлемо царским искусством кабалы-корнесловия и в некотором смысле вбирает в себя *ars poetica*: вспомним, что Царь-Псаломопевец архетипичен Царю-поэту, а само слово *поэзия*, как далее пишет и сам Э.Канселье в применении к В.Гюго и сюрреалистам, означает *делание*. Следует обратить внимание и на то, что мифологически *кабала* — искусство *кентавров*, quinotauriae, *человекоконей, полконей, конных* (отсюда русск. сказочн. *Полкан*), искусство соединения несоединимого.

Помимо указанных авторов, разнице между *Кабалой* и *Каббалой* посвятил свое большое исследование Иоганн Вег (Iohannis Weh. *Cabala, Spiegel der Kunst und Natur in Alchymia*. Augsburg, Iohann Chulstes, 1615). К сожалению, несмотря на предупреждения Фулканелли и Мигеля Серрано, многие современные авторы отождествляют эти две науки, следуя, по существу, за доктором *Папюсом (Gerard d'Ancosse)*, который в книге *«Каббала или наука о Боге, Вселенной и Человеке»* (Русск. вар-т. СПб. Андреев и сыновья, 1992) чередует эти значения, часто приписывая *Кабале* каббалистические методы. То же самое делают *Жак Карль* и *Мишель Гранже* (Jaques Carles et Michel Granger. *L'Alchimie: superscience extraterrestre?* Paris, 1962). Они атрибутируют алхимической кабале методологию *Notaricon, Guematria* и *Thémoura*, свойственную только двадцатидвухбуквенному алфавиту. Следует еще раз подчеркнуть, что королевский *Язык Птиц (Langue des Oiseaux)* не ограничен числом букв и даже языков, тождествен всеобщему *«откровению языков»* в Пятидесятнице и служит также языком общения с животным, растительным и минеральным царствами (образы *преп. Герасима*

и льва, *преп. Серафима Саровского* и медведя, *Франциска Ассизского* и птиц). Интересны, кстати, попытки воплощения «языка птиц» в музыке XX века, в частности, *Оливье Мессианом*. Впрочем, сама по себе антиномия *«корнесловия»* с его Откровением-Пятидесятницей-Пятиуглием и двадцатидвухбуквенного языка «умного числа» относится только к до-, точнее, *вне*христову міру. Рожденное от Девы *Предвечное Слово*, согласно *святому Симеону Богоприимцу*, есть *«Свет во откровение языков и слава людей Твоих Израиля»*. Отметим, что в славянорусском языке *свет* и *слава* суть одна категория, тождественная *золоту*.

Стр. 28. *Santiago de Compostela*, которого многие алхимики, в частности *Раймунд Луллий* и *Николай Фламель*, почитали своим покровителем — *святой Иаков, брат Господень по плоти*, небесный покровитель Испании. Мощи его находятся в Толедо. Был в числе первых христиан, избегших гонений и нашедших убежище в Европе, став ее просветителями. Помимо св. *Иакова*, знаменитая *«Золотая Легенда»* называет среди них *святую равноапостольную Марию Магдалину*, просветительницу Галлии, *святого Лазаря Четверодневного, святую Марфу, святого Максимина, святого Иосифа Аримафейского*.

Николай Фламмель (1330- ок.1420) — один из известных мастеров «Великого делания», сохранивших свое имя для потомков. Все свои труды совершал (и даже подписывал) совместно с собственной женой *Перенеллой* (Pérénelle), что у одних вызывало недоверие (большинство алхимиков были безбрачны), у других, напротив, чрезмерный восторг в связи с неким «особым андрогинатом». Принадлежал к «сословию писателей» (écrivains), что тогда было тождественно профессии переписчика. Занятия алхимией начал в 1361 году после случайной находки в одной из книжных лавок некоей *«Священной книги Авраама Еврея, Принца, Священника, Левита, Астролога и Философа из племени Иудейского, которое вследствие гнева Божия было рассеяно среди Галлов»*. Данный памятник считается одним из основных памятников европейской герметической науки, что, впрочем, оспаривал в 1942 году *К.Г.Юнг*, называя эту книгу подделкой XVIII века (см. К.Г.Юнг *Дух Меркурий*,

М., 1996). По преданию, *Н.Фламмель* совершил в 1382 году паломничество к мощам *св. Иакова*, после чего сумел совершить Великое Делание. Факт этого путешествия, однако, оспаривал *Фулканелли*, полагая его символическим. Николаю Фламмелю и его жене Перенелле принадлежит также истолкование изображений на гробницах *Кладбища Невинных Младенцев (Cementaire des Innocents)* в Париже и алхимическая поэма *«Sommaire Philosophique». Эжен Канселье* — автор ряда истолкований трудов Фламмеля (см. Nicolas Flammel. *Le Livre des Figures Hierogliphiques suivi d'œuvres diverses.* Presentation de René Alleau précedés d'un avant-propos de René Alleau et d'une étude historique sur Nicolas Flammel par Eugène Canseliet. Paris, 1970.)

Именование Василия Валентина *«звездоздателем»*, *«созидателем звезды» (compos stellae)*, по аналогии со св. Иаковом, Братом Господним, связано с особым, хотя и совершенно легитимным и ортодоксальным почитанием в классической алхимии *Рождественской* Звезды, или *Звезды Царей*. Согласно *Фулканелли*, первая Философская Обитель есть *Рождественский вертеп, Вифлеемская пещера*, где рождается Богомладенец, или *«Божественный Инфант» (L'Enfant Divin)* (см. Fulcanelli, *op. cit.*, p.46). Фулканелли упоминает в этой связи Рождественскую литургию св. Амвросия Медиоланского. Прежде Рождества состояние вертепа в ней описывается словами: *«Lux non fuit unquam sed sempen tenebrae» («абсолютная тьма, без теней»)*. Для Православного христианина таким же значением обладает *«незаходимый мрак» (Канон покаянный св. Андрея Критского)*, предшествующий умному Рождению Христа в сердце человека. По *Николаю Фламмелю (Figures Hieroglifiques ...)* это *nigrum nigro nigrius — «чернь чернее черной черни»* — это же и начало первой стадии всякого преобразования, стадия *nigredo*. Появление звезды не только и не столько знак близящихся катастроф, как это утверждают астрологические и прочие суеверия, сколько знак обновления твари, не исключающей, разумеется, «дистилляции» и «разделения», то есть катастрофических потрясений материи. Звезда, открывающая Царям-волхвам, Царям-магам (m'g — ключ) рождение Богомладенца, первоначально выступает как *тайная звезда*, не вписанная в

небесные карты, *Etoile Flamboyant, Etoile de Mer (Пламенеющая Звезда, Звезда Морей, Stella Maris)*:

Вижду же в своем чину дождевые пады,
Являющие сущу такожде Плеады.
Сих быти неразличных Аз да созерцаю,
Имена их подробну сице нарицаю:
Сия подседми на два разделенным чины
Являющим сушу и дожда пучины:
Пасифо, Пифо, Тихе, Евдор, Амвросия,
Коропис и Плексаврис — дождевны суть сия;
Електра, Алкиона, Мая, Астеропе,
Келена, Тапеста, Инеиста Меропе (выд. нами — В.К.)
Сиа вторы седмица сущу изъявляет».

(Св. Димитрий Ростовский. *Комедия на Рождество Христово*. В сб. *«Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII вв.»* М., 1972, с.238).

Одновременно Звезда Морей еще и *зерцало*, глядя в которое можно увидеть прошедшие, нынешние и будущие перемены макро- и микрокосма, ибо *философское море (mer)* есть сокращенное прочтение понятия *зерцало искусства (miroir de l'art)*.

Проявляясь как Утренняя Звезда и Денница, звезда-Меропе озаряет *«сумеречную ночную пещеру Божественного Инфанта»* (*Э.Канселье*, см. E.Canseliet *Alchimie. Etudes diverses de symbolisme hermetique et de la pratique philosophale.* Paris, Pauvert, 1964, p.135). При этом происходит умное схождение «в недра земли-матери — материи, где покоится философское золото, иначе говоря, *маленький царь (petit roi, regulus)*» (op. cit.). Эта же звезда есть Звезда Морей, а Царь — *рыба* (IXΘUΣ), что соответствует древней анаграмме и символу Иисуса Христа.

Стр. 33. Учение о трехсоставном строении человека, на которое ссылается *Ван Гельмонт*, приписывая его Василию Валентину, на самом деле принадлежит не только и не столько самому Мастеру, сколько Православному Востоку, то есть, прежде всего, *греческим (hellenique)* Отцам Церкви. Мы не раз

еще будем встречаться с тем, что у мастеров Великого Делания на языке металлов и минералов выражены реальности «умного делания», во многом отвергнутые Западом сначала прикровенно, во времена каролингской узурпации, а затем и открыто после официального разделения Церквей в XI в. Речь идет не о *неистинности* Западной традиции, а о ее *неполноте*, стремление восполнить которую во многом оживило язык классической алхимии в ее Европейском варианте (дохристианская Греческая, Египетская, Сирийская, Еврейская алхимия послужили для нее «языком языка», подобно языку античной философии для философии христианской). В святоотеческой традиции (голосом которой на западе оставался в IX веке *Иоанн Скот Эриугена*) учение о трисоставном человеке выражено в связи с представлениями об онтологическом единстве микро- и макрокосмоса, единстве — буквальном! — человека, міроздания, космоса, Церкви и Священного Писания. Вот как писал об этом в своей *Мистагогии (Тайноводстве)* преп. Максим Исповедник:

«Подобно тому, как в соответствии с возвышенным созерцанием [старец] называл церковь духовным человеков, а человека — таинственной церковью, то также в соответствии с духовным постижением, он, говоря о всем Священном Писании, называл Его человеком. А именно, Ветхий Завет составляет тело, а Новый — душу, дух и ум. И еще: телом всего Священного Писания, Ветхого и Нового Заветов, служат историческая буквальность его, душею же — смысл написанного, который и является целью устремлений ума». (Творения Преподобного Максима Исповедника. Перевод А.И.Сидорова. «Мартис», 1993, с.166-167). И далее: *«И опять же, согласно обычному сравнению, [старец] уподоблял весь мір, состоящий из видимых и невидимых [существ], человеку, а человека, состоящего из тела и души, называл міром. По его словам, умопостигаемые [сущности] обладают внутренним соответствием с душой, а душа — внутренним соответствием с умопостигаемыми [сущностями]; [вещи] чувственные имеют образ тела, а тело — образ чувственных [вещей]. Умопостигаемые [сущности] есть душа [вещей] чувственных, а последние, в свою очередь, есть тело умопостигаемых [сущностей]... И соответственно этому закону, в них заложен логос единообразующей силы, не позволяющей быть в неведении, несмотря на природную инаковость [двух міров], относительно тождества их по ипостаси в [этом] единении... И это до тех пор, пока не благоугодно будет Тому, Кто связал их воедино, расторгнуть сию связь, ради высшего и более таинственного Домостроительства, в годину всеобщего и чаемого нами свершения [веков]. Тогда и мір, подобно человеку, умрет в своей явленности и снова во мгновение ока восстанет юным из одряхлевшего при чаемом [нами] воскресении. Тогда и человек, как часть с целым и как малое с*

великим, совоскреснет с міром, получив обратно силу непреходящего нетления» (там же, с.167-168).

Ср. также у *Оригена*: *«Ибо как человек состоит из тела, души и духа, точно так же и Писание, данное домостроительно Богом для спасения людей, [состоит из тела, души и духа]»* (Ориген *О началах.* Казань, 1899, с.327).

Нетрудно видеть, что взгляды на устроение человека герметиков-бенедиктинцев, представлявшие своего рода «греческое в латинстве», были гораздо ближе к великим каппадокийцам, чем к римо-католическим схоластам того времени, что позволяло им даже именовать свои построения *verité non latin* (см. об этом ниже). Естественно, что в этой ситуации алхимия становилась еще и своеобразной криптографией. О трехсоставности рассказывают нам и алхимические категории *соли, ртути (меркурия)* и *серы (сульфура).*

Стр. 36. Само название трактата *«L'Entrée Ouverte au Palais Fermée du Roi» — «Двери Отверсты Царска Дворца Затверста»*, как на это намекает *Яков Толь*, а следом за ним и Эжен Канселье, свидетельствует помимо физического аспекта Делания, также и о криптоисториософском характере алхимического языка, который не мог быть иным в эпоху господства Латинской Церкви и государств, правители которых *все* так или иначе являлись наследниками каролингско-римской узурпации. Об этом в том числе свидетельствует и символика *старого дуплистого дуба (chêne creuset)*, центральная также и в упоминавшейся выше *«Книге Авраама Еврея»*. О дубе как *«алхимическом древе»* и *«религиозном фикусе» (ficus religiosa)* речь пойдет ниже. В данном случае важно подчеркнуть, что у корней старого дуплистого дуба был в 679 году в день Зимнего Солнцеворота убит копьем последний царствовавший король легитимного Дома *Дагоберт II*, что открыло путь к латинизации (в широком смысле) Европы и к отрыву ее от Византии. Характерно, что в этой книге, якобы вдохновлявшей *Николая Фламмеля*, изображен родник, бьющий из-под корня дуба и уходящий под землю. Поиск «потерянного Короля» становится одним из аспектов поиска «потерянного Слова» и, оставляя

церковно-государственный фасад, уходит в «темные», «алхимические», арготические глубины.

Ириней Филалет, предполагаемый автор цитируемого здесь Толем и Канселье *Трактата,* в отличие от других авторов утверждает: *«Золото есть единственное, единое и истинное начало, из которого возможно делание золота»* (Eyrenée Philaléthe. *L'Entrée Ouverte au Palais Fermé du Roi*. Paris, 1962, p.19). При этом под золотом *не* разумеется золото металлическое. В *«Философских обителях» Фулканелли* уточняет, что речь идет не собственно о золоте, а о корне золота, тождественном меркурию мудрецов. Корень золота порождает дух золота. Он особо предупреждает, что слова Филалета не следует понимать в обычном смысле. (Fulcanelli. Les Demeures philosophales. Paris. Pauvert, 1965).

Невозможно не предупредить, что имя ΒΕΝΕΔΙΚΤΟΣ — *Благословенный* — в некоторых преданиях, принадлежащих к Православной традиции, на основании числосчисления вменяются также будущему антихристу: 2 + 5 + 50 + 5 + 4 + 10 + 20 + + 300 + 70 + 200 = 666 (см. Священник Б.Н.Кирьянов, диакон И.В.Аксенов *Последние судьбы России и міра. Краткое обозрение пророчеств и предсказаний*. Изд. 2-е. Киев, 1993, с.32). При этом сами авторы справедливо пишут следом: *«Уже со времен Мужей Апостольских, св. Иринея Лионского (Лугудунского, +202) и ранних Отцов Церкви было известно, что как сам Апокалипсис промыслительно написан Апостолом Иоанном на Эллинском, древнегреческом языке, языке Православия, и на этом именно языке указано это число* χξξ (Апок., 13, 18), *так и находить и писать имена, дающие число 666, надлежит только на этом древнегреческом языке. Поэтому никто из учительных, толковательных Отцов Церкви не искал и не указывал имен антихриста на других языках»*. (Указ. соч., с.32). Нетрудно видеть, что латинское слово BENEΔIKTO, написанное и исчисленное *по-гречески*, уже есть некоторая подмена, что прямо указывает на принадлежность *«человека беззакония»* не к истинной *цепи благословенных* (l'Orde Benedictin), на которую указывает Э.Канселье, и тем более не к традиционному и легитимному, восходящему к *Единой Неразделенной Церкви, Ордену Бенедиктинцев*, а к цепи подмен, принадлежащей «тайне

беззакония», основанной на лжи. В то же время это есть призыв ко вниманию: язык алхимии сугубо многосмыслен и обоюдоостр! «... *эта же идея "напитка бессмертия" в результате смещения акцентов может привести и к контр-инициатической линии, ориентированной не на жизнь Света и Рая, но на жизнь Жара и Ада*» (А.Г.Дугин *Конспирология*. М., Арктогея, 1993, с.75). Следует обратить внимание и на предостережение самого *Э.Канселье*, указавшего на противопоставления *«Вечная Алхимия против современной спагирии» — «l'Alchimie eternelle versus la moderne spagyrie»*. Это еще и содержит предостережение относительно *«огромных опасностей современной физики, выросшей из спагирии»* (с.14-15). Речь идет в частности о трансмутации конкретных металлов, перечисленных в Периодической таблице Менделеева, то есть о черномагических попытках использовать принципиально несакральное позитивное знание. *«Очень простая арифметическая операция,* — пишет Э.Канселье, — *обнаруживает с неотменимой точностью три цифры доселе неизвестного элемента. Этот неизвестный плод эманации радия, открытой Пьером Кюри, является урановой смоляной «обманкой» Всеобщего Лекарства, то есть Философского Камня»* (Указ. соч., p.18). На число этого «элемента» (находящегося в состоянии *непроявления*) Эжен Канселье прямо указывает как на *«число зверя»*, и в связи с этим цитирует широко известный отрывок из Римо-католической мессы *«Dies irae» («О гневе Божием»)*. Современную науку вслед за Фулканелли он именует *«таблицей переворачивающегося міра»*: *«Люди непрестанно длят свою дьявольскую игру, стремясь вывернуть мір наизнанку»* (с.19).

И если сам Философский Камень есть образ Потерянного Царя (Roi Perdu), *золота от золота* (у некоторых авторов — *золота* от *золота и серебра*), то поиск «металла металлов» внутри конкретных химических феноменов, как и «единой теории поля» методами позитивной науки есть поиск «обманки»; поиски же мірового правителя путем демократических выборов или же социальной или генной инженерии в «царстве количества», царстве «десяти тысяч вещей» есть, по строгой аналогии, поиск *«человека беззакония»*, *«универсального рассотвори-*

теля» (versus *«Универсальный Растворитель»*). Поиск этот отмечен все тем же *числом зверя*, хотя в его процессе возможна и узурпация подлинных царских имен и подменных (не обязательно грубо физически) родословий, равно как и методологии «науки королей», классической алхимии и корнесловия. *«Короли-вампиры практиковали "алхимическое искусство", но вместо Алхимии Духовной* они *занимались Алхимией Материальной,* а так как *Алхимия называется "королевским искусством"*, то *соответствие в этой сфере было полным»* (А.Г.Дугин *указ. соч.*, с.76). Курсы алхимии именно как естественнонаучной магии читают в некоторых специфических центрах, в особенности в США (см. в т.ч. *The Academist's Handbook Manual for Practical Alchemy* by *Frater Albertus.* N-Y, 1966).

Стр. 39. Фулканелли приводит современную акварель с гравюры *Жоржа Ораша (Georges Aurach) Дар Божий (Don de Dieu)*, на которой изображена *философская стклянница (склянка, колба, flacon philosophal)*. На заднем плане — горы, некоторые из которых покрыты снегом, на переднем — зеленые луга, через которые протекает река, часть которой закрыта собственно стклянницей. В нижней ее части муж и жена, увенчанные царскими коронами. Фон, на котором они изображены, по пояс разделен на две половины — желтую и сине-голубую. Волосы царицы — рыжие. Верхнее горлышко сосуда — узкое, окрашено в красный цвет; в нем пребывает *младенец*. Из самого же сосуда, как из вазы, выходят три цветка — два красных, наклоняющих головки налево и направо, и голубой, устремленный вверх. Гравюра (и собственно акварель) сопровождена надписью: *«Отныне ищи природу четырех стихий в недрах Земли» (Alors cherchez la nature des quatre elements au sein de la Terre).*

Это изображение позволяет понять метафизическую природу *стекла,* или *хрусталя,* как *Царевместилища*. На языке алхимии хрусталь порою именуется как *металлический дух*, что на видимом плане можно считать *металлическим спиртом (esprit metallique)*. Герменевтику этих понятий Эжен Канселье раскрывает следующим образом:

«Сей металлический дух, тайно и тонко (intimement) соединенный с новой плотью, стекловидной и полупрозрачной, есть истинный хрусталь, в котором легко наблюдаема звукоцветовая гамма последней варки (coction);

дух сей, добавим, оставляет и жертвует свою силу ради сознания затворенного хранилища пятой сущности (quintessence), вполне совместимое с ее божественным достоинством. Мы имели счастье созерцать предварительное приготовление таковой в печи нашего мастера, мы созерцали стекло, сквозь которое видимыми становились для нас недоступные чувствам переливы философской призмы. Мы можем сказать и то, что видели, как в самой печи все более низкой становились температура плавки сей сущности (substance), сей СОЛИ ХРИСТА (χριστος + αλς, CRISTAL*)»* (см. Alchemie ... p.216).

Алхимический *хрусталь* неотделим от постоянно встречающегося в языке этой науки образа *золотого руна*, а также уже упоминавшегося нами *дуплистого дуба.* Однако, отметим прежде всего, что совершенно неудачно именование *Овна (Agni)* только лишь «бараном». *Agni* в протоарийских языках означает не только *Овна, Агнца, Огонь*, но и *Коня*, что указывает на древнесакральную природу *кабалы*, о которой мы уже упоминали, а также связь ее с руническим письмом древних.

В книге *«Alchimie ...»* Эжен Канселье приводит пространное и весьма обстоятельно рассуждение о связи поисков *Золотого Руна, хрусталя земли* и тайного местопребывания Царя, выявляя общую, прачеловеческую, прото- и приснохристианскую эзотерику, включающую исторически дохристианскую мифологию как *«свет во откровение языков»*:

«Жертва Златорунного барана (belier Chrysomelle; характерно использование двойного, муже-женского рода — В.К.), *принесенная Юпитеру Фриксом по прибытии в Колхиду, есть иносказание неимоверного труда, кратко описанного как деяние юноши, возносящего Золотое Руно на ветви дуба, простертые над рекой* Фасисом *(φασις — указательное действие, видение, явление). Дуб — символ первоначального, грубого и черного камня, который древние изображали так же, как неимоверно широко раскрытую глотку Люцифера, в то время как овечий мех свидетельствует о возвышенном и чудесном посреднике, долгожданном плоде алхимического труда. Здесь уместно упомянуть о нехимическом омониме* дуба (chêne) — *греческом* khên, *обозначающем* гуся. *Таково же звучание этого слова* (khên) *на так называемом* лангдойле (langue d'oïl, «язык гусей»), *языке северной Франции. Известно, что любомудры, в частности, древнейший Артефий* (Artephius) *в* Тайной Книге *использовал образ птицы сей как знак Меркурия... Корень χαινω,* khainô *означает* широко раскрывать, отверзать, иметь зияющий рот — *отсюда* дуплистый дуб *Николая Фламмеля... Вот эквивалент греческому χαος, также имеющему корень* khainô, *что есть не только* смешение стихий, тьма, мрак, *но еще и* отверстая пропасть, пучина, бездна; *таинственное, но и разумное, объяснение в этом слове есть и для Рождественского вертепа, неизреченной глубины, в которой родился* Маленький Инфант (petit enfant), *родился в Вифлееме Иудейском»* (op. cit., p.217).

И далее: «Судно (vaisseau, сосуд, посудина) *Аргонавтов не единственно; сколоченное из говорящих дубов леса Додона, оно, по мнению некоторых древних писателей, шаровидно, кругло. Напомним, что и печать Тамплиеров, которую держал Великий Магистр, называлась* шар (la boule) — *это также* судно, сосуд, дуплистый дуб, микрокосм, (petit monde, малый мір), *держава царского могущества в руце Вечного Отца и всех Его великих монархов»* (op. cit., p.221).

В предисловии к *«Философским обителям» Фулканелли* Эжен Канселье также писал: «Spiritus mundi, *растворенный в Хрустале Философов, сотворен из изумруда, выпавшего изо лба Люцифера при его падении, из него же сотворена и святая Грааль»* (Fulcanelli *Demeures Philosophales ..*, p.39). Отметим, что современное русское употребление *святой Граали* в мужском роде неверно. В *«Полном Православном Богословском энциклопедическом словаре»* (репр. с изд. XIX в., М., 1992, с.655) слово *Грааль* употребляется в женском роде — *«святая Грааль»*. Своеобразное прочтение мифа о выпавшем до падения третьем глазе падшего архангела см. в новелле *Владимира Микушевича «Око Денницы»* (ж. «Новая Юность», №3, 1994).

Не можем умолчать о вопиющей обоюдоостроте приведенных текстов *в эсхатологической перспективе*, ибо «человек беззакония должен родиться, *пародируя* чудесное и неизреченное Рождество Истинного Царя в Вифлеемской пещере. В связи с этим не можем не привести отрывков из наиболее фундаментального собрания, посвященного Православной эсхатологии, вышедшего уже «после России».

«Архиепископ Андрей Кесарийский считал, что антихрист выйдет «из мрачных и глубинных стран земли, в которые изгнан диавол».

«Святой Димитрий Ростовский, — писал неизвестный священник Русской Православной Церкви «в самые трагические» годы XX в., — высказывает мнение, что антихрист произойдет в чувственном Вавилоне Персидском, который находится у реки Евфрат. Там же царствовал и строил знаменитую Вавилонскую башню царь Нимврод, первый по времени мучитель в Поднебесной, откуда, — он говорит, — должен быть и последний мучитель. Большинство из Святых Отцов считает, что антихрист должен произойти из стран Востока, в частности, из тех, где поселится еврейское колено Даново, так как антихрист должен быть из того колена, или из Ирана (Персия), или из Ирака (Месопотамия), или из ближайших к ним мест» (Россия перед Вторым Пришествием. Троице-Сергиева Лавра-М., 1994. Составитель *Сергей Фомин*, с.364*)*. Другое предание, восходящее к преп. Серафиму Саровскому и Дивеевской обители, гласит: *«Во Израиле родился Иисус Христос — истинный Богочеловек — Сын Бога Отца —*

наитием Святого Духа, а среди русских родится истинный антихрист бесочеловек, сын жены блудницы из Данова поколения и сын диавола чрез искусственное перенесение к ней семени мужского, с которым вместе вселится в утробу ее дух тьмы. Но некто из русских, доживши до рождения антихриста (подобно Симеону Богоприимцу, благовестившему отрока Иисуса и возвестившего рождение Его міру) проклянет рожденного и возвестит міру, что он есть истинный антихрист» (Там же, с.408).

Так или иначе, пародирование образа «философской стклянницы», никогда не становившейся предметом экзотерического обихода (как и тайна ядерного оружия, всегда известная алхимикам, но всегда и уносимая ими из міра), стала сегодня предметом отнюдь не «философской», а *«всепереворачивающей»*, по выражению *Фулканелли*, псевдореальности.

«В Италии, под боком у Папы Римского в наше время уже делаются опыты по искусственному выращиванию человеческого зародыша в пробирке, что дает сатане возможность Пропитать его своим духом... Вавилонская (т.е., по Фулканелли, спагирическая — В.К.) ***медицина уже несколько десятилетий широко практикует искусственное оплодотворение женской утробы, используя ранее излитое донорское мужское семя...»*** (Свящ. Б.Н.Кирьянов, диакон И.Я.Аксенов, указ. соч., с.15-16).

Аналогия с подменой Философского Камня радоновым излучением предельно точна.

Стр. 41. *Арготическое* слово *«le truc»* (τρυξ, Truks), означающее *первоначальное разделение*, связано, как это очевидно из предыдущего комментария, с именем героя арготического мифа *Фрикса*, или *Фриксоса*, действительно выступающего носителем такового. Греческое слово τριγα = trugô означает *«осушать», «сушить, используя действие огня»*; *sel de tartre — виннокаменная соль* — также происходит от греческого τρυξ = *trux*. В собственно материальной работе один из его первоначальных этапов *Le truc de l'Ouvre* означает использование виннокаменной соли при воздействии на *нитру*, понимаемую и в ее химическом значении и как горючее вещество, и как одну из составляющих *тайного огня*. В парижском *арго* слово *truc* означает действие, совершаемое тайно, иногда не вполне правым и честным способом. Согласно *аббату Эспаньолю*, парижское *truc* происходит от греческого τριχο — *обмануть, нанести удар ловким, обманным путем*, обвести вокруг пальца. Характерно, что соответствующее раблезианскому *trink!* русское *«клюк!»*, *«клюк-*

нуть» в точности совпадает со *славянорусьским* значением летописи *«Переклюкала мя еси, Ольга»*, по словам Византийского императора, переданным летописцем. Парижское *арго*, язык *клошаров* (la cloche, бомжей, бродяг), русский язык *офеней* и происходящая от него воровская *феня*, деревенский говор *«по-ерам-по-херам»*, нецензурная «матерщина» является рудиментарными останками древнего сакрального, царского, королевского, м.б. *сириакского, птичьего* языка, приобретшего после *перемены знаков* и *познания древа познания добра и зла* значение «неприличного»:

«И виде жена яко добро древо в снедь и яко оугодно очима видети, и красно есть еже разумети: и вземши от плода его, яде: и даде мужу своему с собою, и ядоста. И отверзошася очи обема, и разумеша, яко нази беша: и сшиста листвие смоковное, и сотвориста себе препоясания. И оуслышаста глас Господа Бога, ходяща в раи по полудни: и скрыстася Адам же и жена его от лица Господа Бога посреде древа райскаго. И призва Господь Бог Адама, и рече ему: Адаме, где еси; И рече ему: глас слышах тебе ходяща в раи, и оубояхся, яко наг есмь, и скрыхся» (Быт., 3, 6-11).

Стр. 42. *«Почти во всех сказках о Золушке,* — пишет Г. Бейли (не путать с А.Бейли), *— героиня является воплощением своей любящей матери, и, следовательно, изучение матери одновременно раскрывает и черты характера дочери. В одной из санкритских легенд у отца, принадлежавшего к «солнечной расе», был ребенок, похожий на него во всем, за исключением возраста, и отец говорит о нем: «Он не другой человек, а я сам...» Крестная Золушки или, в некоторых случаях, ее настоящая мать описывается по-разному: это может быть пожилая женщина или прекрасная королева со звездой во лбу, корова с золотыми рогами, морская нимфа, русалка, живущая в подводном гроте из жемчуга и коралла, либо морская змея по имени Лабизмина... Имя Лабизмина, принадлежащее морской змее, крестной Золушки, скорее всего является искажением l'abyste, превосходной степени французского слова «бездна». Оно означает глубочайшие впадины, первоначальный хаос, непостижимую водную глубину»* (Г.Бейли *Потерянный язык символов.* М., «Золотой век», 1996, с.174-175).

В книге Бытия воды являются неким превечно претварным атрибутом *Духа Божия* (Roakh). В сказках и былинах погружение в море предшествует обретению ведения или золота — вспомним новгородские былины о *Садке*, где *море* выступает не только как *мера* премудрости, но и как «житейское море», обиталище *чудовищ, «зверей нашей души»* (Р.М.Рильке). В алхимии понятие *философское море* выступает атрибутом как materia prima (*первоматерия = первоматерь*), так и *премудрости.* Море является бездной, откуда приходят цари — *«Merevei de*

Merevei». Интересна расшифровка *Якобсеном* древнейшей скандинавской рунической *Эггьюмской надписи*, которую мы цитируем в русском переводе, к сожалению, взятой нами из не очень глубокой, рассчитанной «на публику» книги *А.Платова «Руническая магия»* (М., 1995).

Камень не был [освещен] солнцем,
нож не коснулся его,
злые волшебники не должны обнажить [камень],
ни обманутые,
ни ослепленные колдовством.

Тот сотворил навье море
И смазав им уключины,
утомленный от просверливания ладьи.

Кто пришел сюда, в страну коней
Рыба плывущая...
Птица поющая...
Он погиб коварной смертью...

(с.9)

Сюжет сказки о *Золушке* в ее первоначальном виде заключается в том, что она, дочь короля или королевы, убегает из дворца дабы избежать насильственного замужества. В поздних вариантах ее отец умирает, и о нем не говорится ничего или содержится намек на некое таинственное происхождение. *Золушка (Cendrillon)* прозябает в *пепле, золе, cendre* (об алхимическом значении этого вещества речь пойдет далее у *Э.Канселье*), моет посуду и пасет *гусей.* Особенность ее — способность менять наряды, в наиболее старых вариантах — *семь раз.* В скандинавской версии она — дочь короля, спрятанная в пещере, ее сопровождают *семь служанок*; она вышивает *золотыми нитками.* У славян Золушка — *королевская дочь — длинноволосая златовласка*, живущая в *хрустальном дворце* отца, в Дании и Ютландии — *Принцесса горы*, хранительница *жидкого огня.* Г.Бейли далее раскрывает герменевтику сказки так:

«Нередко сама Золушка носит имя Мария, Мара, Мариетта или Маругелла. Одни авторы отождествляют имя Мария с именем Мириам, олицетворяющим характер грустный и несчастный, морскую звезду, каплю океана, другие считают, что оно происходит от имени нереиды Мары... Сербы называют свою Золушку Мара... На острове Сардиния Золушку зовут Барбарелла, и это имя, очевидно, происходит от имен Барберо и Барбело, которыми гностики называли Мудрость. «Происхождение этих имен, — пишет г-н Мид, — до конца неизвестно, однако, можно утверждать, что имя Барбара означает «чужая», гостья из другой страны...

Слог «Елла», который входит в имена Маручелла, Барбарелла и Синдерелла (Золушка), происходит от греческого корня «Еле», что означает «сияющий», или «источник света» (Г.Бейли, указ. соч., с.171).

Отметим, что тот же корень *Эль* имеется в названии *пива* — одного из сакральных напитков арийцев, в имени *Елены Троянской* (происходящие от троянских царей франки дали имя одному из мысов на севере Франции *Томбелен* (Tombe d'Elé-ne — гробница Елены), но это и корневая основа одного из Имен Бога Живаго в Ветхом Завете: *«Существует также талмудическая легенда, согласно которой у царя Соломона однажды украли его волшебное кольцо, после чего ему пришлось довольствоваться скромной ролью поваренка на кухне у царя Аммонитов, дочь которого впоследствии полюбила Соломона... Поэтому Песнь Песней Соломона не только служит своего рода мостиком, соединяющим теологию с фольклором, но и содержит несколько указаний на сказку, известную сегодня как «Золушка»... Главной деталью, объединяющей героиню Песни Песней Соломона и девушку из детской сказки, является хрустальная туфелька — «О, как прекрасны ноги твои, дщерь именитая!» Однако ту же самую принцессу поэт изображает униженной, разбитой, отягощенном страданиями. «Дети ее матери» (гордые сестры) сердятся на нее, заставлял выполнять грязную работу, и все же в конце концов ее возлюбленный принц приводит ее в «дом пира» (в сказке — на бал), и над ней развевается знамя Любви* (Г.Бейли, указ. соч., с.161-162). В славянском варианте сказки *Златовласка* задает королевичу загадки: *«Огонь не может зажечь меня, метла не может вымести меня, ни один художник не нарисует меня, и нигде мне не спрятаться»*. Влюбленный принц отгадывает загадку — это Солнечный свет. Затем дева задает ему еще одну: *«Я была еще до рождения Адама.*

Я всегда последовательно меняю два цвета своих нарядов. Минимум тысячи лет, но ни цвет, ни образ мой не изменились». «Тогда, — отвечает принц, — ты, должно быть, Время, включающее в себя день и ночь...» Два сменяющих друг друга наряда Девы — это, как правильно угадал Принц, одеяние времени, включающее в себя день и ночь, белое и черное, открытую людям и сокрытую от них Мудрость» (там же, с.189). Здесь мы ближе всего подходим к разгадке *Золушки — Золы — Златовласки — Золота*: *София Премудрость Божия* возвещает устами «рачителя» Своего (как он именуется в Великом Каноне Святого Андрея Критского) царя Соломона, сына Давидова: *«Господь созда мя начало путей своих в дела своия: прежде век основа мя, в начале, прежде неже землю сотворити, и прежде неже дни соделати, прежде неже произыти источником вод, и прежде неже горам водрузиться, прежде же всех холмов рождает мя. Господь сотворит страны и ненаселенныя, и концы населенныя поднебесныя. Егда готовяше небо, с ним бех, и егда отлучаше престол свой на ветрех, и егда крепки творяше вышния облаки, и егда тверды полагаше источники поднебесныя. И егда полагаше морю предел его, да воды не мимо идут оуст его, и крепка творяше основание земли, бех при нем устрояя. Аз бех, о нейже радовашеся, на всяк же день веселяхся пред лицем Его на всяко время. Егда веселяшеся вселенную сотворив, и веселяшеся о сынех человеческих. Ныне оубо сыне послушай мене: и блажени, иже пути мои сохраняют. Оуслышите премудрость, и оумудритеся, и не отмещите. Блажен муж, иже послушает мене, и человек иже пути моя сохранит, бояй при моих дверех присно соблюдаяй праси моих входов: исходи бо мои исходи живота, и оуготовляется хотение от Господа. Согрешающии же в мя, нечествуют на своя души, и ненавидящии мя, любят смерть* (Притч., 8, 22-36). И далее говорит Премудрый Царь о Премудрости Божией: *«И елика суть скрыта и явна, познах: всех бо художница научи мя Премудрость. Есть бо в той Дух разума Свят, единородный, многочастный, тонкий, благодвижный, светлый, нескверный, ясный, невредимый, благолюбивый, остр, невозбранен, благодетелен, человеколюбив, известный, крепкий, беспечальный, всесильный, всевидящий и сквозе вся проходяй духи раз-*

личныя, чистыя, тончайшия. Всякаго бо движения подвижнейша есть премудрости достизает же и проницает сквозе всяческая ради своея чистоты. Пора бо есть силы Божия, и излияние Вседержителя славы чистое; сего ради ничтоже осквернено на ню нападает. Сияние бо есть света присносущнаго, и зерцало непорочно Божия действия, и образ благостыни Его (Премудр., 7, 21-26). Ея трапеза и есть трапеза Самого Бога Живаго, и ея брак — брак Агнца, ибо: *«Премудрость созда себе дом и оутверди столпов седмь: закла своя жертвенная и раствори в чаши своей вино, и уготова свою трапезу»* (Притч., 8, 1-3). Тем же Царем брак этот воспет в *Песне Песней*, а образ чертога брачного был открыт на *Патмосе Тайнозрителю* как *«град великий, святой Иерусалим нисходящ с небесе от Бога: и светило его подобно камени драгому, яко камени яспису кристаловидну»* (Откр., 21, 10-12), посреди коего *Ученик его же любяще Иисус*, увидел *«чисту реку воды животныя, светлу яко кристал, исходящу от престола Божия и Агнча»* (Откр., 22, 1-2). Следует иметь в виду, что по-славянорусьски *кристалл* и *хрусталь* суть одно, суть χριστος + αλς, *Христова соль.*

Возвращаясь к герменевтике волшебной сказки, вновь приведем отрывок из рассуждений Г.Бейли, понимая, что способ выражений данного автора не всегда соответствует предмету: *«В подавляющем большинстве широко распространенных версий Золушки у героини есть еще две сестры, которым, подобно Лиру, предлагается выразить всю глубину их дочерней любви. Золушка, подобно Корделии, не протестует, а во всех вариантах отвечает, что любит своего отца, как* соль. *В этих историях* Золушка *неизменно отождествляется с* солью (выделено ними — В.К.), *а* соль *была символом мудрости. С образом мудрости нередко ассоциировали соляной подвал, а в Римской Катакомбной церкви принесение в дар Соли Мудрости до сих пор является частью одного из ритуалов. В мистической науке небесная София ассоциируется с натрием или* солью, *а цветом ее считается желтый... Любопытно, что, если Золушка не является в сказке служанкой, она обычно пасет* гусей (гуси *при этом признают ее* царской дочерью — В.К.)*... Каждое воскресение Золушка выбирается из своего деревянного футляра и расчесывает волосы, и*

из них выпадают золотые зернышки, которые склевывают маленькие гусята» (Г.Бейли, указ. соч., с.198-199).

Остается отметить, что в русских сказках место европейской Cinderelle как бы разделено между *Марьей Моревной (Марией Морской), Василисой Премудрой (Царицей Софией)* и *Еленой Прекрасной* (*Огненно Окаляющей*, корнесловно-кабалистически от καλος — Kalos — *доброта, красота*), что онтологически суть едино.

Стр. 45. Полисемантизм *Камня* в міровой символике не является ни для кого секретом, хотя тайна, скрытая за нею, может быть обретена только чрез *умное* ее постижение. В целом, как мы указывали, мифология *Камня* основана на предании о *третьем глазе денницы* выпавшем на землю с небес при его падении. Этот Архангел, поставленный над всеми небесными воинствами, был прекраснейшим из Ангелов и, несомненно, сохранил на себе ангельскую печать, как и имя *Светоносца, Люцифера*, хотя всякое общение с ним, ставшим во главе *«злобы богопротивной»*, в физическом времени также богопротивно. По большинству преданий, один из аспектов *святой Граали* — изумрудная или смарагдовая *Чаша (Calice)*, изваянная из выпавшего третьего глаза Денницы. Онтологическая связь ее с падшим архангелом (хотя и в предпадшем состоянии) является причиной отсутствия упоминаний о ней в официальном предании Западной Церкви, хотя «артуровско-граалевский корпус» нигде и никогда не был предан церковному осуждению. Для православного христианина (Восточного исповедания) мистерии святой Граали полностью тождественны таинству Евхаристии, осуществляемом на Востоке *под двумя видами.* Наиболее полно данная традиция явлена в иконе Божией Матери, именуемой *Неупиваемая Чаша.*

Святую Грааль на Западе также изображают как *Корзину, Короб с рыбой* и *бутылкой (ampule) с красным вином — святой Кровью.*

В *«Трактате о трех словах» (Traité de Trois Paroles) Царь Калид* говорит: *«Петра сия (La Pierre) составлена из всех цветов. Она (elle) бела, красна, желта, небесно-голуба, зелена»* (см. Louis Figuier *L'Alchimie et les Alchimistes.* Préface de René Alleau. Paris, p.36). В свою очередь *ученый Синесиус, епископ греческий,*

(docte Synesius) говорит о *двух Камнях*: *«Уразумей, сыне, яко Великий Бог две Петры во вселенной сей сотвори, белую же и алую, единоподвластны однако суть и тако изобильно произрастают, что всяк из них извлекает колико хочет»* (*Le Vray Livre de la Pierre Philosiphale, du docte Synesius, Abbé Grec, tire de la Biblioteque de l'Empreur dans Trois traitez de la philosophie naturelle non encore imprimez.* Paris, MDC XII, Avec Priuílege du Roy, p.95).

Естественноисторический аспект символики Камня связан с космической катастрофой, вероятно, потопом. Духовная катастрофа, эонического характера, связанная с падением Денницы, имела *временно́е* проявление-символ во всемірном потопе, память о коем так или иначе отразилась в преданиях всех народов. *«Одна за другой приходили катастрофы с небес»*, — рассказывает *Пополь-Вух: Te pe'ape ate pe'ape'a Mai te ra'i Mai.* Небесным образом *падшего Денницы* является планета *Венера*. Отсюда частое именование этой звезды именами *Люцифер* или *Веспер* (см. в частн. *Virgo Lucifera* в *«Химической свадьбе Христиана Розенкрейца»*. Характерно, что некоторые данные позитивной астрономии указывают на ее недавнее появление в Солнечной системе. Таковы, в частности, данные радиометрических исследований британских астрономов, проведенных еще в 1922 году на горе Wilson. Тогда же *Иммануилом Великовским* была высказана гипотеза, что часть Юпитера, отделившись в виде кометы, прошла в направлении Солнца и остановилась между Землей и Меркурием. На *Тирвалорских Таблицах*, атрибутируемых 3000 г. до Р.Х., среди изображений планет Венера отсутствует. Это соответсвует и общепринятой библейской хронологии, согласно которой посещение земли *b'ná élochîm'ami*, и взятие ими в жены «дщерей человеческих» и последовавший за этим потоп происходили между 3500 и 2500 гг. до Р.Х. Связывая, может быть, чрезмерно настойчиво алхимию, то есть науку и язык *Камня*, с появлением *Венеры* (*Афродиты, Урании*, любовного божества, отсюда аналогии камня и фаллоса), *Ж.Карль* и *М.Гранже* в уже упоминавшейся книге *«l'Alchimie: superscience extraterrestre?»*, вероятно, чрезмерно восторженно, пишут: *«Факт очевиден. В древности Венера сияла значительно*

ярче и полнее, чем ныне. Потому-то в пору апогея римской цивилизации она была столь светоносна, что ее называли Люцифером, то есть именно Светоносцем» (op. cit., p.27-28). И далее: *«Алхимия — наука Венерианская, ибо есть знание об использовании космических лучей как источника энергии для трансформаций»* (op. cit., p.36). Данный автор также добавляет, что само слово *venus* означает *«Пришелица»*.

Если считать небесный Камень — Камень-пришелец, точнее, *Петру-пришелицу* (один из аспектов *святой Граали*), привнесенной на Землю в результате «венерианской катастрофы» (эонически, то есть «меж временем и вечностью: см. об этом в т.ч. В.Н.Лосский *«Мистическое богословие Восточной Церкви»*. М., 1993) падением Денницы, неожиданный поворот принимает рассуждение одного из исследователей наследия *Федора Тютчева*. Оно таково:

«В 1833 году Тютчев написал стихотворение:

С горы скатившись, камень лег в долине.
Как он упал? Никто не знает ныне —
Сорвался ль он с вершины сам собой
Или низвергнут мыслящей рукой?

Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса.

(«Probleme»)

В 1857 году Тютчев снова воспроизвел это стихотворение в альбоме Н.В.Гербеля, с вариацией в четвертой строке. Вместо стиха: «Или низвергнут мыслящей рукой» — *написан был стих:* «Иль был низринут волею чужой». *Тютчев существенно исправил текст, хотя и с запозданием почти на двадцать лет. В первой редакции тема двоится и теряет ясность:* «мыслящая рука» — *эпитет сбивает с верного следа. Ведь философский вопрос не в том, мыслящая ли рука толкнула камень или же не мыслящая. Сюжет и проблема этого стихотворения не в руке, но в камне, в том, какова его судьба, каков способ его существования. В альбоме Гербеля появился настоящий эпитет, соответствующий теме: сказано о* «воле чужой», *а это и было важно — к камню приложили внешнюю, чужую силу. Спор идет именно по этому поводу: каковы отношения камня ко всей природе в целом, как связаны в природе элементы — внешней ли связью или внутренней»* (Н.Я.Берковский *Ф.И.Тютчев. Предисловие к сб. «Ф.И.Тютчев. Полное собрание стихотворений»*, Л., 1987, с.22).

Именно через *пресущественное освящение* вся метафизика камня приобретает *пренебесную и небесно-земную* природу — от Вефильского Камня Книги Бытия до стояния на камне Преподобного Серафима в Саровском лесу:

«И отыде Иаков от кладезя клятвенного, и иде в Харран. И обрете место, и успе тамо, зайде бо солнце: и взя от камения места того, и положи в возглавие себе, и спа на месте оном: и сон виде: и се лествица оутверждена на земли, еяже глава досязаше до небесе: и Ангели Божии восхождаху и нисхождаху по ней. Господь же оутверждашеся на ней и рече: Аз есмь Бог Авраама отца твоего, и Бог Исаака, не бойся: земля, идеже ты спиши на ней, тебе дам ю, и семени твоему. И будет семя твое яко песок земный, и распространится на море, и ливу, и север, и на востоки. И благословятся о тебе вся колена земная, и о семени твоем. И се аз есмь с тобою, да сохраняй тя на всяком пути, аможе аще пойдеши и возвращу тя в землю сию: яко не имам тебе оставити, дондеже сотворити ми вся, елика глаголах тебе. И воста Иаков от сна своего, и рече: яко есть Господь на месте сем, аз же не ведех. И оубояхся, и рече: яко страшно место сие: и несть сие, но дом Божий, и сия врата небесная. И воста Иаков заутра и взя камень, егоже положи тамо в возглавие себе: и постави его в столп, и возлия елей верху его. И прозва Иаков имя место тому Дом Божий (Beth'Il — Вефиль)*: Оуламлуз же бе имя граду первее* (Быт., 28, 10-21).

«Видел еси дондеже оторжеся камень от горы без рук, и оудари тело в нозе железны, и скудельны, и истни их до конца. Тогда сотрошася вкупе скудель, железо, медь, сребро и злато, и бысть яко прах от гумна летня; и взят я премногий ветр, и место не обретеся им: камень же поразивый тело бысть гора велика, и наполни всю землю (Дан., 2, 34-36).

Родившийся в *Вифлеемском вертепе* (*Вефиль — Вифлеем; вертеп — Петр веры*, т.е. *Камень веры*). *Спаситель міра* и есть *Камень*, сказавший о *Себе*: *«...несте ли чли николиже в писаниих: камень егоже не в ряду сотвориша зиждущии сей бысть положен во главу оугла; от Господа бысть сие, и есть дивно во огню вашею»* (Матф., 20, 32).

«Глагола им Иисус: вы же кого Мя глаголете быти; Отвещав же Симон Петр рече: Ты еси Христос, Сын Бога Живаго. И отвещав Иисус рече ему: блажен еси Симоне Вар Иона, яко плоть и кровь не яви тебе, но Отец Мой иже на небесех. И Аз же тебе глаголю, яко ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ей. И дам ти ключи Царства Небесного» (Матф., 16, 15-19).

«Иисус же паки претя в себе, прииде ко гробу, бе же пещера (вертеп), *и камень лежаще на ней. Глагола Иисус: возмите камень. Глагола ему сестра умершаго Марфа: Господи, уже смердит, четвородневен бо есть. Глагола ей Иисус: не рех ли ти, яко аще веруеши, оузриши славу Божию; взяша оубо*

камень, идеже бе оумерый лежа. Иисус же возвед очи горе, и рече: Отче, хвалу тебе воздаю, яко оуслышал еси Мя. Аз же ведех, яко всегда мя послушаеши: но народа ради стоящаго окрест рех, да веру имут, яко Ты Мя послал еси. И сия рек, гласом великим воззва: Лазаре, гряди вон: и изыде оумерый, обязан рукама и ногама оукроем, и лице его оубрусом обязано. Глагола им Иисус: разрешите его, и оставите ити. Мнози оубо от иудей пришедшии к Марии, и видевше, яже сотвори Иисус, вероваша в Него» (Ин., 11, 38-46).

«Во едину же от суббот Мариа Магдалина прииде заутра, еще сущей тме, на гроб: и виде камень взят от гроба... Мариа же стояше у гроба вне плачущи. Якоже плакашеся, приниче во гроб: и виде два Ангела в белых ризах седяща, единаго оу главы, и единаго оу ногу, идеже бе лежало тело Иисусово. И глаголаста ей она: жено, что плачешися; глагола има: яко взяша Господа моего, и не вем, где положиша его. И сия рекши обратися вспять, и виде Иисуса стояща: и не ведяше, яко Иисус есть. Глагола ей Иисус: жено, что плачеши, кого ищеши; она же мняци, яко вертоградарь есть, глагола ему: Господи, аще ты еси взял его, повеждь ми, где еси положил его, и аз возьму Его. Глагола ей Иисус: Марие» (Ин., 20, 1, 11-16).

«Имеяй оухо слышати, да слышит, что Дух глаголет церквам: Побеждающему дам ясти от манны сокровенныя, и дам ему камень бел, и на камени имя ново написано, его же никтоже весть токмо приемляй» (Откр., 2, 17-18).

«В глухом лесу на половине пути от келии к монастырю, лежал необыкновенной величины гранитный камень. Вспомнив о трудном подвиге св. столпников, о. Серафим решился принять участие в подвижничестве сего рода. Для сего он восходил, чтобы не быть ни от кого видимым, в ночное время на этот камень для усиления молитвенного подвига. Молился он, обыкновенно, или на ногах, или стоя на коленях, с воздетыми вверх, согласно св. Пахомию, руками, взывая мытаревым гласом: «Боже, милостив буди ми грешному». (Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губ. Ардатовского уезда. Составил *Архимандрит Серафим (Чичагов).* Изд. 2-е, *СПб, Тип. М.М.Стасюлевича, 1903, с.81-82).*

Таковое стояние на камени совершал святой, о котором вскоре после этого в тонком видении Сама Царица Небеси и Земли *сказала: «Сей есть от рода нашего» (там же, с.86).*

В последовании Браковенчания Православная церковь, возлагая на головы жениха и невесты венцы, поет: *«Положиша на главы их венцы от камени честна»*. То же самое поется во время Священного Венчания на Царство Православного Царя и Самодержца, только в единственном числе. *Камень* чрез освящение вновь становится Домом Божиим, Вертепом Воскресения, Чертогом Царским и Брачным.

Стр. 57-60. Принципиальное положение средневековой натурфилософии об аналогической природе всех вещей и всех *Царств* — минерального, растительного, животного и человеческого — предполагает наличие у всех вещей *внутреннего пола*, который, по-видимому, имеет отношение к преумножению феноменов. *Доктор Жуаливе-Кастело* в своих *«исследованиях по гиперхимии»* (см. S.Joilivet-Castelot *La Revolution chimique.* Chacornac, 1925) приводит сообщение советского профессора *Мануйлова* о научном открытии, которое действительно могло бы привести к отказу от так называемых «методов современной науки». К сожалению, нам пока не удалось найти ни подтверждения, ни опровержения результатов *Мануйлова*, равно как и сведений о его судьбе. Так или иначе, о Мануйлове и его опытах дошли только западные свидетельства. *«В ходе своих работ по определению пола людей, животных и планет путем радиоактивных проб. Мануйлов пришел к мысли подвергнуть испытаниям также и некоторые минералы. «Мое внимание, — заявил он* (в беседе, как сообщает Жуаливе-Кастело, с корреспондентом ТАСС — В.К.), *— привлекло наличие двух кристаллических форм у одного и того же минерала — формы куба и октаэдра. В зависимости от формы менялись и химические параметры. Определяя поля, я сопоставлял пробы человеческой крови и спектральный анализ планетного излучения. Они совпадали по аналогии, и точно так же видоизменялись, делясь на два пола, кристаллические формы одних и тех же минералов. Я делал эти опыты с веществами наиболее распространенными, например, с серным колчеданом. Кубические кристаллы серного колчедана (pyryte) при погружении их в инородную жидкость не меняли цвета, то есть вели себя устойчиво, по-мужски, октаэдры, напротив, поддавались окружающей среде и окрашивались в ее цвет, отдавались ей — так ведет себя женщина. Я проводил этот опыт еще с восемью разными веществами, и результаты всегда были одними и теми же... Я не хочу настаивать на том, что открыл существование минерального пола в строгом смысле слова, я просто констатирую существование явлений, которые наблюдал. Однако, после продолжительных экспериментов в этой области, я надеюсь обнаружить и обнародовать систему гармонической классификации всех организмов*

вселенной в категориях мужского и женского, начиная от человека и кончая камнем» (Цит. по Jacques Carles et Michel Granger, *op. cit.*, p.100-102). *«С тех пор, — пишут наши авторы, — никто никогда ничего не слышал о Мануйлове и его опытах, которые ныне погребены под плитою забвения. Тем более было бы интересным, если бы кто-то опубликовал критический обзор трудов этого русского ученого. Какова была истинная природа его опытов? Какие аналогии проводил он с органическим міром? И почему все-таки аллотропия кристаллов так связана с их химическими свойствами?»* (Ibid.)

В нашем контексте, разумеется, важно рассмотреть саму физико-химическую возможность *размножения* и *преумножения* металлов как в макрокосме, так и в микрокосме, в том числе искусственном (атаноре), а также возможность их неядерной, то есть *экологически* и *радиационно безопасной трансмутации*. И не с этим ли связаны настойчивые попытки *Фулканелли* помешать физикам-ядерщикам в их работе, или, во всяком случае, предупредить их о чем-то, как об этом повествуют в книге *Л.Повельс* и *Ж.Бержье*? Источник, повторим, не стопроцентно надежный...

Василий Валентин в *Предисловии о Великом Камне Древних Мудрецов* резко и начисто отвергает все бывшие (и будущие!) обвинения *классической алхимии* в нехристианском, оккультном характере этой науки и тем самым решительно отделяет ее от таких осуждаемых Церковью видов знания, как Астрология и Магия. Это тем более важно, что некоторые современные западные истолкователи полуодобрительно-полупровокационно именуют «адептов Камня» «поддерживающими сатану» (см. указ. соч. Жака Карля и Мишеля Гранже, с.122). Выше мы уже говорили о «двух алхимиях», а теперь выскажем некоторые соображения о герметическом искусстве вообще.

Французские авторы (а их главная концепция заключается в привнесении алхимического знания на землю *венерианцами*, с которыми они отождествляют b'ná élóchim, концепция, в которой следует отделить естественно-историческую и библейскую реальность от оккультного вымысла) утверждают, что данные занятия всегда осуждались Церковью. Здесь следует сказать, что с точки зрения Православного христианина, бе-

зусловно запрещенными являются только *ереси*, осужденные Семью Вселенскими Соборами, последующие же точки зрения как Западной Церкви, так и представителями (даже святыми) Восточной суть точки зрения с большей (иногда почти абсолютной) или меньшей степенью авторитета. И если *Астрология* и *Магия* в их аспектах знания, *навязывающего* человеку те или иные поступки, то есть *посягающие на его свободу* (при том, что Рождественский тропарь прямо освящает *«звездам служащих, звездою учащихся»*), действительно были осуждены Соборами, то об *Алхимии* не говорится *ничего*. Мы можем здесь сослаться только на документы, выпущенные Римской кафедрой после разделения церквей, однако, и они носят достаточно двусмысленный характер. Так, в 1163 г. *Папа Александр III* провозгласил на Тридентском соборе отлучение монахам, занимающимся физическими и естественными науками. Вскоре последовала булла *Папы Гонория III*, в которой сказано: *«Изучение физики, медицины и естественных наук запрещается под страхом отлучения от Святого Причастия»*. В 1287 *святой Доминик* также осудил публично всякие занятия *химией* (справочный материал см. в *указ. соч.*, с.120-126). Данные запрещения даже внутри Римо-католической традиции можно понимать как весьма широко, так и очень узко, в том числе и как предостережение против т.н. «позитивной химии» и ядерной физики, что делал и Фулканелли. Отметим, что в русской средневековой книжности, в т.ч. церковной — от Летописей и Хожений до *св. Димитрия Ростовского* — есть очень много отсылок к алхимическим и герметическим трактатам. Сам *Гермес Трисмегист* изображен на фресках галереи Благовещенского собора Московского Кремля и в Успенском соборе (см. об этом А.В.Чернецов *Золотые двери XVI в.* М., 1992, Р.В.Багдасаров *Культ «эллинских философов» в политической идеологии допетровской Руси.* РГГУ, М., 1992).

Для того, чтобы констатировать христианский или нехристианский характер «искусства Камня», следует рассмотреть вопрос о *превышении* или *непревышении* пределов человеческого в соотношении с *Божественным и Богочеловеческим* в данном искусстве. В связи с этим небесполезным может оказаться для нас суждение православного богослова XX века *Архимандрита Киприана (Керна)*:

«Откуда-то в полном молчании и из какой-то бездны ночного мрака, из небытия (выделено Арх. К.) *вдруг сверкнет* какая-то яркая искра (выделено нами — звезда Инеиста Меропе? — В.К.). *Наш мір пронизан невидимыми лучами Божественного Света, исходящего от Первоисточника всякой жизни и света. Духу человека* доступно сияние этих лучей (выделено нами — В.К.). *В молчании нашего духа, во мраке несуществования вдруг откуда-то приходит эта искра божественной мысли, отблеск божественной Премудрости и пронзает молчащий ум наш. <...> Творчество есть тайна, как тайна есть и жизнь. Мы — образ Творца, наш ум пронизывается искрами-брызгами вечного Логоса, нам повелено быть творцами. Мы ждем в ночной тишине* («философском море» — В.К.) *этих звуков,* осколков из иного міра (выделено нами — В.К.). *Мы им внимаем, но что суть они, и что есть самое творчество, мы не знаем и не узнаем никогда. <...> В этом таинственном процессе творчества, в возникновении новых образов, слов, звуков, не существовавших ранее, есть нечто общее с актом самого творения міра, конечно, творчество человеческого гения не есть создание из абсолютного ничто, но все же это есть творение, не существовавших до того ценностей. Бог «творит в начале» — bereshit bara — из совершенного небытия. Человек же, по слову Паламы, «творит вещи из ничего,* разумеется, *не из совершенного небытия, что есть дело Божие», но все же* из небывалого до этого материала. <...> Творчество наше символически отображает міротворчество (выделено нами — В.К.). *(*см. Архимандрит Киприан (Керн). *Антропология святого Григория Паламы.* М., «Паломник», 1996, с.372-374*)*.

Итак, небеззаконие творчества отличается от демиургических, оккультно-магических притязаний прежде всего созиданием — в том числе и теургическим — *из определенной данности*, а не *из ничего*. При этом как данность, так и потенциальная заданность может быть сколь угодно тонкой, последняя даже *преестественной («слово убивающее и оживляющее»)*, как говорил о Псалмах Царя Давида *преп. Нектарий Оптинский.* Но по сути о том же самом, разделяя созидание *семени* и распространение и внедрение уже посеянного, говорит на символическом языке металлов и минералов и Василий Валентин. Говорит именно в связи с разделением Божественного и человеческого, отвергая «демиургическое» и соответственно возможные обвинения в нем — прошлые, современные ему и будущие. А постольку, поскольку *символ* есть *символизируемое*, а *«имя вещи есть предел смыслового самооткрывания вещи»* (А.Ф.Лосев. *Философия Имени.* В кн. Алексей Федорович Лосев *Бытие. Имя. Космос.* М., «Мысль», 1993, с.841), то *«слово, или понимаемый смысл, выявляет себя в умной, смысловой энергии,*

вбирая в себя из инобытия, его принципиальную растекаемость и превращая последнюю в собственную смысловую заряженность, т.е. тут слово = тезис, а логическое его инобытие = антитезис, и умная энергия = синтез (эту энергию можно именовать словом в собственном смысле), наконец, умная энергия, в параллели к тому, чего энергией она является, т.е. в параллели в личности, выявляет свою личностную природу, т.е. утверждается заново как некая личность, хотя уже и ни в субстанциональном смысле, как первоначально именуемая личность, только в умном и смысловом отношении, т.е. умная энергия тут = тезис, и инобытие = антитезис, и имя = синтез. Таким образом, между вещью и ее именем существует, по крайней мере, четыре самостоятельные диалектические ступени. Итак, имя вещи есть энергийное выражение личностного выражения вещи, активно утверждающее понимание самопонимания личности, умное общение вещи с чем бы то ни было, сознательно и активно насаждаемое и повелительно манифестируемое его самого» (см. там же).

Поэтому алхимическая терминология (*золото, камень* и т.д.) выражает прежде всего *умную* реальность и только затем и постольку, поскольку это является ее следствием — физическую. Собственно говоря, для *классической алхимии* трансмутация металлов и «размножение» золота не только не является целью, но и осуществляемо в последнюю очередь — трансформация материальной вещественности есть только *знак, означающий значимое* — происходящее, собственно внутри *умной сущности мастера.*

Алхимическая печь-атанор есть *микрокосм*, то есть образ *макрокосма* и одновременно, как и всякий образ, в известном смысле — и первообраз. Целью *Великого Делания* является то, что *уже происходит* в земных недрах, и *в этом смысле* алхимик не творит из ничего и не вступает в отношения Богоборчества. И в этом смысле *искусство Камня* оказывается такою же разновидностью *художества*, как и все остальные. Более того, классическая алхимия признает *Камень (Петру, Царя) за образ Христа*, уподобляясь тем самым иконописи Восточной Церкви. Об этом прямо говорит *Император Австрийский Фредерик III из Дома Габсбургов* в трактате, подписанном *A&IOU* (*Austriae & Imperare Orbi Universo*, 1617, p.265). Его же поддан-

ный, *маркиз Эрманштадтский*, утверждает, что путь Камня повторяет Крестный путь Христа, выраженный через святую Мессу (*Symbola anerea mensae duodecim nationem, hoc est Hermae sen Mercurii fst ab heroibus duodenis selectis artis chemicae usu sapientia & authoritate paribus, celebrata ad Pyrogolniuen sen adversarium illum tot annis jactubundum; virgini chemiae injuriaci.* Francfourt, 1617). К этому мы еще вернемся.

Эжен Канселье дерзает утверждать, что *алтарь и атанор* суть два пути к одному и тому же — Спасению (Указ. соч., с.270).

Высшее лекарство, гостия (пресуществленный хлеб — Тело Христово — В.К.), — *утверждает наш автор, — есть то, что Восточные* христиане (выделено нами — В.К.) *именуют углем.* Христос есть *живой* угль, *как и для алхимиков таинственный плод Великого Делания есть* Угль Мудрецов, *и это тот угль пылающий, который был вложен в уста пророка Исаии* (см. Иоанн, гл.VI, §7)» (E.Canseliet, op. cit., p.27).

При этом в Греко-Православной Церкви, евхаристическое приношение именуется Δωρον (*Dôron, Don, Дар*) — именно так именует Э.Канселье *«Философский Камень, доведенный до совершенства»* (op. cit., p.271).

Но если для *Канселье* алхимическое Великое Делание вполне тождественно христанской Евхаристии, точнее, ее *образу*, то для *К.Г.Юнга*, исследовавшего феномен алхимии *извне*, с точки зрения своей «аналитической психологии», дело обстоит несколько, если не полностью, иначе:

«Невозможно отрицать, что сказка, как и алхимия, показывает духа Меркурия преимущественно в невыгодном освещении, и это тем более поразительно, что позитивный аспект Меркурия соотносит его не только со Св. Духом, но и — в форме Камня — с Христом, а как «триединство» — вообще со всей св. Троицей. Все выглядит так, как если бы именно эти соотношения заставляли алхимиков всячески подчеркивать темную и сомнительную природу Меркурия, и это обстоятельство решительно подрывает гипотезу о том, что под своим Камнем они подразумевали, собственно, Христа. Если бы все было именно так, то зачем потребовалось бы переименовывать Христа в Lapis Philosophorum*? Самое большее, Камень есть* corresponentia, *или* analogia Christi, *в физическом мире. Его символизм, как и символизм Меркурия, составляющего его субстанцию, психологически указывает на самость, и то же самое делает символическая фигура Христа. В сравнении с чистотой и однозначностью символа Христа Меркурий — Камень выказывает себя двусмысленно, темным, парадоксальным и совершен-*

но языческим. Он, следовательно, репрезентирует ту часть психе, которая в любом случае не была оформлена по-христиански и потому никак не может быть выражена символом «Христос»... Камень выражает, собственно, ту сторону самости, которая стоит особняком, привязана к природе и неадекватна духу христианства. Он репрезентирует попросту все, что было исключено из христианской идеи... Меркурий как «deus terrestris» *имеет в себе нечто от* «deus absconditus» *(потаенного Бога), составляющего существенный аспект психологической самости, которую ничто не может отличить от образа Бога — кроме веры, не подлежащей и недоказуемой»* (Карл Густав Юнг *Дух Меркурий*. М., «Канон», 1996, с.58-69). Далее классик аналитической психологии утверждает: *«Христианскому сознанию темный «другой» всегда и повсюду видится дьяволом. Как показано выше, Меркурий избегает опасности сделаться объектом этого предубеждения — но лишь на волосок, и избегает он ее благодаря тому обстоятельству, что почитает недостаточным себя оппозиции a tous prix»* (там же, с.64).

Игнорировать данные замечания мы никак не можем. Можно даже утверждать, что с точки зрения характерного для *западного* христианства жесткого разделения тварного и нетварного міров, на чем в ходе *паламитских споров* настаивали сторонники *Варлаама Калабрийского*, Юнг, безусловно, прав. Но именно это и открывает современному читателю некую тайную сторону средневековой алхимической натурфилософии, развивавшейся *внутри католического міра*, отвергшего учение о Божественных энергиях. Дело в том, что и *Василий Валентин*, и *Ириней Филалет*, и *Николай Фламмель*, и *Сендивогий*, по сути, из восточной метафизики и *исходят* и «зашифровывают» ее в терминологии *Меркурия* и *Камня*, *серы* и *соли*. И если с Римо-Католической точки зрения таковая натурфилософия действительно заслуживает если не осуждения, то, по крайнее мере, некоего параллельного существования с августино-томистским богословием, то в перспективе Восточно-Православного христианства (в его полноте, а не одностороннем истолковании), дело обстоит здесь сложнее. Вот что, например, писал *святой Григорий Палама* и что вполне может быть выражено и на «языке Камня»:

«Эта Божественная Сверхсущность никогда не называлась множественною, но Божественная и несозданная благодать, нераздельно распределяемая на подобные солнечного луча, и греет и светит, животворит и возвращает, посылает озаряемым свое собственное сияние и является взору видящих его. И в этой, как бы темной иконе (выделено нами — В.К.) *Божественная энергия Божия не только одна, но богословы, как например, св. Василий Великий, называют ее множественною. «Каковы, — спрашивает он, — термины Духа? Несказимы по своему величию;* неисчислимы по множеству (выделено нами — В.К.). *Ибо как поймем мы то, что по ту сторону веков? Каковы были действия Духа прежде умопостигаемой твари?» Божественная энергия и Божественная сущность* неотделимо повсюду (выделено нами — В.К.) *присутствует». (Св. Григорий Палама.* Цит. по Архим. Киприан. *Указ. соч., 291).*

В связи с этим небезынтересны замечания К.Г.Юнга, сделанные им в том же труде:

«Психологическим моментом высочайшей значимости представляется в исторической ретроспективе предложение гуманиста Патрици Папе Римскому Григорию XIV поставить в церковном учении на место Аристотеля герметическую философию. В то мгновение соприкоснулись два міра, которым в будущем — Бог знает, после каких еще событий? — суждено объединиться» (К.Г.Юнг, Указ. соч., с.70).

Нам представляется, что осмысленной такую постановку вопроса можно считать прежде всего для западнохристианского міра. Осуществленный в Православии «паламитский синтез» снимает данную проблему. Иное дело, что сам этот синтез пока что до конца не осмыслен.

Мы также не можем не отметить, что опасности самоотождествления с Божеством и демиургизма Великого Делания осознавали и сами алхимики, в частности, *Фулканелли*. Предупреждая против спагирического пародирования міротворения, он сам же напоминает о том, что алхимика порою именовали *singe de la creation* (обезьяна творения). (*Demeures Philosophales*, p.255). Современный русский литератор *Олег Фомин* в одной из наших бесед чрезвычайно удачно назвал Великое Делание «мартышкиным трудом», сославшись, кстати, на виденную им средневековую гравюру с изображением множества мартышек, столпившихся у атанора. В то же время само слово *Singe — «обезьяна»* может быть корнесловно перестроено в *signe = «знак»* и тогда Великое Делание обращается из «мартышкиного труда» в Знак Творения, пародия — в печать = кназь→князь, а бедная *обезьяна (о, бес она!)* становится *«без изъяна»*.

«Ведомый аналогиями, — пишет *Фулканелли, — алхимик в малом и малыми средствами осуществляет осуществляемое Богом во вселенском космосе. Там — великое, здесь — малейшее. Между этими двумя полюсами, о которых почти невозможно даже помыслить, обнаруживается относительно-подоб-*

ная природа человеческой воли. Бог создает из ничего: он творит. Человек вносит свою частицу, соучаствует в творении, преумножает. Так микрокосм расширяет макрокосм. Все есть цель всего, самобытие, наше земное вестничество и весть спасения. Вверху Бог, внизу человек. Между Бессмертным Творцом и смертной тварью сотворенное естество. Уразумей: ты ничего и никогда не создашь без сосозидания с Первосозидателем, не поработив добровольно свою временную волю Его вечной всевольной работе. Все классики единодушны в том, что Великое Делание имеет пределы, ограниченные человеческими возможностями, и есть только образ Делания Самого Бога. Только через осознание сего и самоусовершенствование Адепт получает доступ к Древу Жизни и наслаждается блаженством плодов Сада Гесперид (Ibid., p.255-256).

Так последний проявившийся во времени Мастер утверждает принципиально *не магический* характер Великого Делания в его классическом, не спагирическом варианте. Тем самым мы можем отделить классическую алхимию от т.н. «оккультных наук». Однако, меж ними есть и общее. В частности, алхимическая концепция о различии родов металлов или *металлических расах* является следствием признаваемого этой наукой за основной *закон аналогии*, о котором наиболее отчетливо говорил *Фулканелли*.

Так свойственный человеческим царствам законы неравенства распространяются на тварные внечеловеческие царства. И если «позитивная химия» не знает принципиального деления металлов на благородные и неблагородные, то средневековая натурфилософия, по сути, основана на принципах *иерархии*, благородства и расового отбора, распространяемых и на т.н. «неорганическую природу» (хотя как вообще «природа» может быть неорганической? — не органично только негативное, сатанически понимаемое небытие!). Слово *благородный* и следует рассматривать по прямому значению этого слова — *благо рожденный* и *благо зачатый*. «Порода» и «чистота крови» зависят прежде всего от качества самого зачатия. Анонимный славянорусский трактат *«О двенадцати пятницах»* утверждает о календарно не подобающих для зачатия днях:

«Аще кто в те дни содеет что скверно или со женою своею, аще и в законе пребудет, то отмстит Бог в животе сем веце. Аще зачнется у него детище, то будет слеп, или глуп, или глух, или тать, или разбойник, или татьбу начальник». (Цит. по *«Памятники отреченной русской литературы, изданные и собранные Николаем Тихонравовым»*. М., 1963, с.38).

Михаил Сендивогий в трактате *Cosmopolite ou Nouvelle Lumiere de la Physique Naturelle*, описывая метафизику зачатия как попадания сверхсущественного семени чрез *поры* земли в ея *пещеры, (cavernes), вертепы*, утверждает:

«Восприемница растительного семени — земля, животного — матка самки, а восприемница семени минеральных вод — стихия воздуха и заметь, что всякое восприятие семени ведет к сгущению, замерзанию (congelation) плоти и таково переваривание, каково и растворение, таково гниение, каков и распад...

Необходимо, чтобы поры телесные отворились дабы сперма проникла в самый центр семени женского, яйцеклетки, которая есть стихия воздуха и на самом деле уже только там истинная матка , там застывание и там определение — чисто, нечисто или получисто наше зачатие. Помни только, что когда мы говорим о семени, говорим о невидимом, незримом, зрима же простая сперма (Cosmopolite, p.31).

Восьмая глава *«Космополита»* носит название *«О сосмешении (commixtion) металлов и о том, как извлекать металлическое семя»*. В этой главе вопрос о *«металлическом зачатии»* рассматривается еще более подробно и в контексте средневековой *космо-* или *астрогеологии* (которую следует отличать от гадательной астрологии, особенно современной). Это следует также помнить в связи с тем, что уже вскоре после упоминания о формировании металлических рас и в связи с ним Василий Валентин рассказывает о *«собеседовании планет»*.

Итак,

«Ведай, что жена есть то же самое, что и муж, ибо происходят от одного семени и в одной матке; жена не виновна в растворении, но когда кровь и соль в матке более чистые, рождается муж. Так и Луна от того же семени, что и Солнце (Soleil → sel + ale → соль + брага; тж. Soleil = Sel, «соль земли», «солнце правды»; тж. Луна = Selena = соль она — В.К.) *оба светила единоматричны (d'une meste matrice), однако для рождения Луны матка должна быть наполнена более водой, чем кровью, и эту воду следует растворять в зависимости от фаз Луны, которая на небе. Но дабы тебе было легче понять, как металлы встречаются между собою и вступают в соитие, как испускают семя и восприемлют его, наблюдай Небо, его Сферы*

и Планеты. Ты увидишь, что из них высочайшим существом является Сатурн, за ним следует Юпитер, и далее Марс, Солнце, Венера, Меркурий и, наконец, Луна. Добродетели планет в их чинопоследовании не восходят, но нисходят — Марс может снизойти до Венеры, но никак не наоборот — таков закон сферы. Тем более Юпитер превращаем в Меркурий, как более высокий, последний же в нашем сопоставлении — предпоследний в общем ряду. Итак, Сатурн — высочайший. Луна — нижайшая, Солнце же строго посредине... Отсюда замечай, что теснейшая связь, как у крайних соответствий, — у Сатурна с Луной. Солнце самодостаточно, ибо посредине, а вокруг него взаимосообщаемы Меркурий и Юпитер, Марс и Венера. Большинство Тружеников (Operateurs) хорошо знают, как преобразовывать (transmuer) Железо в Медь без участия Солнца, равно как и Юпитера в Меркурий, но найдется ли хоть один, способный из Луны соделать Сатурна? А ведь только тот, кто научится таким образом управлять Естеством, обретает драгоценнейшее изо всех сокровищ міра. Вот почему я хочу, чтобы ты знал, какие металлы соединять меж собою, какие из них естественно соестественны по Естеству. Вот почему есть металл, способный поглощать их всех, как вода и мать, и нет ни единой вещи, способной противостать ему, влажному корню Солнца и Луны... и я открою тебе его — это Сталь (Acier), во всяком случае так его называют. Если хотя бы раз эта вещь соединится с Солнцем или наоборот — Солнце со Сталью, и Солнце испустит семя и ослабнет до полусмерти или даже до смерти. Сталь породит сына, более светлого, нежели отец. Если семя этого сына попадет в матку, оно очистит ее и породит чад, еще более родовитых. Но есть и еще Сталь, металл иной, нежели Естеством порожденный, и вот у него-то сила необыкновенна, и его извлечь можно из лучей Солнца, и его ищут люди, и он есть начало нашей работы» (Cosmopolite, p.35-37).

Обращая внимание на понятие *Стали (Acier)*, которую анаграмматически часто записывают *Aries (Овен), Ириней Филалет*, называющий эту сущность *Сталью Мудрых (Acier des Sages)*, пишет:

«Автор Нового Света говорит об этом предмете искренне, но в очень затемненной манере».

Указывая на то, что *Acier = Aries* есть невидимая *звезда полюса*, то есть *Звезда Царей*, автор трактата *«Врата Отверсты Царска Дворца Затверста»* разъясняет об *Acier = Aries*:

«Волхвы видели ее с Востока и созерцали в восхищении (emerveillés), узнав по ней, что искреннейший из Царей должен родиться в мір» (Chapitre III. *De l'Acier des Sages*).

Именно небесное сияние, *Сталь (Acier)*, привело трех царей к яслям Богомладенца, Которому они принесли в дар *золото*, а по смерти Его мір обрел *Святую Кровь*, *«высочайшее*

лекарство для всех трех царств земли». (Eyrenée Philaléth. *L'Entrée Ouverte au Palais Fermé du Roi*, Paris, 1964, p.34). Сталь как металл блистающий есть одновременно *зимний иней* невидимой міру *Звезды Мудрецов и Царей*, на которую *Любовь Мудрых*, она же *Магнит Мудрых (Aymant des Sages)*, указывают как на *Звезду Севера, Полярную звезду*, хотя и невидимо-сокрытую.

«...наш Магнит (Aymant) имеет открытый центр, изобилующий солью. Эта соль — месячные (menstrue) сферы Луны, или малое кальцинирование золота. Центр сей, по своему своеобразному наклону, естественно повернут в сторону полюса, где достоинство нашей Стали (Acier) наиболее возвышенно. Там, на полюсе, сердце Меркурия, истинный огонь и покой Божий. Плывя (Navigant) по широкому морю дабы причалить к той или иной Индии, мы сверяем наш Компас (= Aymant = Магнит = Любовь) по северной звезде, которую он указывает» (Ibid., p.34).

Но если *Сталь (Aries)* есть очищенное *железо*, то не случайно Историко-Космологическое обрамление *Рождества Христова* предстает у *святого Димитрия Ростовского* как торжество *Железного Века*.

Что при Натуре людской себе водворяешь?
Или мене крепчайша над себе не знаешь?
Удержишь ли прелесть в десницы ты сущу,
Егда мою железну пулю испущу?
Зри злато и железо катится еднако,
Не можешь быть лучшим над мя, веруй всяко:
Златыми ли часами людей уловляешь —
В своя сети, а моих железных не знаешь!
Аз убо совокуплю со железом злато
Да весть Натура, яко есть не злато, блато
Не будешь от союза сего расплетенный,
Но во век со мною будешь слученны.

(Указ. соч., с.223)

Стр. 62-63. Брачная символика, используемая Василием Валентином, существенно отличается от схоластических построений позднего средневековья и чрезвычайно близка более древней Восточно-православной мистике. *«Одна любовь соединяет создания и с Богом и друг с другом»*, — писал *Авва Фалласий* (*Творения в русском переводе*. М., 1984, слово I, гл.I.) *«В браке души соединяются с Богом неизреченным неким союзом»*, — вторит ему *св. Иоанн Златоуст* (*Беседа на Ефес.*, 5, 22-24). При этом *«любовь такова, что любящие составляют уже не два, а одного человека, чего не может сделать ничто, кроме любви»* (*Беседа 33 на I Кор.*). Обращение к символике брака Царя и Царицы в образах металлов позволяет нам в связи с этим привести первоисточник, из которого черпали вдохновение многие мистики Запада, хотя на Востоке он был общепризнан. Это *Corpus Areopagiticum*, составленный из сочинений *святого Дионисия Ареопагита* (I в.), которого французская традиция отождествила со *святым Дионисием Парижским* (*Saint Denys* V в.). *Corpus Areopagiticum* содержит учение о Божественном Эросе, существенно отличное от платоновского и от юридико-моралистического, характерного для некоторых ответвлений христианского умостроя. Цитируя в трактате *О Божественных Именах «Гимны о Любви святейшего Иерофея»*, он пишет:

«Назовем ли мы Эрос божественным либо ангельским, либо душевным, либо физическим, давайте представим Его себе как некую соединяющую и связующую Силу, подвигающую высших заботиться о низших, равных общаться друг с другом, а до предела опустившихся вниз обращаться к лучшим, пребывающим выше». И далее: *«Мы назвали многие, из единого Эроса происходящие Его виды, перечислив их по порядку, как то знания и силы, пребывающих в мiре и надмiрных Любовей, где превосходствуют, в соответствии с предложенной разумом точкой зрения, чины и порядки разумных и умственных видов Эроса, вслед за которыми умственные-в-собственном-смысле слова и божественные стоят выше других поистине прекрасных тамошних видов Эроса. Они подобным образом у нас и воспеты. Теперь, собрав их все в длинный свернутый Эрос, давайте соберем и сведем из многих и их общего Отца, сначала слив в две из них все вообще любовные силы, которыми повелевает и предводительствует совершенно для всего запредельная Причина всякого эроса, к каковой и простирается соответствующая каждому из сущего образу общая и для всего сущая любовью»* (Дионисий Ареопагит *«О Божественных Именах. О мистическом богословии»*. СПб, «Глагол», 1994, пер. Г.М.Прохорова, с.131).

Комментируя *Corpus Areopagiticum*, *Преподобный Максим Исповедник* разъяснял: *«Причина зла при распущенности — желание, действующее вопреки смыслу. Но само по себе желание — благотворящая сила, устремляющая словесных к истинному Благу, а бессловесных к тому, что необходимо для продолжения их рода* (там же, с.177).

В связи с различением между собственно *эросом* и конкретно-чувственным его воплощением средневековая натурфилософия различала *семя* как метасубстанцию и *сперму* как собственно субстанцию, или биосубстанцию. *«С точки зрения тонкого плана здесь речь идет не о материальном семени, но о его нематериальном дубликате»*, — комментировал *барон Юлиус Эвола* (Метафизика пола, М., 1995, с.245), ссылаясь при этом на *Парацельса* (*Serritti scelti.* Milano, 1943, p.140), который писал так: *«В матке находится притягивающая сила, подобная магниту, это она привлекает семя, принимая в себя сперму, а затем взращивая зародыш»*. Наиболее подробно учение о метабиологической природе зачатия развивал *Cosmopolite* (*Михаил Сендивогий*) в своем трактате *Nouvelle Lumen Chemicum* (Paris, 1669), который мы цитируем по его французскому варианту *Cosmopolite ou Nouvelle Lumiere de la physique Naturelle.* Traduite de latin en Français par le Sieur dé Bosnat M.D.C. XVIII (РГБ, Музей книги). Для Сендивогия *«сперма есть эссенция видимая, но семя невидимо и напоминает живую душу, которую мы не найдем среди мертвых вещей»* (p.8). *Естество*, или *Натура (Nature)*, есть постоянное творение и *воление (volonté)* Бога, оно *«волением составлено из семени и Стихий (Elements)»* (Там же). Отсюда подробно развиваемое этим автором учение о *металлическом семени* и *металлической сперме*. Оговорив вначале различие между семенем и спермой, натурфилософ-алхимик далее сознательно переставляет эти понятия с места на место, путая и мешая их так же, как следует смешивать *«род (расу) металлов»* и *«расу (род) вообще»*, философское море и море как таковое и т.д. Исключение делается только для непостижимой и неопределимой сущности-бездне *Божества*, в чем алхимическая традиция опять-таки ближе к традиции Восточной, чем к Западной.

Космополит пишет:

«Поскольку сотворенное Естество есть все, чего пожелает сперма, оно есть только орудие в руке художника. Сперма каждой вещи важнее и полезнее для художника, чем даже само Естество: ибо в Естестве ничто не создается помимо спермы, которую золотых дел мастер не может извлечь без огня, а труженик без зерна. Трудись над семенем или спермой, и в зависимости от твоего труда естество произведет или добрый плод, или дурной. Отношение его со спермой подобно отношению Бога со свободною человеческой волей. Ибо сперма есть Эликсир, или пятая сущность (quintesssence) всякой вещи, свершение отваривания и переваривания сей вещи или, иначе, серный бальзам (balme du soulphre), то есть влажный корень металла» (p.8). *При этом* сперма *сама порождается* «волею Бога и воображением Естества» (p.9).

Естество (Nature) *в данном контексте выступает как некая сущность* женского рода, *обладающая «воображением», то есть* своеобразная «художница», что сближает ее с *Софией Премудростью*. Космополит утверждает, что по подобию проникновения мужского семени в матку, невещественное звездное семя *«изливается в средину земли, притягиваемое силою Магнетическою или Любовною (Magnetique ou Aymantine»* (по-французски *«aimantine»* означает также «магнитный» — В.К.). *«Все и вся имеет свой исток в этом потоке»* (p.9). И далее: *«Точно так же семя или сперма, излитая (ietté) четырьмя Стихиями как в центр земли, так и в различные ее места порождает и вещи различные, ибо качество всякой вещи зависит от того, где она зачата: в чистой земле или чистой воде зачинаются и возрастают чистые вещи. Семя, или сперма, всех вещей единоприродна, вещей же множество, и суть их текуча. Так и семя человека, благородное по природе, порождает людей, но — и это дело свободной воли — способно породить выкидыш (auorton) или некое Диво (Monstre)... При бесчеловечном и отвратительном смешении человека со зверем могут рождаться животные, похожие на человека.* (Удивительное по своей ясности знание о происхождении питекантропов, неандертальцев и т.п.!) Согласно *Сендивогию*, благородство искомого металла зависит от близости оседания металлического семени к центру земли, а разнообразие их связано с разнообразием философских пещер. Так происходит и возрастает *«и дерево, и металл, и трава, и камень, и всякая вещь»* (p.12).

Философская печь, или *атанор*, и создается по образу матки, матрицы (matras), или, что то же самое, земных недр, в которых металлы выращиваются и превращаются тайно, скрыто и незримо от человеческих глаз. Всякому грибнику известен так называемый «эффект белого гриба» — однажды увиденный, он перестает расти и сгнивает. Характерно, что это касается только белых грибов — наиболее «благородных», «грибного золота» — даже на подосиновики «эффект» уже не распространяется. Удивительным образом положения средневековой натурфилософии подтверждаются современной квантовой физикой, в частности *«принципом дополнительности» Нильса Бора* — поведение элементарной (sic!) частицы (частицы-волны) зависит от наличия наблюдения и положения наблюдателя.

Для русского читателя безусловный интерес представляет совпадение положений современной физики, европейской алхимии и славянской народной натурфилософии. Заметим сразу, употребление здесь слова *язычество* следует понимать не как богопротивное *идолослужение*, а как *именование вещей, «свет во откровение языков»*, не противоречащее Православно-исихастскому учению о *Божественных энергиях* и *Божественных Именах*.

«Развитие уже совершается в міре, — писал А.Н.Афанасьев, — *обитаемом людьми, на Мать-Сырой-Земле, на которую с Буяна-острова приносятся семена, и которая воспринимает их в свое лоно и дает им тысячи разнообразных выводов в дальнейшем процессе жизни (*А.Афанасьев *Языческие предания об острове Буяне.* В сб. *Временник Императорского Московского общества Истории и древностей Российских,* кн.9. М., 1855, с.16*)*. Замечательно, что корпус преданий об острове Буяне вполне тождествен языку Великого Делания. Согласно карпаторусским представлениям, семя порождено Божественной стихией *моря*, тождественного Адамовой крови. Согласно *Азбуковнику*, *кровь* создана от *морской воды*, то есть стихии Божественной, сущей (см. УОИДР, вып. 3-й, с.188-189). Интересно описание моря, посреди которого стоит остров *Буян*. Это море тождественно «высоте поднебесной», Раю или *Гиперборее*:

Стаде муня даре дијелити
Даде Богу небесне висине
Светом Петру петровске врутине,
И Јовану леда и снијега,
А Николи на води слободу,
А Илије муние и стријеле

(муня — молния, обозначавшаяся у германцев руной ᛋ «zieg» — победа, кстати, одним из родовых имен Меровингского дома — вспомним имена *Зигфрид, Зигмунд, Зиглинда* и т.д.).

Колись то було з початку света,
Втоды не була неба ни земли,
Неба ни земли, ним сине море.

При этом *«среди синего моря стояло два дуба, на них сидело два голубя и говорили: спустимся на дно моря и достанем дрибного песку, синяго каменя — достали и создалась из песку земля, со всеми растениями, а из камня — небо, солнце, месяц и звезды»* (А.Афанасьев, *указ. соч.*, с.67). *Море* или *Океан-море, Мать всех морей, Хорутан-свет вода*, связь которого со своими же порождениями глубоко тождественна: *«Кая мать дети своя сцет? — отгадка: море»* (Архив Калачова № 48).

Болгарская (Тырновская) рукопись XV в. приводит такие вопросоответы: *«Вопрос: да скажеши що дрьжит землю? рече: воды висока. Да що дрьжит воду? ответ: камень плосень вельми. Да что дрьжит камень? рече: камень дрьжит 4 китово златы. Да що дрьжит китово златы? Рече: река огненная. Да що дрьжит того огня? Рече: други огнь, еже есть пожечь того огня 2 части. Да что дрьжит того огня? рече: дуб железны, еже есть прьвопосажен* (т.е. древо жизни, предсущее по отношению к человеку) *от своего же корение на силе Божией стоит»* (Цит. по А.Афанасьеву, *указ. соч.*, с.10).

Остров Буян — страна и физическая и не физическая, мысленная, «философская». *«Ирий»* — (Рай) — с одной стороны она в дальней дали, с другой — вхождение в нее по-

всюдуместно. В *ирий* улетают на зиму птицы и удаляются гадюки, уходя под корни в день Воздвижения, когда над міром возносится *Древо Крестное. Семена из Ирия* порождают все вещи потому, что там находятся *всем вещам вещи.* Стережет остров Буян *инарокая змия Гарафена* или *змия Македоница — всем змиям старшая.*

Гарафена змия лежит на *Руне*, а *Руно* — на *Златом Камне* под липовым кустом у *дуба*, который *ни наг, ни одет.* Этот Камень — *«камень-алатырь, никем неведомый, под тем камнем сокрыта сила могуча, и силе нет конца»* — по слову народного заговора. *«Бел-горюч камень разгарается»* — так часто поется в народных песнях. По поверью, на Воздвиженье змеи собираются в кучу в ямах, ярах и на городищах: там является *белый светлый камень-алатырь.* Змеи излизывают его весь и тем насыщаются на целую зиму (см. А.Н.Сахаров *Сказания Русского народа*, т.1, с.21). При этом целью *ратного* (или *конного*) человека — достать из-под Камня-Алатыря, *охраняемого змеем*, ключ от *богатырской силы.*

На Дубе, на котором висит *Руно*, а под Руном *Камень — «дуб мокрецкий, ни наг, ни одет»*. Дуб стоит на острове Буяне на Святой Горе, а под дубом живут *седмь старцев, ни скованных, ни связанных.* К ним приходит еще старец, приносит *тьму черных муриев* и говорит: *«Возьмите и колите их»*. Закалывая *«муриев»*, или *«эфиопов»*, старцы *«запирают руду»*, то есть *останавливают кроволитие на земле.* Отсюда загадка: *«идет старец, всем ставец, несет печать на руду»* (указ. соч., т.1, с.24).

Ирий — царство райской любви, суть которой — *хоть*, бесстрастный, но могущественный *эрос*, своего рода *всесупружество.* Земная любовь — бледный и исковерканный образ *хоти — похоть. «Лежит достка, на ней тоска — отгадка — полюбовники»* (Там же). Сама же *райская любовь* отождествляется с поиском *Камня* и *Царицы-Премудрости.* Даже Солнце и Золото именуются в женском роде. От Царя-огненна-щита богатырь едет дальше — в солнечный град к *Царь-Девице...*

Райские семена (иными словами, в каноническо-православном употреблении, выработанном св. Григорием Паламой, *«Божественные Энергии»*) порождают и *органические формы,*

взращиваемые в земных недрах от *вечного огня*. При этом речь идет здесь об огне уже вполне вещественном и о *применении пресущественного*, а не об адском огне, который не может иметь конкретного физического местоположения, но сам приуготовляется совершаемым злом (в некоторых толкованиях сам адский огонь есть тот же Божественный огонь, невыносимо-мучительный для согрешающего).

Сами же предания об Острове Буяне и Камне Алатыре имеют не языческий в негативном, связанным с идольской жертвой, понимании, а *адамический*, *райский* и вполне аутентичный Православному христианству характер.

Стр. 62. В качестве одной из возможных гипотез появления образа трех алхимических начал и особого «химического брака» можно предложить следующее. Как и образ «восстановленного Царства», утраченного на Западе уже в VIII в., образ, который следовало зашифровывать и передавать «криптографически», «алхимически», так и тем более проблематичной в условиях господства инквизиции была возможная передача *«не латинского» (non latin)*, как сказано в цитируемом Э.Канселье тексте из *Trois Traitez...*, понимание природы троического начала в міре, а, следовательно, и природы Святой Троицы как таковой. Восточные влияния всегда сохранялись внутри Западной Церкви. К носителям их следует отнести узкий круг монашества, прежде всего бенедиктинцев, к которым принадлежал Василий Валентин или тот, кто записывал «Двенадцать ключей» под этим именем. *(J.M.Wallace-Hadrill* именует это монашество *«Церковью святого Дионисия».)* В дальнейшем, однако, «не латинское» Богомыслие стало проявлять себя не в чисто богословских областях, а в «периферийных», в частности, в натурфилософии и алхимии. В последней всегда проявлялись два течения. Первое, исходившее из двуначалия *сульфура и ртути*, — положительного и отрицательного, мужского и женского и т.д., действительно восходило к катарско-богомильской, наследующей зороастризму, традиции; второе, признававшее *Философскую Серу (Сульфур)* и *Философскую Ртуть (Меркурия)*, исходящую от первоначала — Сульфура, изначально рождающих *Соль Философов = Солнце Философов*. При

этом всегда оговаривается, что *«Наша Сера не есть сера. Наша Ртуть не есть ртуть, а Наша Соль не есть соль, которую можно купить на рынке»*. Таким образом, оговоренная апофатически-отрицательными приемами речи, металло-минеральная символика оказывается прежде всего *хранением* внутри Запада древнего теологического знания Востока. *«Не латинская Истина»* оказывается прежде всего истиной *«Греческой»*.

«Вселенная предстает продуманно разлинованными узнаваемыми рядами, резко отделенными друг от друга, — пишет *В.Л.Рабинович, — Дискретный характер символических рядов — вещь принципиально важная для понимания алхимического символизма... Роса (rosée → rose — роза* — один из основных символов *Богоматери* на Западе; тж. ср. связь со сл. *rouge — красный (руда) — rex, rosh — царь, князь; народ Рош у пророка Иезекииля* -- В.К.*) олицетворяет разъединительное, но и соединительное звено: она — точка перехода одной стихии (воды) в другую (воздух). Так осуществлялась слитность, «пантеистичность» всего сущего... В этом существенное отличие мышления на землях Тота и Изиды от мышления христианского. В средневековом мышлении разрыв между уподоблением и уподобляющим трансцендентен, неумопостигаем и преодолим лишь в таинстве преображения — чудодейственно. Отсутствует средний член — нет египетской росы»* (В.Л.Рабинович, Указ. соч., с.113).

Описанная картина, резко отделяющая Творца от творения (мы уже указывали, что *А.Г.Дугин* именует ее *«креационистской»*) характерна для христианства, но только для *западного*, действительно отделившего *розу* от *росы*, что и пытались восполнить в своем Великом Делании представители классической алхимии, в частности, бенедиктинцы. *Роса* же есть прежде всего *Божественные энергии*, наиболее полно описанные *св. Григорием Паламой*. И не присутствие ли этой *Росы-Розы*, высушенное послекаролингским богословием на Западе, воспевает Святой Григорий? — *«Она, как это говорится в священных песнопениях, становится «Светоносным Облаком», воистину Живой Водой, сиянием таинственного Дня и своеобразной колесницей Слова»*. (*Беседы (омилии) святителя Григория Паламы*. М., «Паломник», ч.3, с.134).

Нетварный свет, *«умная роса»* и *«умное золото»* и оказывались проявлением *Потерянного Слова*, которое искали классические алхимики Запада и которое пребывает, хотя и сокрыто, на Православном Востоке.

Стр. 63-65. Металлические расы алхимии неразрывно связаны с соответствующими им *планетами*. Речь идет о единстве звездного, галактического, планетного, растительного-животного, человеческого и минерально-металлического царств, которое Преподобный Максим Исповедник именует *Церковью*:

«Переходя ко второму уровню созерцания, старец говорил, что Святая Церковь Божия есть образ и изображение целого міра, состоящего из сущностей видимых и невидимых, потому что в Ней наблюдаются те же самые различия и единство, какие существуют в нем... Подобным образом и весь мір сущих, получивший начало от Бога, делится на умопостигаемый мір, образованный из умных и бесплотных сущностей, и не здешний мір, чувственный и плотский, который величественно соткан из многих видов и природ. И образ бытия нерукотворной Церкви мудро проявляется посредством этой рукотворной: горний мір в ней — словно алтарь посвященный вышним силам, а мір дольний, представленный тем, кому выпала на долю жизнь чувственная, подобен храму. При всем том, мір — един и не разделяется вместе с частями своими; наоборот, путем возведения к своему единству и неделимости, он упраздняет различие их, происходящее от природных особенностей этих частей. Ведь они, неслиянно чередуясь, являются тождественными самим себе и друг другу, как целое в целое (выделено нами — В.К.). *И обе они образовывают весь мір, как части образовывают единство; в то же время, они образовываются им, единообразно и целокупно, как части образовываются целым. Для обладающих [духовным зрением] весь умопостигаемый мір представляется таинственно отпечатленным во всем чувственном міре посредством символических образов. А весь чувственный мір при духовном умозрении представляется содержащимся во всем умопостигаемом міре, познаваясь [там] благодаря своим логосам. Ибо чувственный мір существует в умопостигаемом посредством своих логосов, а умопостигаемый в чувственном — посредством своих отпечатлений. Дело же их одно, и, как говорил Иезекииль, дивный созерцатель великого, они, словно колесо в колесе (Иез., 1, 16), высказываясь, я полагаю, о двух мірах. Опять же Божественный Апостол говорит: «Ибо невидимое Его... от создания міра чрез рассматривание творений видимо (Рим., 1. 20). И если невидимое зрится посредством видимого, как написано, то для преуспевших в духовном созерцании легче будет постигнуть видимое чрез невидимое. Ибо символическое созерцание умопостигаемого посредством зримого есть одновременно и духовное ведение и умозрение видимого чрез невидимое. Ведь сущие, делающие явными друг друга, должны всегда иметь истинные и ясные отражения один другого, и связь между ними должна быть незамутненно чистой»* (Преп. Максим Исповедник. *Мистагогия*. В указ. соч., т.1, с.159-160).

Данная картина міра значительно более полна, чем содержащаяся в *Изумрудной Скрижали*, атрибутируемой *Гермесу Трисмегисту*, однако они нисколько не противоречат друг другу, более того, положения *Изумрудной Скрижали* вполне могут войти составной частью в более всеохватывающую *Мистагогию*, как *«религии естественного откровения»* органично входят в *«религию Божественного Откровения»* (по выражению русского философа *Владимира Микушевича*. Неопубл. корпус лекций, прочитанных в гуманитарной Академии в Москве в 1995-96 гг.). *Фулканелли* называл это так: *«...отпечаток Великого мірского Творения на лбу Великого Христианского Творения»* (Тайны соборов..., с.68).

В любом случае единотождественность планет и металлов, на которую обращали внимание алхимики, входит составной частью в единую картину мироздания и может наряду с бесчисленностью других «осей» стать «осью» того, что Эжен Канселье называет *«философским чтением»*. Металл и символизирующая его планета (и обратно) суть одно, как суть одно символ и символизируемое. Еще неоплатоник *Прокл* в комментарии к платоновскому *«Тимею»* утверждает: природное золото, серебро и каждый из металлов, равно, как и все другие минералы, порождаются в земле под влиянием небесных божеств и их истечений. Солнце (☉, ⊙ — далее знаковые комментарии наши — В.К.) произведет золото (знаки здесь и далее тождественны — В.К.), Луна (☽, ☾) — серебро, Сатурн (♄, ♄, ♄, h) — свинец и Марс (♂) — железо» (Proclus — Timaeum, 14, B). Добавим — Венера (♀)— медь, Юпитер (4) — олово, латунь и, наконец, Меркурий (☿) — ртуть, или *живое серебро (argentum vivum)*.

О роли космософии в средневековой натурфилософии, алхимии, и шире — картине макро-микрокосма хорошо рассказывает, ссылаясь на большое количество авторов, современный исследователь алхимии *В.Л.Рабинович*, хотя комментарии его часто совпадают с противополаганием алхимии и христианской мистики, как и у *К.Г.Юнга*, правла как бы читаемого «наоборот». Однако, в виду значительной информационной ценности сообщаемых им сведений, приведем весьма

значительный отрывок из его в целом очень полезной книги, сопровождая его, однако, комментариями и поправками:

«Знание не могло быть признано таковым, если ему не находилось небесной аналогии. Знание констатируется по подобию. Подобием же, лежащим вне объекта, определяется и сам объект. В уже известном узнается искомое. Арнольд из Виллановы говорит: «Скажу тебе, сын мой, что такое философский камень. Солнце, луна, агат суть камни. Но наши камни мертвы под землей. Сами по себе они не действуют. Настоящее золото или серебро можно получить только при участии человека. Наш философский камень естественный: он действует, как природа... Материя, из которой он состоит, встречается в природе. Все то, что находится вокруг лунного диска, содержит четыре элемента. Наш камень состоит из тех же самых элементов, из которых одни сухие и холодные, другие влажные и горячие. Вспомним, что имеется семь планет (хотя здесь легко указать на «средневековое незнание», дело обстоит сложнее; речь идет о семи планетах, видимых человеческим оком, входящих в человеческий окоем, то есть микрокосм — В.К.). *Ртуть холодная и влажная благодаря Луне, она горяча и суха благодаря Солнцу. Потому она обладает природой воды, земли, воздуха и огня. Будь внимателен, сын мой, прислушивайся к словам философов, и ты полностью овладеешь тайной искусства» (Hoefler, 1866, I, с.410-411). Здесь узнается все во всем: и семь металлов в семи планетах, и свойства земных объектов в принятых на веру свойствах объектов небесных (когда-то, разумеется, узнанных в объектах земных и означенных по их земному подобию). Это — и аналогия, и средство всякого доказательства: ведь земное подобно небесному и узнано в небесном же. Узнавание может быть сужено и до общепризнанных земных явлений. Так толкует все семь ключевых знаков (сравни семь планет, семь металлов) Иоанн Исаак Голланд в трактате «О руке философов»:*

«Допрежь всего внимательно осмотри большой палец. Осмотревши, ты увидишь на нем корону, а над ней Луну первой четверти. Это селитра. Точно так же, как большой палец повелевает всею рукой, так и селитра — повелительница в нашем искусстве... Второй тайный знак философов есть шестиугольная звезда (в примечании В.Л.Рабинович справедливо указывает на нее как на знак *Давида*, в котором розенкрейцеры видели проекцию шестилепестковой розы. К этому следует добавить, что речь идет прежде всего о *генеалогическом знаке Царя-Псалмопевца*, процветшем *Розой* — средневековым символом *Божией Матери* и *Христианского Царства* — В.К.). *Она стоит над указательным пальцем и означает римский купорос... (железный купорос — В.Р.). Третий знак руки философов есть Солнце. Стоит оно на третьем пальце, обозначая соль-арманьяк. Фонарь — четвертое сокровенное таинство философов. А стоит он на четвертом пальце руки. Что же означает фонарь? — Алумен дерош — он обозначает (квасцы — В.Р.)... Ключ философов стоит на мизинце. Мизинец — замок руки, а ключ этот отпирает и запирает замок (поваренная соль — В.Р.). Рыба лежит на ладони. Она обозначает Меркурий. А без Рыбы Великое Деяние* (перевод В.Л.Рабиновича. Общепринятий перевод — Великое Деяние — В.К.) *невозможно. Рыба есть шестое сокровенное таинство. Здесь и начало, и середина, и конец* (Следует напомнить, что именно *Рыба* — IXTυΣ — сокровенный знак *Иисуса Христа*, *«Альфы и Омеги»*, *начала и конца* в Римских катакомбах — В.К.). *Здесь же и священник* (Царь-Священник — В.К.), *все сопрягающий. Рыба — Меркурий — и семя, и вода. Она прародитель всех металлов. Наивысшее таинство — Наиглавнейшее! Седьмой знак философов есть огонь, и это — сера, то есть Земля, или начало всех металлов. Она жена, плод приносящая...»* (Для большинства классических алхимиков сера, сульфур — мужское, а Меркурий, ртуть — женское начало. Со Христом же соотносится все сопрягающая соль, она же и рыба, IXTυΣ, чему соответствуют и евангельские слова о соли. На особую роль *соли*, вместе с сульфуром и ртутью обращает внимание и *Василий Валентин*, и *Парацельс* — В.К.).

Далее следует главное рецептурное предписание, лежащее в основе получения философского камня: сплавление ртути и серы (Hollandus, 1667, с.2-3). *Узнавание здесь предельно заземлено. Объект, в котором нечто узнается — сфера зачатия. Химическое соединение — результат зачатия, неотрывного от смерти родительских начал. Расцвет-увядание; возрождение-аннигиляция; рождение-смерть. Оппозиции с размытыми границами. Принцип иерархичности — существенный момент средневекового общественного устройства. Установленный как явление земное, он обосновывается как подобный небесному принципу. Вошедшая в кровь и плоть средневекового человека идея иерархичности пронизывает средневековое мировоззрение. Геоцентричное представление о макрокосме полагает землю тем местом, куда, по Альберту Великому, «стекаются силы всего мирового шара» (Эйкен, 1907, с.545). От небесных светил силы устремляются к земле и от земли — снова к небу. Отсюда небесно-земные узнавательные ряды, построенные в предельном противопоставлении «небо-земля» и объемлющие все земные объекты. Универсальное «Великое Искусство» Раймунда Луллия — тому пример. Семь планет — семь металлов. Они же — аристотелевские качества: Сатурн — холод и сухость, Марс — жар и сухость, Утренняя звезда — роса, Луна — влажность, Солнце — зной. Знаки Зодиака фиксируют метеорологические явления на земле. Каждый вид растений или животных имеет свою звезду. Болезни, войны, человеческие беды и радости соотносятся с небесами, предопределяются ими.* (Здесь требуется уточнение — соотносятся — да, предопределяются — отчасти, но не фатально, именно здесь грань между астрологией и космософией и причина церковного запрета на астрологические гадания — В.К.). *Данте в «Чистилище» говорит о Божественных словах, написанных перстом Божиим на человеческом лице, узнаваемых в строении глаз и носа. Образы животных — символические аллегории земной жизни Иисуса; овцы — его последователи; змей и медведь — символы диавола* (никак нельзя здесь согласиться с толкованием медведя: Большая Медведица — Chariot de David — Телега Давида, медведь — древнейший сакральный знак царской власти; иероглифические житийные эпизоды преподобных Сергия и Серафима с медведем — окормление

Царя земного Царем Небесным чрез святого — В.К.). *Драгоценные камни Бонавентура (XIII в.) соотносит с человеческими пороками и добродетелями. То же самое в міре растений и животных. Землю, стало быть, рассматривают относительно самостоятельно. На ней в строгой иерархии выстраиваются узнавательные ряды: алхимические превращения — сферы зачатия, жизни, умирания; минералы — пороки и добродетели; растения — этические нормы поведения; животные — геральдические знаки, генеалогические истоки».* (См. В.Л.Рабинович. *Алхимия как феномен средневековой культуры.* М., Наука, 1979).

При принятии соответствующей корректировки данный текст, на наш взгляд, можно принять как достаточно точный комментарий к описанному у Василия Валентина «Собеседованию планет».

Стр. 66. Образ птицы *Феникс*, восстающей из *пепла (золы, cendre)*, также вполне тождественный *Золушке (Cendrillon)* двойствен. Упоминание о ней содержится в *«Анналах»* Тацита; в классической алхимии это — собственно *Философский Камень*. *Михаил Майер*, о котором *Эжен Канселье* много пишет в своем предисловии, посвятил ему сборник *«Умозрительных песнопений на восстановление Феникса» (Chansons intellectuels sur la Resurreccion de Phénix)*, переизданный в Париже с двойным латино-французским текстом в 1985 г. Французский комментатор именует Феникса также *«птицей Оркадских (Аркадских) островов»* (*l'oiseau des îles d'Orcades, op. cit.*, p.16). В этом смысле *Феникс — Царь*, восстанавливающий свое Царство. Напомним, что, согласно франкским хроникам, троянские цари, предки *первой расы*, двигались через *Карпаты, Венгрию* и *Рейн*. В этом смысле следует, кстати, понимать и слова вскоре появляющегося на собеседовании старика, утверждающего, что *«родина моя — Венгрия»*. В то же время, *Оркадскими островами* именовали также *Исландию* (указ. соч., с.19), что свидетельствует о северном, гиперборейском происхождении царственных ариев («благородных») (см. об этом Tillac. *The Arctic Homeland*; А.Дугин. *Гиперборейская теория.* М., 1993). Изображения *Феникса* весьма многочисленны в христианской традиции — от римских катакомб до русской фресковой живописи и книжной графики, преимущественно во Пскове, Новгороде, Вологде и т. п.

О христианских значениях символики Феникса см. R. van den Brock *The Myth of the Phoenix According to Classical and Early Christian Tradition*. Leyde, 1972.

Среди Отцов Церкви о существовании Феникса писали *св. Киприан, св. Климент Папа Римский* и *Блаженный Августин*. При этом они ссылались на слова *Псалмопевца «Праведник яко Финикс процвете». Самуэль Бошар (Samuel Bochart)* писал, что до X века, а в некоторых областях Франции и после X в., Псалом читали как *«Le juste fleurira comme le Phoenix»*, а потом заменили *comme le Phoenix* на *comme la palme* (см. Samuel Bochart *Opera*, 1692, II, 1692, IV 14 col. 849-850). Это было как бы связано с тем, что *«chal»* по-еврейски означает и *Феникса*, и *пальму*. Характерно славянорусское сочетание *Феникс → Финикс → Финик*; в Славянской Псалтири — *«Праведник яко Финикс процвете»*.

Символика *Феникса* часто совпадает с уже упоминавшейся нами символикой *петуха*. Современные исследователи *Р.В.Багдасаров* и *Г.П.Дурасов* пишут об этом так:

«Если книжные аллегории, связанные с голубем, сравнительно хорошо изучены, то место петуха в средневековой православной космологии пока полно загадок. Петуху (=Куру) посвящен ряд сказаний в составе «Слова о Троице, о сотворении небеси и земли», «Книги Еноха», «Откровения Варуха», «Прения Панагиота с Азилитом» и др., где он сближается с символическим значением птицы Феникса, как образа Церкви, хранительницы міра, соли (выделено нами — В.К.) *земли. Приведем фрагмент из «Сказания о Великом Куре» (в составе «Слова о Троице»): «Е[сть] коуръ емоу же глава до неб[е]си, а море емоу до колена. Ег[д]а же с[о]лнце омывается въ окияне, тог[д]а окиянъ всъколиблется и начноут влъны морскыя бити кура по[д] перье. Кур же почютив влъны морския вспоет тоже протлъкоует: «Светодавче, Г[оспод]и! дай же светъ мірови!» Ег[д]а же тотъ коуръ воспоетъ «Светодавче, Г[оспод]и» и тог[д]а вси куры въспоют в един го[д] въ всей вселенней, тогда же с[о]лнце ом[ы]вается от акияна, окиянъ от солнце, а от окияна вси воды». Здесь символическим языком описано молитвенное предстояние* Церкви (Феникса-Кура) *пред лицом* Господа (солнце), *море молитв христианских, плещущих вкруг престола Божия. <...> Как образ* Церкви, *встречающей на исходе ночи своего грядущего Спасителя, петух со-вечен міру: пока существует и мір сей, но он не в силах пережить* Церкви (Ср. Мф., 16, 18). *Русские верили, что когда петух перестанет петь, тогда наступит кончина міра»* (Цит., из *А.Н.Афанасьева*, см. Роман Багдасаров, Геннадий Дурасов *«Отверженный символ»* в альм. *«Волшебная гора»*, V, М., 1996, с.305).

Г.Вербек, анализируя музыку как проявление *Святой Троицы* (о подобном подходе мы говорили выше), ссылается на образ *Феникса*, выраженный *Михаилом Майером* через его *Кантилены (Cantilenae)*. Это слово означает также средневековый музыкальный инструмент треугольной формы, наподобие псалтири, на которой играл *Царь Давид*. Псалтирь же как инструмент, по толкованию *Гонория Отенского (Honorius d'Autun)* есть *образ Пресвятой Троицы* (Migne, CLXXII, 269) (См. G.Verbéke. *L'evolution de la doctrine de Pneuma*. Paris, 1945).

Феникс был также образом *Святого Духа* в его аспекте *Параклета, Утешителя* — точка зрения, заимствованная у *Блаженного Августина, Тьерри Шартрского (Tierry de Chartres), Абеляра.*

Для *Михаила Майера Феникс* — и *Философский Камень*, и *Царь*, и *образ Христа* в его аспекте *Царя*. Аналогично на Руси *преподобный Максим Грек* писал, что Царь есть *«образ одушевлен Самого Царя Небеснаго»*. Также, согласно толкователю образа Феникса у *Михаила Майера «можно до бесконечности множить аналогии Великого Делания с предметами веры: «Камень есть образ Христа, Воскресения, Адама, Евхаристии и т.д.»* (Michel Maier. *Chançons intellectuelles*.., p.19). В то же время, если отказаться от понятия *образ* и заменить *Христа Камнем* или *Фениксом*, классическая алхимия немедленно оборачивается сатанической спагирией и магией, тем самым вампиризмом, о котором писал *А.Г.Дугин. «Рядом с духовной алхимией всегда была алхимия либертинов»* (*...alchimie libertine au côte de l'alchemie spirituelle*. Ibid., Préface, p.19).

Игнорирование *третьего* алхимического аспекта — *Философской Соли* и ограничение Великого Делания соединением Философской Серы и философской Ртути (то есть *подмена триады диадой*) останавливало Великое Делание в незавершенной, а, следовательно, *противящейся* целому форме.

«Двуполая (hermaphrodite) природа Феникса давала авторам-герметикам и гностикам основания видеть в нем символ Высшего Бытия, равно как и первоначального человека (l'homme primordial), который есть одновременно и мужчина и женщина, христиане-монофизиты из его андрогинности (androgynie) выводили единую природу Христа или же бесполость (asexualité) считали основой телесной формы души» (Ibid., p.19).

С православной точки зрения здесь налицо отход от метафизики андрогината двоих с порождением третьего, а также от представлении о *женской полярности души* (Христос именуется часто *«Женихом наших душ»*, а в Православных Пасхальных песнопениях Ему вменяется *«мужеск пол»*.

«Если же кто недоумевает, находя эти слова (Писания) еще недостаточно объясненными и желает, чтобы они были полнее раскрыты в духовном их смысле, что такое царицы и девицы, то мы скажем, что они могут относиться к тем, которые от начала в течение веков отличались праведностью, как-то: жившие прежде потопа, жившие после потопа и жившие во времени Христа. Так, невеста есть Церковь, а царицы — те царственные, угодившие Богу души, которые жили прежде потопа, т.е. времен Авеля и Сифа и Эноха; сожительницы же — души живших после потопа пророков, с которыми Господь, вступая в общение как с сожительницами прежде нежели церковь соединилась с Ним, сеял в них истинные глаголы нетленного и чистого любомудрия, чтобы оне, зачавши веру, родили дух спасения (Исаии XXVI, 18). *Ибо также плоды, приносящие приснопамятную славу, рождают те души, с которыми входит в общение Христос».* (Священномученик Мефодий Патарский *Пир десяти дев*. М., 1996, с.72).

Уместно привести здесь стихотворение о Фениксе *Хлодвига Асто де Нюисмана* (*Clovis Hesteau de Nuysement* 1555-1623/4) из его цикла *«Герметические видения»* (*Visions hermetiques* — перевод наш — В.К.):

В том лесу, в который вдруг принес меня ветер,
Возлежали в гнезде обе птицы Гермеса.
Одна взлетала, другая держала сети,
И обе в птицу одну сплелись в недрах леса.

Поверх же гнезда сидели еще две птицы
На ветке, и обе они были просто смерть:
Одна кровава, другая — птица-белица,
Был их счастьем покой, осиливший круговерть.

Ибо вдруг голубицами оборотились,
А затем стали обе Фениксом единым,
Солнцу подобным — крыла его золотились,
Небу равен он был, неподвластен Судьбинам.

Я, стало быть, сам Феникс, восставший из пепла,
Зерно, готовое к родам, усопшее в нем,
Пеликан, Саламандра, чья сила окрепла
В огнерождении, во питании огнем.

Так! Я внутри храма, Солнцу посвященного,
Феникс, чей рисунок узорный вознес его,
Приношение Солнцу, жертва на Алтаре,
Седьмкрат объят Солнцем, и паки седьмкрат объят,
Пока пепел не стал опереньем златых врат
В тайном, до Неба вознесенном Алатыре.

Стр. 67. «Круглая сфера», в которой *«все есть во всем»*, у *преподобного Максима Исповедника* описана так:

«И опять же, согласно обычному сравнению, [старец] уподоблял весь мір, состоящий из видимых и невидимых [существ], человеку, а человека, состоящего из тела и душа, называл міром. По его словам, умопостигаемые [сущности] обладают внутренним соответствием с душой, а душа — внутренним соответствием с умопостигаемыми [сущностями];[вещи] же чувственные имеют образ тела, а тело — образ чувственных [вещей]. Умопостигаемые [сущности] есть душа [вещей] чувственных, а последние, в свою очередь, есть тело умопостигаемых [сущностей]. Мір умопостигаем: находится в чувственном как душа в теле, а чувственный мір соединен с умопостигаемым, как тело соединено с душой. И един мір, состоящий из них обоих, как один человек, состоящий из души и тела. Каждый из этих міров, сращенных в единении, не отвергает и не отрицает другого, по закону [Творца], соединившего их. И, соответственно этому закону, в них заложен логос единообразующей силы, не позволяющей быть в неведении, несмотря на природную инаковость [двух міров], относительно тождества их по ипостаси в [этом] соединении. Также непозволительно утверждать, что своеобразные свойства, замыкающие каждый из міров в самом себе и ведущие к разделению и разъединению их, обладают большей силой, чем дружественное родство, таинственным образом данное им в единении. Сообразно этому родству [осуществляется] всеобщий и единый способ незримого и неведомого присутствия в сущих всесодержащей Причины, разнообразно наличествующей во всех и делающей их несмешанными и нераздельными как в самих себе, так и относительно друг друга, показывая, что эти сущие, согласно единообразующей связи, принадлежат скорее друг другу, нежели самим себе. И это до тех пор, пока не благоугодно будет Тому, Кто связал их воедино, растогнуть сию связь, ради высшего и более таинственного Домостроительства, в годину всеобщего и чаемого нами свершения

[веков]. Тогда и мір, подобно человеку, умрет в своей явленности и снова во мгновение ока восстанет юным из одряхлевшего при чаемом [нами] воскресении. Тогда и человек, как часть с целым и как малое с великим, совоскреснет с міром, получив обратно силу непреходящего нетления. Тогда, по благолепию и славе, тело уподобится душе и чувственное — умопостигаемому, благодаря ясному и деятельному присутствию во всем и каждом соразмерно проявляющейся Божественной Силы, которая посредством самой себя будет блюсти нерасторжимые узы единства на веки вечные» (Мистагогия, в указ. соч., с.167-168).

Ветхозаветным прообразом этого единства было видение *пророка Иезекииля о колесе в колесе*:

«И видех, и се коло едино на земли держащееся животных четырех. И видение колес, и сотворение их, яко видение Фарсиса, и подобие едино четырем: и дело их бяше, якоже аще бы было коло в колем» (Иезек., 1, 15-17).

Стр. 72. Чрез *фонетическую кабалу* мы не можем не видеть связи *дупла* и *дуплистого дуба, древа (chêne creuset)* с *крестным (de crois)* путем. В славянских языках слово *«Кр҃съ»* означало *«огонь»* и в то же время *«оживление»*, *«здоровье»*. *«Кр҃сити»*, *«кр҃сати»* — воскрешать, оживлять огнем, а слово *«кр҃шение»* означало *«воскресение»* или *«начало жизни»*. (Р.Багдасаров и Г.Дурасов, *указ. соч.*, с.230; *Словарь русского языка XI-XVII вв.*, вып.8, М., 1981, с.38). Это подтверждает вывод Э.Канселье о Великом Делании в его классическом аспекте как *образе Святой Мессы* (западное именование *Божественной Литургии*, в которой происходит ежедневное повторение *Крестного Пути и Тайной Вечери*). *Купель (coupel)* — сосуд для крещения. На аналогичную внутреннюю связь слов *Купала* и *Креститель* обратил внимание *В.Б.Микушевич*. Также если мы вспомним о *дуплистом дубе* как архетипе места ритуального цареубийства, мы сможем понять и один из главных аспектов собственно самопринесения Крестной жертвы *«за всех и за вся»*. *Древо Райское, Мамврийский Дуб* и *Древо Крестное* суть *едино древо, Древо Спасения*:

«И показа ми чисту реку воды животныя, светлу яко кристал, исходящу от Престола Божия и Агнча. Посреде стогны его и по оба полы реки древо животное, еже творит плодов двана-десяте, на кийждо месяц воздая плод свой: и листвие древа во

исцеление языком. <...> И нощи не будет тамо, и не потребуют света от светильника, ни света солнечнаго, яко Господь Бог просвещает я: и воцарятся во веки веков» (Откр., 22, 1-4, 6-7, выделено нами — В.К.)

Стр. 74. В алхимической символике *Лев* чаще всего аналогичен *Солнцу, Волк — Сатурну. Лев* также *символ Христа* в его аспекте *Царя* и вообще *истинного монарха* (как и *Медведь*). Лечение проказы наложением рук было одной из основных прерогатив Царского рода. Сама эта болезнь в средние века именовалась *maladie des Rois.* О лечении проказаы см. в т.ч. M.Wallace-Hadrille. *Op. cit.*

Стр. 79. О *«философской навигации»* рассказывал современный знаток алхимической традиции *Евгений Головин*:

«Идея сакральной географии, идея мистики Севера и Юга заинтересовала меня лет в 14, когда я прочел «Приключения капитана Гаттераса». Жюль Верн, *на мой взгляд, удивительный, интереснейший автор. Именно он дал в своих книгах очерк сакральной географии. И вместе с тем он обозначил противопоставление Севера как центра жизненности и вместе с тем как константы, с одной стороны, и Антарктиды, Южного Креста и Южного Полюса как центра Универсальной Смерти. <...> Мое внимание привлек тот факт, что, когда экспедиция капитана Гаттераса после Новой Земли проходит через ледовитый океан, путешественникам открывается бездонное прозрачное море. Меня поразило, что сходное описание я позднее прочел у знаменитого алхимика* Михаила Сандивогиуса *касательно «философского моря». <...> Когда человек находится в этом «философском ледовитом океане», остальные созвездия меняют свои названия и конфигурации. Это — одно из свидетельств необычайно живого развития космоса. В этом также видно, что именно с Севера начинается та универсальная жизненная константа, которую никогда нельзя ни определить, ни понять, но оси которой могут, тем не менее, иногда доминировать в нашем «сэлфе» и нашем мозгу».* (*Элементы*, №5, 1994, с.51-52).

Интересно, что описание «философского моря» оставили не только цитируемые *Евг. Головиным* европейские авторы, но

и русский поэт *Максимилиан Волошин*, также хорошо знавший алхимическую литературу:

«Я раздавлен сводами небес...
Пишет Бог на лбу у каждой твари.
Явственно последний приговор
Принимают демоны обличья.
Но они еще заключены
В заклинающих водоворотах
Черного отчаяния. Убийца
Самого себя, я вижу пристань
По ту сторону разъятой бездны.
Дайте мне ладью спастись... Корабль
Из огня и океан из меди...
Стихло все... Нет больше берегов...»

(1924).

С точки зрения экзегезы *философского моря* алхимически может быть истолкована и русская былина о *Садке — новгородском госте*, или *купце* и также *гусляре*. В русской — шире — православной традиции *купец* — мистик, ищущий *«стяжания даров Духа Святого»*. Ср. в Каноне покаянном св. Андрея Критского *«И тако познаеши незаходимый мрак, в ведении и будеши великий купец...»*, в тропаре *св. Равноапостольному Князю Владимиру: «Уподобился еси купцу, ищущему добраго бисера...»* В новгородской же былине мы узнаем, как

«А й пошел Садка да ко Ильмень он ко озеру.
А й садился он на синь на горюч камень,
А й как начал играть он во гусли во яровчаты,
А играл с утра как день теперь до вечера
А й волна уж во озере как сходилася
А как ведь вода с песком топерь смутилася...»

(*Новгородские былины*, М., «Наука», 1978, с.158).

Далее Садко совершает типично алхимическое *«философское плавание»* с точки зрения *«позитивной географии совершенно бессмысленное»* (как и в цитированном выше комментарии *Евг. Головина*):

«А поехал он да по Волхову,
А й со Волхова он во Ладожско,
А со Ладожского выплывал да во Неву-реку,
А й как со Невы-реки как выехал на синё морё.
А й как ехал он по синю морю,
А й как тут воротил он в Золоту орду»

(там же, с.165).

И далее:

«А й как там продавал он товары да ведь новгородские,
А й как получал он барыши теперь великие,
А й как насыпал он бочки ведь сороковки-ты
А й как красного золота;
А й насыпал он много бочек да чистого серебра...»

(там же).

Далее «купец» приступает к чисто алхимической операции *«размножения»* золота и серебра, принося его в дар *Морскому Царю*:

«А теперь-то дани требует морской-то царь в синё море
А й тут говорил Садке, купец богатый новгородский:
— Ай же ты дружина хоробрая!
А й возьмите-то вы мечи-тко в синё море
А й как бочку сороковку красного золота...»

(там же).

Новгородский текст, заметно «обросший» временными наслоениями, по-видимому, принадлежит к древнейшей традиции: вероятно, речь идет здесь не о металле, а о «корне золота», как *Фулканелли* толковал *Филалета*. Именно поэтому стадия *nigredo*, отмеченная появлением *caput mortuum*, проявляется после погружения «золота» в *«философское море»* (*золото* здесь *солнце и сера*, *море — меркурий*).

«...А волной-то бьет, паруса-то рвет,
А й как все ломат черны корабли, —
А й все с места не йдут да черны корабли...»

Здесь *корабль* или *карапь* (в западно-славянских языках *карп* или *крп*) также образ *святой Граали* в виде *корзины* с рыбой и бутылью красного вина.

А й как тут говорил Садке,
купец богатый новгородский,
А своей как дружинушке он хоробрыии:
— Ай же ты любезная как дружинушка да хоробрая!
А видно морской-то царь требуе
как живой головы у нас в синё море.

(с.166).

Именно *Морского Царя* упоминает Эжен Канселье в своем комментарии на XXX гравюру *Atalanta Fugiens*, и именно с этим царем вступает «мастер»-Садко в *алхимическую битву*, описанную в былине как *пляска царя под гусли*, аналогичная *пляске царя Давида пред скинией*:

А й как начал играть
Садке как во гусли во яровчаты,
А й как начал плясать царь морской
теперь в синём мори.
А от него всколебалосе все сине море...

Пляска означает полное погружение в море-материю, *nigredo* (синее часто выступает заместителем черного), переход от которого к *albedo* обозначен появлением *белого старика*, предсказывающего *«философский»* (в буквальном смысле *безбрачный, бесплотный*) *брак с красной девицей Чернавой. Белое* соединяет *черное* с *красным*, как и происходит при Великом Делании. Былина оканчивается появлением *несчетной золотой казны*, то есть благополучным завершением Делания, которое уже никогда невозможно повторить и которое *в определенном смысле греховно* и потому требует своеобразной епитимьи.

«...А и как сделал церкви соборную
Николы да Можайскому,
А й как другую церковь
сделал Пресвятыя Богородицы.
А й теперь как ведь да после этого
А й начал Господу Богу он да молитися,
А й о своих грехах да он прощатися
А й как боле не стал выезжать да не синё море».

Замечательны некоторые космогонические и алхимические детали, содержащиеся в разных редакциях былины о Садке. Так, *тот, морской мір* или *философское море* — зеркальное, как бы через кольцо Мебиуса, отражение *этого міра*, при этом *чреватое, богатое Золотом — Солнцем — Божественными энергиями*:

«...А й в окиян мори да на самом дни
Увидел — скрозь воду пекет красно солнышко»

(там же, с.168).

В этом *«философском космосе»* светят Солнце и Луна, Золото и Серебро, символически выраженные как *две рыбы*:

«...И закинули три невода во Ильмень-озеро.
Первый невод к берегу пришел —
И тут в нем рыба белая,
Белая ведь рыба мелкая;
И другой-то ведь невод к берегу пришел —
В тому-то рыба красная;
А и третий невод к берегу пришел —
А в том-то ведь рыба белая...»

(с.177).

Корабль-*карапь* оказывается *сам в некотором смысле рыбой (карапь — карп — крп,* см. выше*)*, которых *две — Золото и Серебро, Солнце и Луна*:

«...Ишше первой карабь да с красным золотом,
Да другой же карапь да с цистым серебром»

(там же, с.184).

В связи с алхимическим смыслом былины о Садке и образа Морского Царя не можем не обратить внимания на аспект, выделенный в статье *Г.Павловича «Корабль восстал, как холм из дола»* (*«Волшебная гора»*, V, 1996, с.28-29):

«...согласно своеобразной генеалогии священных языков, составленной болгарским «философом» Константином Костенецким (XV в. — Г.П.) — славянский язык есть сын еврейского (отца) и греческой (матери) (Прот. Иоанн Мейендорф. Византия и Московская Русь. Париж, 1990, с.330). Так что появление имени Садко или «Цаддик», т.е. по-еврейски «праведный» (одно из названий посвященного), в русском фольклоре вполне объяснимо. Но «Цаддик» читается и как «Иесодха-олам» («Основа міра»), так называется одна из 4-х нижних сефирот в каббале, образующих природную сферу Космического Древа (см. Г.Шолем. Основные течения в еврейской мистике. Иерусалим, 1984, т.II, с.229). Второе значение этого слова имеет связь с символикой корабля: «Мачта в центре судна выражает идею

Космического Древа, заключенного в рамки Корабля Смерти или корабля трансценденции (Х.Э.Керлот. Словарь символов, М., 1994, с.259). Но значение «Основа міра» также сходна со значением имени «Петр»-камень, «и на сем камени созижду Церковь Мою» (Матф., 16, 18). «Цаддик» же указывает на фигуру Мелхиседека, «Царя праведности» (см. Р.Генон. Царь Мира. Пер. Ю.Н.Стефанова Вопросы философии, 1993, №3, гл.VI). Тут интересно то, что слово «Малаки» в арабском языке означает «посланник» (Р.Генон, указ. соч., с.106), а это равнозначно смыслу слова «гость». На Руси, заметим, издавна ходило немало апокрифов о Мелхиседеке...»

В этом смысле *Морской Царь — «внутренний человек» самого Садка*, стяжавшего чрез внутреннее умное делание *«мертвость Давидову»* (выражение *преп. Максима Исповедника*), а *золото — плод умной молитвы*, а не только и не столько золото вещественное.

Стр. 89. Отождествление Великого Делания во всех его аспектах с земледелием традиционно. Оно исходит из представления об органическом росте и совершенствовании металлов в недрах земли. Человек не может сотворить нечто из ничего, но может *посредством огня* ускорить совершающиеся естественные процессы. Наиболее внятно писал об этом *Парацельс*:

«...Подобно тому, как чрез тело свое человек по воле своей вспахивает землю, так посредством своего воображения обрабатывает он небо в своем созвездии» (См. Th.Paracelse. *Œvres*, 1920-31, vol.X, p.474).

И далее (в изложении известного русско-французского автора):

«Трансмутация есть ничто иное, как сокращение нормального природного процесса. По существу, всякая металлическая материя стремится стать золотом, ибо ее зародыш толкает ее в этом направлении. Металлы растут и стремятся к золоту, к своему совершенству, как и всякое сущее стремится к своему собственному совершенству. Из металлов можно сделать золото, поскольку виртуально они им уже являются. Они эволюционируют, так как еще им не стали. Металлы делают то же

самое, что и все существа во Вселенной: они эволюционируют, ибо они живут, поскольку любое живое существо является одновременно тем, чем оно еще не является, а не является оно тем, чем, по сути, является. Вся жизнь представляет собой алхимический процесс; разве мы не занимаемся алхимией, приготовляя себе пищу? Разве мы не алхимики от природы уже потому, что едим, а переваривание пищи не напоминает действий по изготовлению золота? Разве в нашем теле не живет тонкий алхимик, совершающий все требуемые этим искусством операции: брожение, сублимацию, трансмутацию? Разве он не удаляет кагастрические отбросы? А процесс духовного возрождения — разве это не алхимический процесс? Не преобразуется ли грубое тело с помощью magisterium духа в духовное тело, а наша душа не проходит по тем же стадиям разжижения, сгущения и преображения, — как и материя, как весь мір? Мы подчеркиваем эту аналогию, поскольку она особенно характерна для всей этой школы мышления: тут все одушевлено верой в то, что процессы внешнего міра, міра физического, лишь повторяют и символизируют душевные процессы. Книги алхимиков поэтому всегда говорят символами (а не аллегориями, не криптограммами). И говорят они всегда две вещи одновременно: о природе и о человеке, о міре и о Боге. Философский камень — это Христос природы, а Христос — это философский камень духа. Меркурий, посредник между Солнцем и Луной (золото и серебро, ☉, ☾ и ☿) есть Христос в міре материи, так же как Христос, посредник между Богом и міром, есть духовная ртуть Вселенной. Это не просто аллегория или сравнение. Аналогия тут глубже. Те же символы применяются к материальным и к духовным процессам, поскольку они, по сути дела, тождественны. Идентичность символов объясняется тождеством процессов. Христианская алхимия всегда держалась тех же принципов — органической эволюции, аналогии как способа рассуждения, доктрины микрокосма, и всегда пыталась своими символами показать (или скрыть) последнее тождество природы и духа, эволюции міра и человека» (Александр Койре. *Мистики, спиритуалисты, алхимики Германии XVI века.* Долгопрудный, 1994, глава «Парацельс», с.65-66).

С нашей точки зрения, здесь было бы точнее говорить о Камне как *об образе, иконе Христа* в минеральном царстве, не тождественной первообразу, *но возводящей* к Нему. Такой подход «снимает» противопоставления, выдвигавшиеся *К.Г.Юнгом* (см. выше). Заметим также, что в православном міре место *«Универсального Лекарства»*, каковым в средневековой Европе был Философский Камень, занимают прежде всего *чудотворные иконы.* В знаменитом труде *«Иконостас» о. Павел Флоренский* подчеркивал особую роль *золота* иконы как *онтологического цвета неба.* Приводя комментарий *А.Койре*, отметим также не просто *двусмыслие* алхимических текстов, но их *многосмыслие*, полисемантику, включающую также метаисторический, «царский» («королевский») аспект, на который мы дерзнули обратить внимание читателя.

Стр. 91. Согласно *Космополиту*, на которого ссылается Э.Канселье в связи с проблемой *«двух солнц»*,

«материя, хотя и едина, но двувещественна (de deux substance). <...> Ибо глаза мудрецов видят Естество иначе, чем глаза обычных людей. Например, глаза обычных людей воспринимают Солнце горячим, глаза же Философов, напротив, неимоверно холодным, жар же рождается от движения его лучей. Действие их может быть познано только на расстоянии; огонь же Естества всегда и повсюду един. Солнце имеет центр и само есть центр Сфер обращения планет, тепло же не от него, а от движения. Так и в центре земли есть земное Солнце, лучи которого от прохождения сквозь землю вверх рождают тепло и без сомнения сей неотъемлемо присущий Естеству жар сильнее и действеннее видимого нами элементарного огня; однако жар сей умеряется подземными водами, изо дня в день проникающими сквозь поры земли и так же воздух умеряет жар, порождаемый движением лучей Солнца, воздух, говорю я, да, воздух, тот самый, который обращается вкруг земли. <...> Кратко я могу сказать о действии Стихий так: в центре Земли есть центрическое Солнце, движение которого или движение его излучения источает великий жар, достигающий поверхности земли» (Nouvelle lumiere... p.44-45).

Интересно сравнить данную космологию с изложенной в сербской рукописи XV в. (один из вариантов *«Вопросов, от скольких частей создан был Адам»*).

«Вопрос, да скажи ми, що држит землю. Разумник. Вода высока. Да що држит воду. Ответ. Камень плюсен вельми. Да что држит камень. Рече. Камень држит китове злати. До что држит китове злати. Рече. Река огненнаа. Да что држит того огня. Рече други огонь еже ю пожег того огня. В чести. Да что држит того огня. Рече. Доуб железный юже к прьво посажен от всегоже корение. На силе Божией стоит». (*Памятники отреченной русской литературы, изданные и собранные Николаем Тихонравовым.* М., 1863, т. II, с.443-444).

Подземная *«огненно-водная баня»* и есть *«большой атанор»*, *«Философское Яйцо»*, где созревают и растут металлы. В рамках этих представлений недра земли не есть местопребывание *ада*, для которого характерны прежде всего *не пространственно-временные*, а *эонические* характеристики, как и *для Рая.*

«Ад не за пределами Centrum, но в Centro, в тех концах и местах, где живет человек. И прочее там же, и там, где душа отделяется от тела, там же и остается, где тело было, а не путешествует за тысячи миль вверх или вниз, блаженная душа или адская, там же и остается. Так что в одном месте и дружба и страдание, а потому прейдут небо и земля, и как будто снова целиком рай, и пребывает внутри как сущность вечная и непреходящая» (Paracelse. *Liber meteorum.* Œuvres, VIII, p.295).

Стр. 96. Символика *Льва* соотносится прежде всего с *Солнцем* как таковым (а, следовательно, и *золотом*), а также и с *подземным солнцем* (соответственно, *огнем микрокосма, атанора*). Одновременно *Лев-Христос* в его аспекте *Царя*:

«И един от старец глагола ми: не плачися: се победил есть Лев, иже сый от колена Иудова корень Давидов, разгнути книгу и разрешити седмь печатей ея» (Откр., 5, 5-6).

«Лев почти повсеместно считался символом Солнца. <...> Слово Leo (Leo) *можно перевести как* «Вечная О», *а* Leon, Laon *и* Lion — *как* «вечное существо». Лев *по-древнееврейски* — Laish-«вечный свет», *а персидское* шер *можно отождествить с именем* Ашшур. *Христа нередко отождествляют со* «Львом от колена Иудина», *связанного в Откровении* с корнем Давидовым. *В первой книге Паралипоменон упоминается, что у Иуды было пятеро детей, а знак Льва, как известно, это пятый знак зодиака. <...> В правой лапе лев сжимает шесть стрел, или молний Божественной Силы, а в левой — факел в форме полумесяца, или* фонарь маяка (выделено мною — ср. *Phare au Monde = Pharamonde* — В.К.), *Трезубец* (льва В.К.) *широко распространенная эмблема власти, представляет собой видоизмененный крест*

(родовой знак первых Рюриковичей, в т.ч. св. Владимира — В.К.). <...> *На реке* Узк *(*Узык *или* Великий Уз*) недалеко от реки* Уай *в графстве* Монмут *расположен город* Каерлеон (Caerleon), *в буквальном переводе,* место или крепость льва. *Скала* Лаон, *на которой находился замок франкской династии Меровингов, была также известна как* Лаудунум. *Название* Лау *или* Лео, *как, например,* Лейден (Leiden = Leo's den — берлога льва), *и* Леон, *как во французских* Лаоне и Леоне, *во всех случаях эквивалентно слову* Лугус (Lugus), *т.е.* Господин Великий Уз или Свет». <...> Принц Вийая, *арийский завоеватель Цейлона, являлся, по преданию, потомком* Льва (Simha), *а люди, переселившиеся с ним из Северной Индии, назывались* симхайцами. <...> *Чудесной каменной цитадели, получившей название* Сигири (Львиная скала), *была придана форма льва»* (Г.Бейли. *Потерянный язык символов*, с.309-312, 347).

Отметим также, что в символике *лев* и *медведь* обычно взаимозаменяемы. На это обратил внимание, сопоставляя житийную иконографию, *М.Волошин* в поэме *«Святой Серафим»*:

«Лев служил Герасиму в пустыне,
А медведь, вот, Серафиму служит».

Стр. 98. Рассказывая о *майской росе* и *ностоке*, *Фулканелли* приводит в пример скульптурную фреску *«Росы Философов»* на фасаде *Амьенского собора*, на которой изображен человек, восхищенно смотрящий на нисходящий свыше поток некоей благодатной сущности.

«Неизвестный автор медальонов входа Девы-Матери, — пишет Мастер, — *очень интересно интерпретировал конденсацию универсального Духа; Адепт созерцает поток* небесной росы, *падающей на массу, которую большинство авторов считает руном. Не отвергая это мнение, можно также предположить, что там изображено другое вещество, минерал, называемый* Магнезией, *или* Философским Магнитом. *Можно заметить, что эта вода падает только на определенное вещество, что свидетельствует о его аттрактивных свойствах. Мы думаем, что здесь нужно прояснить некоторые заблуждения по поводу символического растения, которые, принятые невеждами буквально, могут дискредитировать алхимию и ее приверженцев. Мы хотим рассказать о* Ностоке. *Это споровое растение, знакомое всем крестьянам, встречается повсюду в сельской местности, иногда на траве, иногда на голой земле, на краю дорог и лесов. Ранним утром, весной, их находят там, раздувшихся от ночной росы. Студенистые и мерцающие — откуда их название, светлячки, — они чаще бывают зеленоватого цвета, и так быстро высыхают под действием солнечных лучей, что их уже нельзя различать там, где они были видны несколько часов назад. Все эти качества — неожиданное появление, поглощение воды и*

раздувание, зеленая окраска, студенистая и клейкая консистенция — позволяли философам взять их как иероглифический символ их материи. Мы быстро перечислим различные названия, дававшиеся ностоку: Небесная Архея, Плевок Луны, Земное масло, Жир Росы, Растительный купорос, Небесный цветок, *которые отражают его применение философами, как вместилище Универсального Духа, или, как земную материю, выделенную в виде пара, а потом сгущенную в контакте с воздухом. Эти странные названия, которые, однако, имеют свой смысл, скрывают истинный и посвятительный смысл Ностока. Это слово происходит от греческого* νυξ, νυχτος, *соответствующего латинскому* nox, noctis, ночь. *Следовательно, это вещь, которая рождается ночью, нуждается в ночи для своего развития и может работать только ночью. Так* наш предмет *скрыт от взглядов профанов, хотя его могут легко открыть обладающие правильным знанием законов природы. Но, увы, как мало людей берет на себя труд задуматься, а вместо этого пребывает в невежестве собственных рассуждений* (Фулканелли. *Тайны готических соборов.* Киев, 1996, с.133-134).

Эжен Канселье, развивая постулаты Мастера, обращает внимание на символику *небесной росы (rosée du ciel, ros coeli)* не только в знаменитой алхимической *Немой Книге* (Mutus Liber), но и в *Священном Писании*:

«И Иосифови рече: от благословения Господня земля Его, от красот небесных и росы, и от бездн источников низу, и во время, и во время плодов солнечных обращений, и от схождений месячных» (Втор., 33, 13); *«И вселится Израиль уповая един на земли Иаковли, в вине и пшенице, и небо ему облачно росою»* (Втор., 33, 28). (См. E. Canceliet *Alchimie...*, p.41.)

В другой главе своей книги Э.Канселье пишет, перед этим рассказав читателю о некоторых общих темах, объединявших английского алхимика *Роберта Фладда (Robert Fludd)* и знаменитого *Сирано де Бержерака (Cyrano Bergerac, Savinien).*

«Разделяя свое вознесение на две фазы, Савиньен (Сирано — В.К.), *настаивает именно на меркуриальной росе и искусственном огне, категориях, каждая из которых физико-химически энигматична, и приводит старинную латинскую поговорку, отсылающую нас к наилучшим авторам:* «Asoth et ignis tibi sufficiunt»; «меркурия и огня тебе довлеет» (E.Canseliet *Alchimie...*, p.235-236).

Нетрудно увидеть здесь связь с магнитной стрелкой *философского компаса*, указывающей на *Звезду Полюса, Звезду Царей, Звезду Рождества* (о символике звезды, в частности, у Фулканелли и Канеселье, писал *Леонид Охотин* в №8 ж. *«Элементы»*, с.87-90).

На некоторые аспекты символики *Северной Звезды* (она же упоминавшаяся ранее *Звезда Царей, Звезда Мерope, Звезда Аркадии, Звезда Полюса*) в частных письмах указывал один из интереснейших русских метафизиков *Гаврила Степанович Батеньков* (1793-1863):

«Надобно отгадать современное направление экваториально и открыть его наклонение к прежнему. Тут полярная звезда никому не известна и чрез отрицание только предполагается (Цит. по В.Н.Топоров. *Миф. Ритуал. Символ. Образ.* М., 1995, с.461). *И далее: «Необходимо должны последовать важные изменения в убеждениях, совершивших круг в последних веках, в последнее тысячелетие и во всем цикле человеческой жизни, во всем числе проявленного семени. Сопряжение конца с началом. <...> Смерть и действует до совершения великого цикла. Но духу исчезать и уничтожаться не свойственно; он идет в свое собрание и это собрание так называемых мертвых, в наше время далеко уже превосходит всю возможность земного поколения. Царствие Божие настанет, когда оба океана сольются, тогда и будет свет, конец сопряжется с началом»* (там же, с.472).

Стр. 101.

«И обрати мя на путь врат святых внешних, зрящих на востоки: и сия бяху затворенна. И рече Господь ко мне: сия врата заключенна будут, и не отверзутся, и никтоже пройдет ими, яко Господь Бог Исраилев внидет ими, и будут заключенна. Зане старейшина сей сядет в них, ясти хлеб пред Господем: по пути Елама врат внидет, и по пути его изыдет. И введе мя по пути врат яже к северу, прямо храму, и видех, и се полн славы Дом Господень, и падох ниц на лицы моем» (Иезек., 44, 1-5).

В Православной Церкви этот текст также читается на всех паримиях Богородичных праздников. Эжен Канселье справедливо утверждает, что *«начальный сюжет Великого Делания» аналогичен Вратам Иезекиилевым*. Мы должны подчеркнуть это со всей силой, более того, заменить в данном случае понятие *аналогии* понятием *образа*, ибо все происходящее в космофизическом міре, включая его самые тонкие сферы, *радикально несоизмеримо Тайне Боговоплощения*, которая пребывает превыше *не только физики*, но и *метафизики*. Промыслительно метафизическая натурфилософия (каковой и является алхимия), развиваясь на Западе ввиду частичной утраты Западной Церковью полноты *сверхметафизического* ведения, обладание которым в принципе делает ненужным *praxis* в области метафизического, ибо православная молитва обращена непосредственно в *Недра Пресвятой Троицы*. Метафизическая же природа *«Врат Работы»* наиболее внятно описана *Парацельсом*:

«Действительно, Бог всегда производил мір и никогда не был Богом невыраженным, но конкретная природа преходяща, этот мір является лишь временным. <...> Верный принципу прогрессивного развития неразличимого единства в экстенсивное множество индивидуальных форм, Парацельс полагает в качестве основы, источника и корня міра нечто, называемое им разными именами, из коих самыми обычными являются: Хаос, Yliaster и Mysterium Magnum. Нетварный центр міра, из коего все вытекает, зародыш, в котором скрыты все позже реализуемые возможности, Mysterium Magnum есть яйцо, из которого вылупляется вселенная, и у каждого сущего имеется собственное Mysterium Magnum, зародыш, из которого он проистекает, а также активная сила, ведущая и направляющая эволюцию. Yliaster или Yliader — это первая реализация или, лучше сказать, первая конкретная материализация Mysterium Magnum жизни, так сказать, ткань, из которой соткана Вселенная. <...> Не имеющая себе равных сила Mysterium Magnum, эта творческая и материализующая мощь, разделяется на отдельные силы. Великое таинство сепарации выявляет три главных силы, составляющие мір и его элементы: Sulfur, Mercurium, Sal. Еще одна ступень сепарации — это конденсация, коагуляция, когда единый элемент разделяется, наконец, на четыре классических элемента аристотелевской физики — на землю, воду, воздух и огонь. Первоначальное единство все более дифференцируется; четыре элемента и три первоначальные силы, образующие элементы, воплощаются во множество сущих, дают рождение телам и, наконец, человеку. Эти могущественные силы ведут борьбу друг с другом, и в этой борьбе господство одной или другой из них объясняет реальное разнообразие существ. <...> Все, что находится на низшем уровне, мы обнаруживаем и на высшем. Или даже наоборот: все, что божественно в Боге и в звездном небе, обнаруживается на земле в земных состояниях. Земная вода — это aquaster высшей сферы. Aquaster — это сущность воды, и лежащая в ее основании созидающая ее динамическая сила, еще без грубой материальности земных элементов. Aquaster не является душою воды, это, если угодно, ее динамическая душа — то, что соответствует воде в астральном плане». (См. А.Койре, *указ. соч.*, с.59-60).

Приводя данное изложение, мы не принимаем в нем, однако, положений об *эволюции* — видимо, дань, отдаваемую перелагателем Парацельса современным «оптимистическим» представлениям, связанным с неоспиритуализмом. Ввиду падшей природы міра следовало бы говорить не об эволюции, а об *инволюции*, попытку преодоления которой в рамках микрокосма и пытались осуществить мастера Великого Делания.

Стр. 104. *Красный лебедь* — символ Солнца, белый — Венеры, о месте которой в алхимической мифологии мы уже говорили. Если *днем телегу* Царя-Солнце влечет *конь*, то ночью — *лебедь*. *Фулканелли* обращал внимание на связь слова *cygne (лебедь)* и *signe — знак*.

«Отметим, — писал он, — что термин «философский камень» *означает (signifie) на сакральном языке камень, несущий на себе* знак *(signe) солнца. Иначе говоря, этот* солнечный знак *(signe solaire), красного цвета, может менять свои оттенки, как об этом говорит* Василий Валентин» (Fulcanelli, *Demeures Philosophales..*, p.257).

В алхимической философии понятие *знака* неразрывно связано с понятием *зачатия*, подробно описанного *Сендивогием*, а также антиномией *воображение-сигнатура*, ключевой антиномией парацельсовского корпуса:

«Механизм, точнее, динамизм воображения позволяет нам в равной степени понять случаи психического заражения, равно как и некоторые заболевания, например, бешенство. <...> Тот же механизм объясняет нам не только рождение монстров (мы, впрочем, уже чрез перевод французского *monstre — «диво»* указывали на многоаспектность, не всегда отрицательную, этого понятия — В.К.), *но и нормальные рождения: воли — воображения родителей, перемешавшись, дают зачатие, тинктуру, а она формирует тело. Точно так же Бог творит Вселенную в «воображении». <...> Поэтому каждая вещь несет в своем внешнем облике, в своем теле «сигнатуру», по которой мы можем судить о таящихся в ней силах и качествах. Это позволяет нам, например, зная «сигнатуру» наблюдаемого нами растения или кристалла, заранее узнать его медицинские свойства. Во-вторых, можно рассматривать весь мір как единое целое, как единственную «сигнатуру» Творца...»* (А.Койре *Указ. соч.*, с.57-58).

Нетрудно понять в этом случае место *лебедя* (в легенде о Лоэнгрине — *«знака», «сигнатуры» Рода, Родоначальник коего не может быть назван*), а также инверсии *«лебедь-обезьяна»* (*signe*, versus *singe*), откуда мы легко уразумеем как смысл *«мартышкина труда»*, так и народное присловье о диаволе как *«обезьяне Бога»*.

Стр. 107. На *«Беседу Царя Калида с Философом Мориеном» (L'Entretien du Roi Calide et du philosophe Morien)* ссылается *Луи Фигье* в книге *«Алхимия и Алхимики»* (Louis Figuer *L'Alchimie et les Alchimistes.* Paris, 1970. Preface de René Alleau). В этом трактате, по словам *Фигье*, о *Камне* рассказано *как о человеке.* Составные части его творения — соединение (l'accouplement), зачатие (la conception), беременность (la grossense), роды (l'enfantement), питание (la nourriture). *Царь Калид* имеет прямую связь с родом хранителей святой Граали, в некоторых версиях именуемой Calices, Calice. (См. в т.ч. акад. *А.Н.Веселовский. Где сложилась легенда о Святом Граале*, СПб, 1900). Добавим, что латинское и старофранцузское *Chalyb — сталь (acier = aries)* и русское Калита не отделены от Calice непроходимой стеной.

Стр. 110. *Философское яйцо* — микрокосм, содержащий в себе макрокосм, *«все во всем»*, также *человек, монада, частица, недра земли, атанор, зеркало мироздания, святая Грааль. Э. Канселье* писал:

«Цвет за цветом проходят пред нами внутри философского яйца, этого «маленького хрустального собора», (petit dôme de crystal); при этом слово хрусталь *сохраняет для нас всю свою герметическую ценность, ясно видимую при его фонетическом разложении: на* языке птиц (langue des oiseau) *оно означает* «Христова соль» (sel de Christ) — от χριστου, khristou и αλς, als = sel, соль. *Дабы различить оттенки благороднейшей окраски, утверждает Сирано, «я погружаю взор в хрустальный бокал». Так и взгляд художника, сфокусированный в философской призме, погружен во тьму, в недра* киммерийских сумерек (ténèbres cimmériens), *в которых Естество открывает Адептам тайны великого Согласия (Harmonie) и самого Творения (Création). Такая* чернь чернее черной черни (noir plus noir que le noir — Э.К.; ср. «незаходимый мрак» св. Андрея Критского — В.К.)... *указывает на* Самый Драгоценный Дар Бога (Le Très Précieus Don de Dieu)» (E.Canseliet *Alchimie...*, p.251).

Фулканелли в *«Философских жилищах»* (илл. II) приводит рисунок с картины *Жоржа Ораша (George Aurach) «Дар Бога» (Don de Dieu)*, именуемой мастером также *«философский сосуд» (flacon philosophale)*. Внутри сосуда, стоящего на зеленом лугу, пересеченном рекой, на фоне гор, покрытых снежными вершинами, на желто-синем фоне стоят Царь и рыжеволосая Царица. Руки их сплетены. В верхнем «горлышке» сосуда — младенец на красном фоне. Из сосуда произрастает два красных цветка и один голубой. Надпись такова: *«Будем искать естество четырех стихий в недрах земли»*.

Согласно православному преданию, *Красное Яйцо* в ознаменование *Воскресения Христова* было преподнесено *святой равноапостольной Марией Магдалиной* римскому императору *Тиберию* на ее пути в Галлию.

Стр. 119. Самозарождение низших существ *«из истления»* специфическая установка всей средневековой натурфилософии. О нем писал, в частности, *преп. Максим Исповедник* в комментариях на *св. Дионисия Ареопагита* (см. *Дионисий Ареопагит О небесной иерархии*, СПб, 1997, с.27). Отвергаемое позитивной наукой, учение это имеет, однако, корни в онтологических воззрениях на переда-

чу первородного греха, о котором говорил еще Псалмопевец: *«Се бо, в беззаконних зачат есмь и во гресех роди мя мати моя»* (Пс., 50). При этом под *тлением* и *истлением* подразумевается не собственно «порочность» зачатия (которое акцентировала позднекатолическая теология), сколько *истление* всесоставное, тотальное, нуждающееся в столь же всесоставном преображении и спасении. Истление собственно как стихийнонму зарождению низших существ (пусть даже понимаемому символически), так и «обычному» рождению «высших».

«Вместе с греховным рождением постоянно передавался и грех произволения (ηδονη) *и грех естества* (παθητον)*, тление,* (οδυνη)*, так что в рождении всегда суммарно повторялся весь грех. Рождение* (γεννοις*, вместо первоначального* γενεσις) *стало каналом, который приобщал человека с самым началом его бытия к потоку греховной жизни. Оно поэтому стало синонимом первородного греха»* (С.Л.Епифанович *Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие.* М., «Мартис», 1996, с.84-85). *При этом «понятие вины, проклятия, как и понятие греха, не имеет у преп. Максима самостоятельного значения — значения особой юридическое величины — наряду с порчей и тлением; оно нераздельно мыслится и в том, и в другом и применяется у преп. Максима и к тлению произволения, и к тлению естества»* (там же, с.83).

Только *Рождество Спасителя міра* является рождением без истления. *«Без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем»*, — поет Православная Церковь. *«Переворачивание смыслов»*, характерное для современного міра, выразилось, в частности, и в том, что *генетика*, которая должна была бы быть *ведением райских рождений* (γενεσις), стала позитивно-спагирической наукой о передаче свойств чрез хромосомы, т.е. передаче *истления*.

Стр. 120. Связь между *кровью быка* и *пчелами* относится к древнейшему символическому ряду. Согласно митраистическим представлениям, *«из крови быка произрастают злаки. <...> Неизменной деталью митраических изображений является змей, обвившийся у ног Митры или пьющий кровь, которая изливается из смертельной раны быка. <...> Иногда змей пьет из чаши, изображенной у ног или на груди Митры: это — сочетание символа змея с вечным символом Чаши»* (Юрий Николаев. *В поисках божества. Очерки из истории гностицизма.* Репринт, Киев, 1995, с.43).

При этом *бык* часто заменяется *львом*.

«И в митраизме, и в других религиозных системах древнего Востока мы постоянно встречаем это странное сочетание льва и пчелиного меда, льва с пчелою в пасти и т.п. И этот сложный символ воскрешает в памяти библейское сказание о Самсоне и о заданной ему странной загадке: «что слаще меда? что крепче льва?» Как известно, разгадкой должен служить рой пчел и медовые соты в пасти льва, убитого Самсоном» (там же, с.46).

Отметим также, что в 1653 году в Арденнах была найдена могила *Хильдерика I*, сына *Меровея* и отца *Хлодвига*. В числе прочих атрибутов власти в ней была найдена *голова быка и триста золотых пчел.* Пчела была родовым знаком «первой расы» (см. J.M.Wallace-Hadrill. *The Long-Haired Kings*, p.200). *Ю.Николаев* — русский исследователь начала XX века, не упоминавший о могиле *Хильдерика I*, видимо, не зная о ней, справедливо, тем не менее, пишет о символике *пчелы, быка* и *льва*:

«Все эти понятия и связанная с ними символика представляют большой интерес и проливают свет на некоторые странные формулы позднейших алхимиков» (Ю.Николаев. *Указ. соч.*, с.44). И далее: *«Но эти самые образы седой мистики влились широкой струей в христианство — и, признавая этот факт, мы лишь углубляем и расширяем значение христианства как міровой религии» (там же, с.47).*

При этом *«в раннехристианском искусстве катакомб пчела символизировала восставшего из смерти Христа, бессмертие. Вместе с тем пчела была и образом царской власти (например, в Египте), особой витальной силы — маны, царской мудрости, накопляемой подобно тому, как пчела собирает нектар (ср. «Пчела как типовое начало средневековых сборников нравоучительного характера). Идеальное устройство общества в его монархическом варианте, которое нередко соотносили с пчелиным ульем, противопоставлялось муравейнику как образу демократически-уравнительного общежития»*. (Энциклопедия *«Мифы народов міра»*. М., 1988, т.II, с.355).

Стр. 123. В книгах Василия Валентина (почему, мы уже говорили) мы находим гораздо больше следов восточно-православного учения, нежели римо-католического. Ср. в т.ч. у *св. Григория Нисского*:

«Ведь не подобно начальствующему явиться раньше подначальных, но сперва приготовив царство, затем подобало принять царя. Потому Творец всего приготовил заранее как бы царский чертог будущему царю: им стала земля и острова, и море, и небо. <...> И поэтому двойную опору Творец полагает в его устроении, примешав к земному божественное, чтобы сродством к тому и другому и свойственно для каждого из них он испробовал бы

(απολαυτις) Бога через божественнейшую природу, а земные блага испытывал бы (απολαβων) однородным с ним чувством. <...> Не достойно же обойти вниманием и то, что творение столь великого міра и его частей, вошедших в состав всего как стихии (элементы), как бы импровизировалось божественной силой, утверждаемое одновременно с повелением. Но перед устроением человека происходит совет, и то, что будет, предызображается Мастером через начертание слова — и то, каким оно должно быть, и какого первообраза носить подобие, и для чего оно будет, и что будет делать по сотворении и над чем владычествовать; все предусмотрело Слово, чтобы человеку принять старшинство по достоинству рождения (γενεως), обладая владычеством над сущим, прежде чем прийти в бытие. <...> Подобно тому, как в этой жизни мастера каждому орудию придают вид соответственно надобности, так и наилучший Мастер сотворил нашу природу как бы сосудом, нужной для царственной деятельности [энергии], устроив, чтобы и по душевным преимуществам, и даже по телесному виду она была такая, как требуется для царствования. <...> Да и к тому же, стать образом природы Владычествующего всем — это не что иное, как то, что в момент сотворения природа [образа] была сделана царственной». (Иже во святых отца нашего *святителя Григория, епископа Нисского. Об устроении человека.* Пер. *В.М.Лурье.* СПб, 1995, с.13-15). И далее: *«Слово, говоря: Сотвори Бог человека, неопределенностью обозначения указывает на все человеческое [естество]. Ведь здесь сотворенное не именуется «Адамом», как в последующем повествовании, но имя сотворенного человека не конкретное, а общее.* (В своем последующем примечании переводчик оговаривается, что *св. Григорий «не знал, что имя* Адам *переводится с еврейского как человек* — там же, с.129. Мы позволим себе усомниться в такой «необразованности» святого отца нашего, а также напомнить, что *греческий* перевод Библии с древнееврейского намного древнее *послехристианского раввинистического*, единственно сохранившегося на еврейском языке. Св. Григорий тем самым признает метаисторию «рода человеча» не «одноразовым» творением Адама, но предвечно присущим в *Сыне* и *Слове Божием* — В.К.). *Следовательно, общим названием природы мы приводимся к такому предположению: божественным предвением и силой все человечество объемлется в этом первом устроении. Ведь для Бога нельзя полагать ничего неопределенного в сотворенном Им, но для каждого из существ должны быть какие-то предел и мера, отмеряемые премудростию Создавшего. И наподобие того, как один человек объемлется количеством по телу и существует количественная мера его ипостаси, которая ограничена поверхностью тела, так и вся полнота человечества, я думаю как будто в едином теле предведательной силой объемлется Богом всего, и этому-то и учит Слово, сказавшее: И сотвори Бог человека, и по образу Божию сотвори его. Ведь образ не в части природы, и благодать ведь не в чем-либо одном из того, что в нем есть, но одинаково по всему роду распространяется эта сила. А признак этого в том, что равно во всех водружается ум: все имеют силу разумения и производения и все остальное, чем божественная природа отображается в созданном по ней. Точно так же и тот человек,*

который будет при Скончании всего, равно несет на себе божественный образ. Потому целое наименовано одним человеком, что для силы Божией — ни прошедшего, ни будущего, но и ожидаемое наравне с настоящим содержится всеокружающего энергией. Так что вся природа, распространяющаяся от первых до последних, есть единый образ Сущего. <...> Образ Божий, созерцаемый во всей человеческой природе, получил завершение. Но Адама еще не было: ведь Адамом по этимологическому именованию называется земная тварь, как говорят сведущие в еврейском языке. Потому и Апостол, особенно хорошо обученный своему родному языку израильтян, именует перстным человека из земли (Кор., 15,40), *как бы переводя на греческий прозвание Адам* (там же, с. 55-56; 70).

В точном соответствии с таковым разделением *Человека — Сына Человеческого — Сына Божия — Предвечного Слова-Словека («словенина», «гласоимнаго»,* μεροπεζ*)* и первоначально составленного из элементов (стихий) Адама (первочеловека в талмудических и западнохристианских толкованиях) рассказывается о создании последнего в средневековой русской и вообще славянской («словенстей») письменности. Так, в знаменитой *«Беседе трех святителей»* сказано:

«Григорий рече: От коликих частей Адам сотворен бысть? — Ото осми частей: первая вся то от земная тело, второе от камени кости, от моря кровь, от солнца очи, от облака мысли, от ветра дух, от огня теплота, душу Господь вдохну» (Цветник, 1665, Московская Синодальная библиотека, №908).

Так же и об «оживлении» Адама говорится в точном соответствии с его «непервичностью», неотменимо вытекающей из *тринитарной космогонии*:

«Якоже бо мнози человеци книжницы глаголют бо сице слышавше и в писании яко Господь созда Адама и вдохну душу вонь. И глаголют яко душа человеку от Святаго Духа есть. Не буди тако, но разумеим, яко право вдохну в Адама душу, но не приложися Святый Дух в душу, но сила Святаго Духа рождает душу человеческую и оживляет всяческая. Такоже Слово Божие не само ся преложи в слово человеческое, но сила Слова Божия дает слово человеку» (См. Н.С.Тихонравов *Указ. собр.*, с.346).

«Алхимический миф об Адаме и Еве», как именует его *Фулканелли*, также по сути имеет два прочтения. *Парацельс*, который, хотя и вводит в свою натурфилософию многие элементы

«греко-восточного» міровоззрения, все же принципиально стоит на римо-католической точке зрения, всегда это подчеркивая, и в соответствии с моральным императивом Запада не разделяет Первочеловека и Адама, признавая «виновницею» отпадения человека женское начало.

«Человеческое тело, как и тело Вселенной, является кагастрическим — продуктом падения, происходящим из-за кагастрической личности, Евы. Адам, напротив, до падения обладал илиастрическим телом, «экстрактом» Вселенной, которую оно «представляло». <...> «Падение преобразило его, погрузило в грубый мір разделенных элементов; он представляет теперешний мір, точно так же, как Адам представлял изначальный мір» (См. А.Койре. *Указ. соч.*, с.61).

Восстанавливая более древнее понимание первочеловека, *Фулканелли* не связывает ниспадение Адама в материю с *грехом* Евы, хотя и разделяет собственно Адама на Адама *до извлечения из него Евы* и *после извлечения*, то есть, по сути, на человека как образ Сущего и земного, «перстного» человека, что почти совпадает с толкованием *св. Григория*. Вслед за именованием «Перво-Адама» некоторыми гностиками Фулканелли дает «первичному человеку» имя Αδαμος или Αδαμας, что по-гречески означает *«самую твердую сталь»* (*l'acier le plus dur* — о значении алхимической *стали acier=aries* мы уже говорили). Также используется слово Αδαμαστος, означающее *«неукротимый, но девственный» (indomptable et encore vierge)* (см. Fulcanelli. *Les Demeures Philosophales...*, p.306).

«Золото, — пишет Мастер, — *есть тело, соединенное* (зд. voisin) *с* adamas, *а его узловая составляющая, сера, сульфур и есть второй Адам, являющийся в органическом міре отцом всех людей, а в минеральном царстве — основанием и множителем составляющих его металлических и геологических индивидуумов. Отсюда мы и поймем, что сера и меркурий, порождающие все металлы начала, не суть одна и та же материя — они обретают свою индивидуальность и сохраняют ее в их союзе. Если они пребывают в смешении, их следует разделить, изолировать и дать возможность воплотиться в собственной их форме. Сера, активное начало, символически соответствует второму Адаму, а пассивный меркурий — его жене Еве* (Op. cit., p.307-308). Греки, утверждает *Фулканелли*, давали вакханкам имя *Εϊα*, производя его от корня *Εϊσος*, синонима имени *Вакх*. Отсюда *алхимически Ева = Вакх, Бахус, а вино философов (vin de philosophes) — Мать Работы* (там же).

Вульгаризацией и крайней формой реакции секуляризированного современного міра на «метафизику первочеловечества» является представление об Адаме и Еве как о неких «внеземных людях» и даже «венерианцах», присущие некоторым направлениям современного западного эзотеризма. Такая точка зрения высказывается, в частности, в уже цитированной нами книге Jacques Carles et Michel Granger. *L'Alchimie: superscience extraterrestre?* Акцент при этом делается на том, что появлению Адама и Евы предшествовало падение (и соответственно, появление на небе) Венеры-Люцифера-Денницы. Предельно-вульгарной заостренности эта точка зрения подвергалась в книге американского автора *Ирвина Гинзбурга «First Man, Then Adam»*. Согласно этому автору, Адам и Ева прибыли на землю в некоей чаше, змей — образ «доадамова человечества), Каин — плод связи Евы с «сынами земли», а Лилит — «земная супруга» Адама. Так глубоко укорененные и традиционные воззрения подвергаются искажению грубым неоспиритуализмом «New Age». Восприятие появления Венеры и связи ее с земными катаклизмами как символ падения *князя века сего* возможно, но при этом следует помнить, что *падение денницы носит не временной, а эонический* характер.

«Эоническая вечность стабильна и неизменна, — писал В.Н.Лосский, — *она сообщает міру взаимосвязанность и умопостигаемость его частей. Чувствование и умопостижение, время и эон тесно связаны друг с другом, и так как оба они имеют начало, они взаимно соизмеримы. Эон — это неподвижное время, время — движущийся эон. И только их существование, их взаимопроникновение* (как, возможно, в случае соотношения падения денницы и появления планеты Венеры — В.К.) *позволяет нам мыслить время. Эон находится в тесной связи с міром ангелов. Ангелы и люди участвуют во времени, и в эоне, но различным образом. Человек находится в условиях времени, ставшего умопостигаемым благодаря эону, тогда как ангелы познали свободный выбор времени только в момент их сотворения; это была некая мгновенная временность, из которой они вышли для эона хвалы и служения или же бунта и ненависти. В эоне существует, однако, некий процесс, потому что ангельская природа может непрестанно возрастать в стяжании вечных благ, но*

это совершается вне временной последовательности» (В.Н.Лосский. *Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие.* М., 1991, с.233).

Стр. 124.

«А когда кончится рождение людей, тогда же получит конец и время, и так произойдет разложение всего на элементы (стихии) и при преложении целого соизменится и человеческое из тленного и землистого в бесстрастное и вечное» (Св. Григорий Нисский. *Указ. соч.*, с.71). И далее: *«И много таких мелочей, не достаточных великой Божией силы и власти, перечисляют для опровержения догмата, как будто не возможно для Бога тем же путем, через разложение, восстановить человеку его индивидуальность (*δι αναλυτεως αποκαταστηναι το ιδιον*)»* (там же, с.65).

В то же время большинство Восточных Отцов, за которыми следует здесь, не говоря этого прямо, тот, кто именует себя «бенедиктинцем», в точности соответствуя его здесь комментируемым словам, утверждают, что «начало» и «конец» не тождественны и при конце міра творение является в бóльшей славе, чем до отпадения Адама, а с ним и «всей твари» (Василий Валентин не случайно говорит, что *новое* живет *уже* в *«небесах небес»*). *V Вселенский Собор* (553 г.) провозгласил, что *«кто говорит, что... начало тождественно концу, а конец есть мера начала, — да будет анафема!»* (Цит. по *Указ. соч., Примеч. В.М.Лурье*, с.129). Для утверждения превосходства *конца* над *началом* в свете учения об *образе* и *подобии* обычно ссылаются на *Блаженного Диадоха Фотикийского*:

«Два блага подает нам Святая благодать чрез возрождающее нас крещение, из которых одно безмерно превосходит другое. Но одно подает оно тотчас, именно, — в самой воде обновляет и все черты души, составляющие образ Божий, просветляет, смывая с нас всякую скверну греховную; а другое ожидает произвесть в нас вместе с нами: это то, что составляет подобие Божие. — Итак, когда ум начнет с великим чувством вкушать блага всесвятого Духа, тогда ведать мы должны, что благодать начинает как бы живописать на чертах образа Божия черты богоподобия. Ибо как живописцы сначала одной краской начертывают образ человека, а потом мало-по-малу краску за краской накладая, представляют образ того, кого живописуют, сходный с ним даже до власов: так и святая благодать Божия сначала чрез крещение восстановляет в человеке черты образа Божия, поставляя его в то состояние, в коем он был, когда был создан; а когда увидит, что мы всех произволением вожделеваем красоты подобия Божия: при чем чувство показывает, как отображаются в нас черты богоподобия, совершенство же богоподобия узнаем из просвещения благодатного. Ум,

преуспевая в некоей мерности и неизреченной гармонии, чувством воспринимает все добродетели; но любви духовной никто не может стяжать, если не просветится Святым Духом, во всей полноте ощутительно» (Добротолюбие, т.III. М., 1900, с.62-63).

Однако, если «философским жилищем» европейского алхимика является атанор, а целью — преображение физического тела «камня», то для восточно-православного мистика, монаха-исихаста — это прежде всего его собственный внутренний «сокровенный сердца человек», а образом внутреннего делания традиционно является икона. Это *«золото вещественное»* — предмет поиска натурфилософа-герметика и *«золото умное»*, стяжанием которого занят православный «купец, ищущий добраго бисера». Впрочем, Божественными энергиями пронизано и духовное, и душевное, и материальное. *«Чаяние бо твари откровения сынов Божиих чает. Суете бо тварь повинуется не волею, но за повинувшаго ю на оупование: яко и сама тварь свободится от работы истления в свободу славы чад Божиих»* (Рим., 8, 9-12). Кстати, и в классической алхимии обретение Камня, и тем более вещественного золота, не является самоцелью, даже просто сколько-нибудь важной самой по себе. Великое Делание было и остается прежде всего *языком* передачи ведения, включающего метафизику, метахимию, метабиологию, метаисторию и даже метаполитику. В этом постоянно подчеркиваемое Э.Канселье противопоставление: *алхимия* versus *спагирия*. То же самое, кстати, касается и взаимоотношений между космософией, оперирующей невидимыми картами *«философских созвездий»*, и гадательной астрологией, магически лишающей человека свободы воли.

Стр. 127. Алхимический цветопереход прямо связан с символикой птиц.

«Полезно напомнить, что в герметической науке голубое переходит в черное, то есть в ворона (corbeau) = corps beau (доброе, красивое тело). *Отсюда происходит и специфическое* corbleau («черт побери!»), *означающее* гниение (putrefaccion), *а также иссиня-черное оперение. Очевидна связь последнего со* Шкурой Осла (Peau d'Ane), *который для царя — недостойный его отец, облаченный в три неимоверно богатые одеяния — темно-синее (цвет времени), белое (луна) и солнечно-красное»* (E.Canseliet Alchimie..., p.98-99). И далее: *«Та же самая идея соединения начальной материи с загадкою (gemme) конца ея, то есть черного с красным, воплощена в символике* Notre-Dame de Paris. *На левом портале, на углу Монастырской улицы*

(rue de Cloitre) изваян ворон, как бы хранящий тайну внутренней части строения» (там же, с.148).

Согласно *Эжену Канселье*, эта тайна заключена в имени *Кифа (Céphas)*, то есть *Камень (c'est-a-dire Pierre)* (I Иоанн, 1, 42). В алхимической символике *ворон* и *мертвая голова (caput mortuum = cephas)* тождественны.

Павлин выражает бесчисленность цветов внутри черноты (nigredo), которым следует быть проявленными (E.Canseliet, p.25), в восемьдесят четвертой Эмблеме Символического искусства *Иеронимуса Босха* как идее всех цветов, а, следовательно, целого. О символике *лебедя* и *феникса* уже было сказано много.

Стр. 133. Приводим в нашем переводе соответствующий комментарий *Фулканелли*:

«Уже было указано, что речь идет о рожденном грифоном или берущем начало из источника (naît de griffon — *полная омонимия* — В.К.), *то есть из меркуриальной первосущности (prime substance mercurielle).* Гиперион (Hyperion) *по-гречески* — Υπεριων *или отец солнца (père du soleil); это тот, кто освобождает, сам пребывая вне вторичного белого хаоса (hors du second chaos blanc), тот, кто создан художеством и изображается в виде грифона; душа, хранимая взаперти, дух, огонь или свет внутренний (cachée) и дверь поверх взвеси (masse) в ея аспекте ясной и прозрачной воды:* Spiritus Domini ferebratur super aquas (Дух Божий ношашеся верху воды — Быт., 1, 2). *Ибо подготовленная материя, составленная из всех стихий (elements), необходимых для нашего Великого Делания, не есть иное что, как только оплодотворенная земля, в коей пока еще царствует некое смешение, содержащее рассеянный свет, который художник должен соединить и уединить (rassemler et isoler) по подобию (в подражание, en imitant) Создателя. Землю следует умертвить и рассотворить (decomposer); это и означает* «убить грифона» *и* «поймать рыбу» (pecher la poisson), *то есть отделить огонь от земли, тонкое от плотного. <...> Такова химическая функция Гипериона (Hyperion). Это имя, состоящее из* Υπ, *сокращенного* Υπερ, сверх, по̀верх (au-dessus), *и* ηριον, гробница, надгробие (tombeau); Ηριον *происходит от одного корня* ερα — земля *и означает* возвышающееся над землей, поверх гробницы-материи. *Но можно также возводить корнесловие* Υπεριον *к* Υπερ — поверх, сверх *и* îον — фиалка. *Оба значения находятся в идеальном герметическом согласии...»* (*Les Demeures Philosophales...*, p.285-286)

Позволим себе напомнить и значение *голубки (голубицы)*, намекая также на санскритское именование женского начала. Обратим внимание и на буквальный перевод имени *Гермеса Трисмегиста* как *Трижды Величайшего Вестника*, то есть один из *прообразовательных* образов *Ангела Великого Совета*. Герметическое надписание Василия Валентина к его Десятому Ключу о *Философском Камне*, если применять его в аспекте образа Царя, что, в частности, делает в своем предисловии Эжен Канселье, можно истолковать и так: *«Я, царь, царского рода, избранный Духом Святым и без печати Премудрости Божией, Дара Духа Святаго, царствовать не могу»*. Все это не исключает, разумеется, и рукотворного философского делания, как на Востоке в виде иконы (вспомним *«Троицу» преподобного Андрея Радонежского Иконописца*, изображающую *Трех Ангелов — вестников* Аврааму и Сарре), так на Западе, утратившем непосредственное умное делание и образопочитание — в виде сугубо сокрытых, «герметических» (в узком смысле) поисков *Камня*.

Стр. 135. О прачеловеческой, полярно-райской Гиперборее см. *Александр Дугин Гиперборейская теория (опыт ариософского исследования)*, М., «Арктогея», 1993. Ввиду обстоятельности изложения данного вопроса в этой книге касаться его здесь мы не будем. Отметим только, что все, открытое в этой книге, посвященной изложению исследований фризского ученого *Германа Вирта*, нисколько не противоречит христианскому ведению *«рая на востоце»*, так как Восток вообще означает прежде всего *исток, всток* (по-славянорусьски), только одним из образов коего является восток географический, «азийский». Мы уже говорили о разнице между сакральной и физической географией. Это прекрасно знал тот, кто оставил нам Двенадцать Ключей. Для нас небезынтересно именование *«сверхсеверной земли» Страной Папоротников* — это растение до сих пор одно из основных в лесах северной части Русской равнины, бывшей т.н. *Биармии, Великопермии* или *Земли Святой Софии*, как называли ее новгородцы (см. подробнее В.Передольский *Новгородские древности*. Новгород, 1898).

Стр. 136. В связи со словами о *«руках Царя, воздетых горé»*, не лишне напомнить об известном изображении *преподобного Серафима Саровского*, стоящего *на камне* с воздетыми горе руками. О *преп. Серафиме* известно, что *«ему явилась Пресвятая Дева Мария, в несказанном свете, с апостолами Иоанном Богословом и Петром, и обратясь к Иоанну лицем и указывая*

перстом на Прохора (мірское имя святого — В.К.), сказала: «этот нашего рода!» (*Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губ. Ардатовского уезда.* Сост. *Архимандрит Серафим (Чичагов),* СПб, 1903, с.49).

В связи с этим *одним из аспектов* выраженной в *Двенадцати Ключах* символики легче понять соответствующее указание *Эжена Канселье* отрицающее *«кипение в бане Марии, чашки и пробирки с пеплом и песком». «Ничего этого нет», — апофатически* утверждает ученик *Василия Валентина* и *Фулканелли.* И это подтверждает мысль о том, что алхимия и вообще средневековая натурфилософия есть прежде всего язык, на котором, как на любом языке, можно сказать: *«Благословен грядый во Имя Господне»*, но можно и прокричать: *«Распни Его!»*.

Стр. 139. Согласно всем древним воззрениям, наиболее последовательно выраженным в Священном Писании Ветхого и Нового Заветов, именно *сердце* является средоточием всех жизненных сил человека, в том числе и ума (νους). В святоотеческой литературе эту установку наиболее последовательно защищал *преп. Макарий Египетский*, а в дальнейшем *св. Григорий Палама* и вообще исихасты, раскрывшие молитвенную практику сведения ума в сердце и умной сердечной молитвы. Замечательно, что именно о *восхищении сердца* — это одно из любимейших выражений исихастов, которых официальная Римо-Католическая Церковь почитала еретиками — криптографически говорит *благословенный* бенедиктинец.

Стр. 141. *Плавание, плавка* и *философская навигация* в алхимии синонимичны. Характерно, что первые два слова кабалистически совпадают и в русском языке.

Стр. 143. Согласно *«алхимическому мифу об Адаме и Еве»*, первожена собственно является сестрой первомужа, т.к. взята из его плоти. В этом, собственно, и состоит *«Истина, иная, нежели Латинская». «Латинство»* широко понимаемое (что не тождественно Римо-католицизму), то есть морально-естественно-правовые законы, требования физико-физиологической, духовной и социальной дисциплины, обязательно как условие сохранения физического эона. Собственно физическое посягательство людей на ангельский чин — *«и ходивша в след плоти*

иныя» (Иуд., 1, 8) — явилось конечной причиной гибели Содома и Гоморры (Быт., 19, 1-14). Именно поэтому Церковь приравнивает «кровосмешение» к «содомским грехам». Суть в том, что в грехопадении *Ева* перестает быть *женой-сестрой Адама* и становится *только женой.* Все, однако, иначе в алхимическом микро- и макрокосме «философском», «умном» или «мысленном»...

Замечательно, что кабалистическое исследование имен *Габертен (Gabertin)* и *Добра (Beya)* в славяно-русьском прочтении дает вариант *Gabertin ↔ Dagobert → Габертен Добр*; конское (кентаврическое) соединение имен *Габертен* и *Добра* дают имя короля *Дагоберта*, ритуальное убийство которого открыло путь «латинству» в более узком, римо-католическом смысле.

Эжен Канселье в книге *«Алхимия...»* приводит отрывок из хранившейся до 1940 года в его библиотеке книги *Rosarium Philosophorum* Арнольда де Вилланова (*de villa Nueva, de Ville Neuve*, т.е. из *Нового Града* — Неаполя? — Новгорода? — Обновленного Града — Міра?). *Gabertin* в этой книге именуется *Gabricus.* Криптонимный автор повествует о *«кровосмесительной (incestueuse) природе супружества двух царственных и пылких начал* (букв., «партнеров», partenaires), *отождествляемых с солнцем и луной»*:

Итак, совокупи возлюбленнейшего из всех твоих сынов сына Габрикуса с его сестрой Доброй (Beya), каковая суть блистательная, сладкая и утонченная девица. Габрикус есть муж (mâle). Добра же жена (femelle), отдающая ему все, что из нея исходит. О, благословенное естество, о, благословенно делание твое, соделывающее несовершенное совершенным. Посему не избирай того естества, которое еще не очищено, не благоуханно, не зрело, не чарующе, и, увы, еще земное и естественное. Ибо, если сделаешь иначе, не преуспеешь. Бди и пойми — ничего не будет, если оставишь наш камень в одиночестве. Итак, соедини нашего слугу с его благоухающей сестрой, и пусть они породят сына, который не будет растворен в родителях его. Но так как Габрикус есть носитель (porteur) Добры, никакое рождение невозможно без Габрикуса. Несомненно, бракосочетание Габрикуса и Добры уже состоялось. Ибо Добра взобралась на Габрикуса и затворилась во чреве его так, что ее вовсе не стало видно. И она с такою любовью обняла Габрикуса, что вобрала в себя собственное естество, разделившись на неделимые частицы» (E.Canceiliet. *Alchimie...*, p.32).

Однако, следует вновь подчеркнуть инфернальный, «содомский» аспект земного, материального, «воровского» вос-

хищения неизреченного и даже изрекаемого оформления Божественного и Царского Эроса:

«Беднячок! — воскликнула Марина, и на глазах ее навернулись слезы. — Бедный, бедный. Конечно, я поеду. А твоя жестокость, Ада, иногда выглядит... выглядит... я не знаю — сатанинской. <...>

Но вспыхнувшее было неудовольствие вскоре погасло. Ада попросила у гувернантки карандаш и бумагу. Лежа на животе, подпирая ладонью щеку, Ван смотрел на склоненную шею любимой, игравшей в английские анаграммы с Грейс, которая невинно предложила свое «insect» (насекомое — англ.) — Scient (ученый — англ. архаичн.) — сказала и сразу же записала Ада.

— Ну уж нет! — воспротивилась Грейс.

— Ну уж да! Я уверена, что есть такое слово. Я уверена, что есть такое слово. He is a great scient. Dr. Enstic was scient in insects.(Он великий ученый. Доктор Энстик был ученым по насекомым — англ.)

— Грейс поколебалась, постукивая резиновым кончиком карандаша по наморщенному челу, и, наконец, надумала:

— Nicest (наилучший, милейший — англ.)

— Incest — сразу откликнулась Ада.»

(Владимир Набоков. *Ада, или радости страсти*. Пер, с англ. Сергея Ильина. М., 1996, с.82-83; необходимое для понимания указанного аспекта выделено нами — В.К.)

Имя *«Ада»* здесь, разумеется, не случайно.

Появление в рассказе об *Орфее-«Златовере»* «крылатого мужа по имени» *Феб-«Голубка»* закономерно, причем оно именно *при завершении* Великого Делания. *Э.Канселье* писал:

«...Виктор Гюго в своем романе о Notre-Dame de Paris *написанном полностью под очарованием алхимии, вручает юной и соблазнительной* Эсмеральде *(по-испански* — изумрудная*), любовное влечение к рыцарю (chevalier)* Фебу (Phébus)... *Необходимо указать, в свою очередь, что более глубокое фонетическое рассмотрение слова* fève *(старофранцузское* febve, *латинское* faba*) приводит к греческому* φαφ, faps, *происходящему в свою очередь от* φασος, fabos, *что означает* голубка (colombe)». (E.Canseliet, *Alchimie...*, p.97).

Василий Валентин именно здесь в связи с явлением *голубки*, говорит о рождении *Камня* или *Царя (Roi, Короля)* и особой *«Царской Крови» (Sang Royal→Saint Graal). «Царерождение»*, собственно, и есть завершение Великого Делания, при котором *Царь, Камень* и *Универсальное Лекарство* суть одно и то же. Использование всех этих понятий для обозначения одной и той же неизреченной *«вещи» (chose)* в том числе связано с тем, что цари (короли) «первой расы», исцелявшие проказу и другие болезни, сами рассматривались как «Универсальное лекарство», сила которого заключалась в «царской крови», которую нельзя было проливать даже на войне, ибо она была *целебной*, как пишет *Дж.М.Уоллес-Хэдрилл* в книге *«Длинноволосые короли»*, (thaumaturgical). При этом и *«Церковь знала, что на самом деле в основе франкского царства пребывала именно кровь»* (op. cit., p.199). В этом смысле Философский Камень подобнотождествен Чаше Святого Грааля, как и другие проявления повсюдуприсутствующего *«Несказанного»* (используя выражение *Вл.Микушевича*. См. *Корпус лекций, прочитанных в 1996-97 гг. в Московской Гуманитарной Академии*. Аудиозапись) — *Квадратуры Круга, Вечного Двигателя*, и даже *«вещи»* из известной русской сказки *«Поди туда, не знаю куда, принеси то не знаю что...»* Отождествление *Камень-Царь (Король)* восходит к пониманию Царя как *«образу одушевлену Самого Царя Небесного» (преп. Максим Грек)*. Камнесозидающее начало *Царской Крови* также есть отражение своего рода *«евхаристического голода»*, порожденного в Европе отказом в причащении всего народа как *св. Телом*, так и *св. Кровью* Римо-Католической, «латинской» Церковью. Это в значительной степени (хотя, разумеется, не только это) породило и Корпус романов и поэм о Святом Граале. *«То же значение соединяется преданиями и с копьем*, — писал *А.Н.Афанасьев* (вспомним роль копья сотника Лонгина в Корпусе Святого Грааля — В.К.) — *Огненному змею старинные песни дают копье. В народной сказке об Еруслане находим любопытный рассказ о поездке этого богатыря за тихие воды, за теплые моря к вольному Царю-Огненному Щиту и Пламенному Копью. Царь этот, по свидетельству сказки, ни в огне не горит, ни в воде не тонет; он испускает из себя пламя и пожигает своих врагов; он дает зрение* («Универсальное лекарство» — В.К.). *На картине, кото-*

рою украшена лубошная сказка об Еруслане, царь этот изображен воином на коне (ср. cabala = «искусство конных» как один из путей Великого Делания — В.К.), *в руках у него* круглый щит, испускающий вокруг себя огонь, и копье, на острие которого горит пламя; *на голове вольного царя лежит* корона. *Все эти сказочные подробности указывают на представление* солнца» (А.Н.Афанасьев. *«Мифическая связь понятий: света, зрения, огня, металла, оружия и жолчи»*. Отечественные записки. 1850, №10. Цит. по А.Афанасьев *Происхождение мифа*. М., «Индрик», 1996, с.242-243). Поклонение дохристианским человечеством Солнцу непосредственно сменилось осознанием Солнца (и золота) как *образа «Оумна Слнца» или «Умного Золота»*, то есть *Самой Пресвятой Троицы*. Отсюда *золотой фон* православных икон, утрата которого в Римской Церкви сделала в недрах ее особенно напряженными поиски золота алхимического, прежде всего среди бенедиктинцев, тайно *благословленных*.

Иконическая природа *Царя-Камня* как *чудотворного образа Царя-Христа* становится совершенно очевидной в ходе всего Великого Делания, при котором появляется *звезда* — образ *Звезды Царей, Звезды Магов*; завершается же оно «разрешающим на всяческая» явлением *голубки*, «в виде которой нисходит Святой Дух (Roakh) в день Богоявления, *«свидетельствуя словесем утверждение»*. Известно, что в *Древней Церкви Рождество и Богоявление праздновалось в один день* (сам праздник Богоявления был не только праздником Крещения, но и Царей-Волхвов), что до сих пор отражено во французской детской игре в *«Пьяного короля»* (Bois Rois), при которой *бобовое зерно (fève)* запекают в пирог и выкликают: *«Phoebe Domine! Seigneur Phebus! Seigneur de la Fève!»* При этом *зерно, Царь* и *Голубка* оказываются одной и той же сущностью. Герменевтику этой игры подробно раскрыл *Эжен Канселье* в *указ. соч.* р.90-101.

Подтверждение тому, что *Философский Камень (Царь или Король)* выступает (в условиях господства иссушающей «филиоквической» догматики) как *чудотворная икона Спасителя*, свидетельствует единое именование западных мастеров алхимии и восточных иконописцев *философами*. Собственно, в этом и

есть отличие «философов», или «любомудров», от *«суфлеров»*, занимающихся «алхимией либертинов, в пределе своем «королей-вампиров», то есть исключительно поисками физического золота и породивших *спагирию*, алхимическую *магию*, на «отходах» которой возросла вся современная «позитивная наука».

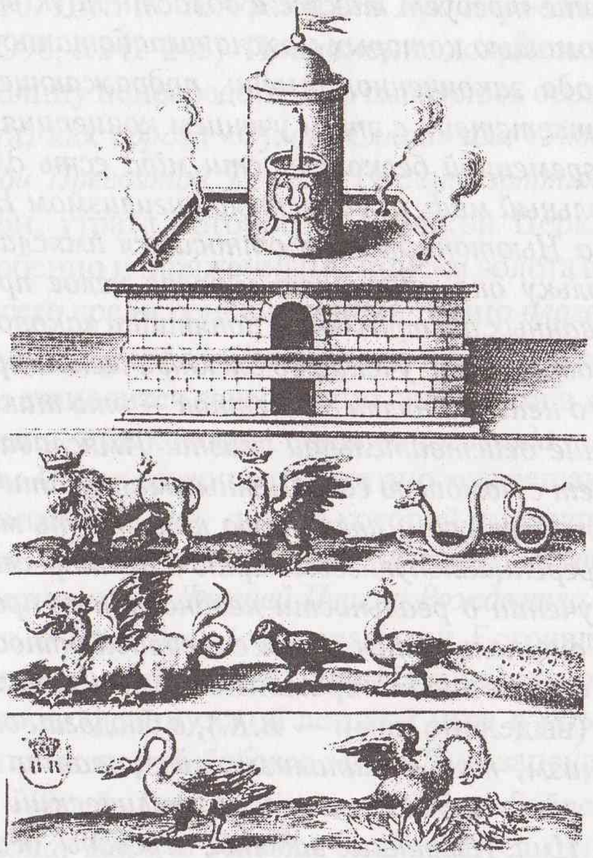
Но о позитивной стороне истинной, классической алхимии, связанной с глубинами Богомыслия, писал крупнейший русский православный ученый. Вот точка зрения *монаха Андроника (А.Ф.Лосева)*, высказанная им в статье *«Имяславие»*:

«Имяславие требует также в области наук вообще таких методов, с помощью которых можно выработать учение о міре как своего рода законченном имени, подражающему Божьему имени. В соответствии с этим учением концепция о пространственной и временной бесконечности міра есть для имяславия лишь произвольный миф, измысленный нигилизмом Нового времени. Механика Ньютона также относится имяславием к нигилизму, поскольку она подчиняет міровое целое простому ряду гипостазированных абстрактных понятий и законов: классическая химия, современное учение об электрической природе материи и учении о неизменности элементов — это также абстракция и убивание действительной жизни. Имяславие, напротив, провозглашает с помощью современных математических методов пространственную и временную конечность міра, оно применяет дифференциальную геометрию и вектор-сенсорный анализ в своем учении о реальности неоднородных пространств; в полной мере оно пользуется также теорией относительности, защищиает с помощью современной математики алхимию и астрологию (выделено нами — *В.К.*)*; в биологии оно отвергает как механицизм, так и витализм, признавая за единственно возможную здесь точку зрения символический органицизм»* (А.Ф.Лосев. *Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы*. СПб, 1997, с.16-17.).

Стр. 149. Указание о *«вхождении во дворец»* и *«овладение тонкой сущностью, владеющей всем во всем»*, по сути своей, есть указание на *«умный»*, *«философский»* аспект алхимического ведения, *не имеющий отношения ни к магии, ни даже к «физическим операциям»* и тождественный *«обóжению»* всего

духовно-душевно-телесного состава, о котором прикровенно говорит ученый бенедиктинец и открыто — Святые Отцы Восточной Церкви.

ВЕКОВ К. А.
Гусь-Хрустальный
1996

Выражаем нашу искреннюю благодарность господину *В.А.Каспарову*, указавшему на недостатки перевода и способствовавшему их исправлению.

ИНДЕКС

именной, а также псевдонимов, криптонимов, понятий, символических выражений и специальных терминов Герметической Философии

А

Абсолютная тьма 180
АВВА ФАЛЛАСИЙ 212
АВГУСТИН БЛАЖЕННЫЙ, святой 225, 226
АВРААМ ЕВРЕЙ 179, 183
АДАМ 124, 144, 176, 190, 193, 226, 239, 248-252, 256, 257
Адепт 12, 13, 15, 17-19, 45, 46, 53, 63, 122, 129, 141, 148, 150, 159, 165, 166, 169, 208, 240, 245
Азбуковник 216
Азот 13, 157
АКСЕНОВ, И.В., дьякон 184, 189
АЛЕКСАНДР III, папа 202
Алкагест 101
АЛЛО, Рене 86
Алхимическая дверь 14
АЛЬБЕРТ ВЕЛИКИЙ 223
АМВРОСИЙ МЕДИОЛАНСКИЙ, святой 180
АНДРЕЙ КЕСАРИЙСКИЙ, архиепископ, святой 188
АНДРЕЙ КРИТСКИЙ, святой 180, 193, 231, 245
АНДРЕЙ РАДОНЕЖСКИЙ, иконописец, святой 255
Андрогинат 179, 227
Андрогинность 140, 227
Андрогинный человек 107
Анонимность 17
АНРИ 169
АПОЛЛОН 79
Арготический язык 41
Арготическое искусство 174
АРИСЛЕУС 143, 165
АРТЕФИУС 18, 44, 187
Астрономия 196
Атанор 201, 204, 205, 208, 215, 239, 245, 253
АФАНАСЬЕВ, А.Н. 215-217, 226, 259, 260

Б

БАГДАСАРОВ, Р.В. 203, 225, 226, 229
БАЙЕР, Альберт 16
Баня Марии 125, 136, 137, 256
Баня минеральная 79
Баня огненно-водяная 239
БАТЕНЬКОВ, Г.С. 242
БАУМЕР, Иоганн 33
БЕЙЛИ, Г. 190, 192, 194, 195, 240
Белая вода 66
Белая Луна 163
Бел-горюч-камень 217
Беличий мех 42
Бенедиктинцев каталог 24, 26
БЕРЖЬЕ, Жак 201
БЕРКОВСКИЙ, Н.Я. 198
БЕРХЕЙВ, Герман 12, 24, 33, 34
Бестиарий Великого Делания 16
Бесформенная материя 100
Битва 234
Благоразумие 130
Благословенная вода 28
БОГОМЛАДЕНЕЦ 180, 181, 211

БОГОЧЕЛОВЕК 9, 189
Божественная Бутылка 41
БОЖЕСТВЕННЫЙ ИНФАНТ 180
Большая Медведица, созвездие 176, 224
БОР, Нильс 215
БОРРИХ, Олаф 6, 7
БОШАР, Самуэль 225
Брак (женитьба) 104, 194, 212, 218, 234, 257
БРЕТОН, Андре 127
БРИ, ЯН Теодор де 16
БЭКОН, Роджер 12

В

ВАЛЬДЕС, Леаль 89
Валькенридский монастырь 17, 28, 29
Варка 127, 187
ВАРЛААМ КАЛАБРИЙСКИЙ, святой 206
ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ, святой 207
ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ 195
ВЕГ, Иоганн 178
ВЕДЕЛЬ, Георг Вольганг 12
ВЕЙЦ, Яков 29
Великий Камень 6, 100,129, 201
Великий Конь 177, 178
Великий Монарх 39, 188
ВЕЛИКОВСКИЙ, Иммануил 196
Великое Лекарство 38
ВЕНГРИЯ 67, 225
ВЕНЕРА 61, 65, 66, 129, 130, 135, 137, 158, 163, 196, 197, 210, 222, 244, 251
Венская Библиотека 14
Вера 175, 198, 199, 206, 226, 227, 237
ВЕРБЕК, Г. 226
ВЕРГИЛИЙ 120
ВЕРН, Жюль 230
Веселая Наука 84
ВЕСЕЛОВСКИЙ, А.Н. 245
Весна 96, 241
Веспер 66
Весы естества 9
Ветер двойной, Вультурн 108
Ветер единый, Нот 108
ВИЛЛАНОВА, Арнольд де 222, 257
ВИЛЬЕ де л'ИЛЬ АДАМ 5
Виннокаменная соль 189
Винный камень 91, 162, 164
Винный осадок 41, 162
Винный спирт 125, 158
Вино 125, 162, 194, 196, 233, 241
Вино белое и красное 166
Вино Философов 251
Виноград 166
ВИРТ, Герман 255
Вифлеемская пещера 180, 188
Вифлеемский вертеп 180, 198
ВЛАДИМИР, князь, святой 231
ВЛАДЫЧИЦА НАША ПОДЗЕМНАЯ 44
Влажный путь 66
Возвратный рычаг 72
Воздержание 130
Волк 74, 230
ВОЛОШИН, М. 231, 240
Ворон 127, 253, 254
Воспламененный двоечеловек 107
Восстановление 67
Восточный Зверь 66, 67
Восхищение (экзальтация) серы 139, 148
Врата затворенные 101
Врата Работы 101, 243

Всеобщее (Универсальное Лекарство) 38, 137, 150, 185, 238, 259
Всеобщее Согласие Философов, Чернь (Торф) Философов, Turba Philosophorum 140, 143, 144, 245
Всеобщий Меркурий 141, 142
Вулкан 59, 63-65, 67, 72
ВЯЗЕМСКИЙ, П.П., князь 174

Г

ГАБЕРТЕН 143, 144, 257
ГАМОН, Кристофаль де 137
ГАРГАНТЮА 41, 61
ГЕБЕР 16, 83
ГЕБР 48
ГЕЛЬМОНТ, Жан-Батист ван 33-35, 101, 182
ГЕЛЬМОНТ, Франсуа Меркюр ван 34
ГЕНКЕЛЬ, (И-Ф) 90
ГЕНОН, Рене 236
Геометрия 261
ГЕРАСИМ, святой 179, 240
ГЕРМЕС 23, 47, 59, 84, 129, 159, 202, 221, 227, 255
ГЕРМЕСА Печать 110
Герметическая мастика 110
Герметическая рыба 165
ГИНЗБУРГ, Ирвин 251
ГИПЕРБОРЕЯ 216, 255
ГЛАУБЕР 117
Гниение 93, 94, 117-120, 122, 124, 163, 209, 253
ГОБИЛЬ, Пьер 16
ГОБИНО де МОНТЛУИЗАН (ЭСПРИО) 131
ГОЛЛАНД, Иоанн Исаак 222
ГОЛОВИН, Е. 230-232
Голубь, голубка 216, 225, 228, 254, 258, 260
Гомункул 46
ГОНОРИЙ III, папа 202
ГОНОРИЙ ОТЕНСКИЙ, святой 226
ГОРАЦИЙ 21
Готическое искусство 174, 175
ГРАНЖЕ, Мишель 178, 197, 201
ГРАССХОФ, Иоганн 13
Гремучее золото 32
ГРИГОРИЙ XIV, папа 202
ГРИГОРИЙ НИССКИЙ 247, 248-250, 252
ГРИГОРИЙ ПАЛАМА 203, 207, 218, 220, 256
Грубый камень 44, 110, 187
ГУАЙНЕРИУС 30
ГУГИНУС 107
ГУДЕН, Иоганн Мориц 23, 24
ГУРДЖИЕВ, Георгий Иванович 113
ГУТЕНБЕРГ, Иоганн 19
ГЮГО, Виктор 26, 178, 258
ГЮТЕН, Серж 33

Д

ДАГОБЕРТ II, король 183, 257
ДАНТЕ 224
Дар Божий 45
Два Камня 196
Два Солнца 91, 238
Две звезды 66
Две Церкви 66
Двоечтение 130
Девица 227, 257
Девица Чернава 234
ДИАДОХ ФОНТИКИЙСКИЙ БЛАЖЕННЫЙ, святой 252
ДИАНА 79
ДИГБИ, дворянин 7

ДИДИОН или ДАДОН 173
Дикая роза 148
ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ 181, 188, 202, 211
ДИОНИСИЙ АРЕОПАГИТ, святой 212, 246
ДИОНИСИЙ ПАРИЖСКИЙ, святой 212
ДОБРА (ВЕУА) 143, 144, 257
ДОМИНИК, святой 202
ДОРН, Герард 13
Дофин 40
Драгоценная соль 121
Дракон 80, 82, 86, 156, 157
Древний Камень 56
Древняя война конных 44, 159
Древо Жизни 150, 208, 217
Древо Познания 150, 190
Дуб 187, 188, 216, 217
Дуб дуплистый 183, 184, 187, 188, 230
ДУГИН, А.Г. 185, 186, 220, 225, 226, 255
ДУРАСОВ, Г.П. 225, 226, 229
Дух 34, 56, 58-60, 62, 63, 98, 99, 100, 124, 150, 162, 175, 182, 183, 189, 199, 203, 207, 227, 237, 238, 240-242, 249, 254
Дух Божий 190
Дух винной соли 163
Дух золота 184
Дух Луны 163
Дух материи 115
Дух Меркурия 16, 21, 205
Дух огненный 80, 115
Дух разума 194
Дух Святой 178, 189, 206, 226, 231, 249, 252, 253, 255, 260
Дух соли 156, 162, 163
Дух Солнца 163
Дух тьмы 189
Духи 60, 93, 114
Духовная вода 113
Душа 3, 8, 34, 59, 60-63, 65, 110, 124, 150, 182, 183, 191, 193, 212, 213, 227-229, 237, 239, 243, 249, 252, 254
Душа земли 97
ДЮ КАНЖ 39
ДЮНН, Ханс 19

Е

ЕВА 124, 144, 250, 251, 256, 257
Елей стекла 39
ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ 195
ЕЛЕНА ТРОЯНСКАЯ 192
ЕПИФАНОВИЧ, С.Л. 246
Естественный огонь 169

Ж

Железо 100, 169, 198, 210-212, 222
Жена (virago) 107
Женитьба, брак 62, 104, 194, 212, 218, 234, 257
Жених 62, 78, 79, 199, 227
ЖЕРАР 22
Живая вода 220
Живое серебро 222
Живой угль 205
Жидкий огонь 192
Жидкое золото 100
ЖУАЛИВЕ-КАСТЕЛО, доктор 200

З

Зародыш металлический 96, 237
Звезда 27, 94, 98, 173, 180, 181, 190, 196, 216, 224

Звезда Аркадии 242
Звезда во лбу 190
Звезда Магов 260
Звезда Меропе 181, 203, 242
Звезда Морей 181
Звезда Мудрецов 211
Звезда полюса 211, 242
Звезда Рождества 242
Звезда Севера 66, 211, 242
Звезда учащихся 202
Звезда Царей 180, 211, 242, 260
Звезда шестиконечная 9, 223
Звездная соль 63
Звездное золото 160
Звездное семя 214
Звездное царство 220
Звездный бальзам 63
Звезды служащих 202
Земледелие 236
Земля Мудрецов 113
ЗЛАТОВЛАСКА 192, 193
Златой Камень 217
Змея, змей 82, 148, 156, 160, 190, 217, 224, 246, 247, 251, 259
Змия ГАРАФЕНА 217
Змия МАКЕДОНИЦА 217
Зодиак 224, 240
Зола 44, 191, 193, 224
Золота исток 48
«Золотая легенда» 177
Золото 23, 32, 44, 48, 61, 63, 68, 74, 100, 133, 135, 149, 155, 156, 159, 163, 179, 184, 185, 190, 193, 204, 211, 215, 218, 220-222, 232, 235-239, 253, 260, 261
Золото Мудрецов 160
Золотое Руно 39, 48, 174, 187
Золотой треножник 8, 16
Золотые зернышки 195
Золотые нитки 192
Золотые пчелы 247
ЗОЛУШКА 42-45, 190-195, 224

И

ИАКОВ ГАЛИЦИЙСКИЙ ЗВЕЗДОЗДАТЕЛЬ, святой 27, 28, 179, 180
ИАМСУФ 133
ИЖЕ, Клод д' 17, 89, 131
Известь 155
Изумрудная Скрижаль Гермеса 221
Интуиция 82
ИОАНН ЗЛАТОУСТ, святой 212
ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ, святой 9
ИОАНН, святой апостол 117, 184, 205, 254, 256
ИОСИФ АРИМАФЕЙСКИЙ, святой 179
Ирий 217, 218
ИРИНЕЙ ЛИОНСКИЙ, святой 184
Искусство кентавров 178
Источник 254

К

КАЙО, Андре 7
Кал, каловые массы 90, 117, 168
КАЛИД, царь 196, 244, 245
Каменная соль Философов 97
Камень (Петра) 53, 55-57, 84, 92, 96, 129, 135-137, 141, 143, 145, 149, 150, 155, 160, 176, 191, 194-201, 203-207, 215-218, 224, 226, 236, 238, 239, 245, 249, 253-255, 257-259
Камень белый и камень алый 41
Камень веры 198

Камень всех Мудрецов 149
Камень Древних 6, 53, 63, 201
Камень Философов 44, 47, 68, 166
Камень-Алатырь 217, 218
Камень-пришелец 197
Камень-царь 259, 260
Карбункул 30, 38, 65
КАРЛЬ, Жак 178, 197, 201
КАРРУГЕС, Мишель 27, 79
КАССИНИ, Доминик 43
Квадрат Мудрецов 110
Квадратура Круга 259
КЕРЛОТ, Х.Э. 236
Кермес 83
КИПРИАН (КЕРН), архимандрит 203
КИПРИАН, святой 225
КИРЬЯНОВ, Б.Н., священник 184, 189
Кладбище Невинных Младенцев 180
КЛАССЕН, Егор 174
КЛИМЕНТ, папа 225
КЛОДИО, король 173
Ключ 39, 61, 62, 85, 117, 181, 199, 217
Ключ воды и жизни 101
Ключ философов 223
Коагуляция, сгущение 243
КОЙРЕ, А. 238, 243, 244, 250
КОЛУМБ, Христофор 19
КОЛХИДА 48, 187
Кольцо Мебиуса 234
КОНДЕСИАН, Герман 13
Конный 143, 144, 146, 173, 177, 178, 260
Конский навоз 90, 136, 168
Корень золота 184, 233
КОСМОПОЛИТ 46, 62, 63, 91, 97, 166, 214, 238
КОСТЕНЕЦКИЙ, Константин 235
Кошенильный червь 83
Краеугольный Камень 55
Красная кровь 86
Красное море 68
Красное яйцо 245
Красный лебедь 244
Красный пепел 93
КРЕМЕР, Жан 8
Крепость, укрепление 66, 240
Круг с крестом 127
Круглая сфера 67, 228
Крылья, крыла 63, 66-68, 77, 80, 228
Кум и Кума, крестные родители 46
Купорос (витриоль) Философов 40
Купорос 13, 40, 176, 223, 241

Л

ЛАБОРД, Леон де 19
ЛАЗАРЬ ЧЕТВЕРОДНЕВНЫЙ, святой 179
ЛАМБРИХС 7
ЛАНГЕЛОТТ, Иоиль 14
ЛАНГЛЕ-ДЮФРЕНУА 10, 16, 17, 66, 68
ЛАНЬО, Давид 8
ЛЕ БРЕТОН 40
Лебединая песня 105, 107
Лебедь 104, 105, 127, 244, 254
Лев 74, 96, 148, 179, 230, 239, 240, 247
Лев зеленый 158
Лев золотой 130, 131
Лев истинный 158
Лев красный 158
ЛЕВ-ХРИСТОС 239
ЛЕЙБНИЦ, Готфрид Вильгельм фон 20, 21, 24

Лекарство 100, 149, 185, 205, 211, 238, 259
Летучий дух 100, 101
ЛИЛИТ 251
ЛИМОЖОН де СЕНТ-ДИДЬЕ 96, 159, 160, 164
ЛИНДЕН, Иоганн-Антонид ван дер 25
ЛИНДОН 7
ЛИНТО, Анри де 137
Лис, лиса 82, 83, 87
ЛИТТРЕ 22
ЛОСЕВ, А.Ф. (монах Андроник) 204, 261
ЛОССКИЙ, В.Н. 197, 251, 252
ЛУЛЛИЙ, Раймунд 166, 169, 179, 224
Луна 60, 61, 64, 68, 130, 210, 211, 222-224, 235, 237, 241, 254, 257
Луна Мудрецов 104
Лунатический вулкан 63, 169
Львиная скала (гора) 137, 240
ЛЮТЕР 11
ЛЮЦИФЕР 66, 187, 188, 195-197, 251

М

Магнит 79, 211, 213
МАЙЕР, Михаил 8, 10, 11, 15, 16, 69, 86, 112, 122, 224, 226
Майская роса 98, 240
МАКАРИЙ ЕГИПЕТСКИЙ 256
Макрокосм 176, 181, 182, 201, 204, 208, 222, 223, 245, 257
МАКСИМ ГРЕК, святой 226, 259
МАКСИМ ИСПОВЕДНИК, святой 182, 213, 220, 221, 228, 236, 246
МАКСИМИН, святой 179
Маленький Инфант 188
Маленький царь (король-ребенок) 77, 181
МАНЖЕ, Жан-Жак 10
МАНУЙЛОВ, профессор 200, 201
МАРИЯ МАГДАЛИНА, святая 179, 199, 245
МАРК АНТОНИЙ 142
Марс 61, 63, 64, 74, 129, 210, 222, 224
МАРФА, святая 179, 199
МАРЬЯ МОРЕВНА (МОРСКАЯ) 195
Матка (реторта) 42
Матка 209, 210, 213, 215
МАТФЕЙ, святой апостол 198, 199, 236
Медведь 179, 224, 230, 240
Медлительный Генрих 169
Медь 61, 137, 163, 169, 198, 210, 222, 231
МЕЙЕНДОРФ, Иоанн, протоиерей 236
МЕРКЛИН, Георг Абрахам 25
Меркуриальная жидкость 63
Меркуриальная масса 169
Меркуриальная первосущность 254
Меркуриальная роса 241
МЕРКУРИЙ 16, 21, 33, 34, 36, 40, 44, 60, 62-64, 68, 77, 83, 84, 89, 92, 105, 107, 124, 127-129, 135, 137, 139-141, 145, 146, 148, 155, 146, 164, 167, 183, 187, 196, 205, 206, 210, 211, 219, 222, 223, 233, 237, 242, 250
Меркурий Мудрецов 156, 184
Меркурий Философов 36, 100
МЕРОВЕЙ или МЕРОВЕХ, король 173, 191, 247
Мертвая Голова (Caput mortum) 90, 254

МЕССИАН, Оливье 179
Месячные 211, 241
Металлический дух 186, 187
Металлическое семя 124, 145, 209, 214, 215
МЕФОДИЙ ПАТАРСКИЙ, святой 227
Микрокосм 110, 176, 181, 188, 201, 204, 208, 222, 238, 239, 244, 245, 257
МИКУШЕВИЧ, В.Б. 174, 188, 221, 230, 259
Милость 129
Минерал 52, 175, 182, 200, 204, 221, 224, 240
Минеральная чета 127
Минеральное Делание 46
Минеральное яйцо 41
Мировой дух 160
Мировые месячные 101
Могучий Царь 36
МОЁ, Пьер 7, 16, 39, 122
Молоко Девы 149
МОРИЕН, философ 107, 244
МОРИЦ, Эрик 14, 15
Морская вода 216
Морская звезда 192
Морская змея Лабизмина 190
Морской царь 232-236
МОРХОЗИЙ или МОРХОФ, Даниил Георг 14, 25, 28, 32
Музыка 61, 179, 226

Н

НАБОКОВ, В. 258
Наука Числительная 129
Начала 33, 34, 40, 57, 59, 60, 62, 63, 79, 127, 184, 218, 223, 250, 254, 257, 259
Небесная Архея 241
Небесная радуга 104
Небесная роса 240, 241
Небесное сияние 211
Небесный камень 197
Небесный цветок 241
Невеста 62, 77, 200, 227
Нежный запах 11
Незаходимый мрак 180, 231, 245
НЕКТАРИЙ ОПТИНСКИЙ, святой 203
Немая Книга 241
Нептун 104
Нептунова баня 107
Несгораемое масло 63, 65, 93
НИКОЛАЕВ, Ю. 247
Нитра, горючая селитра 97, 189
Нить Ариадны дабы безопасно войти в Лабиринт герметической Философии 56
НОРТОН, Томас 8
Носток 98, 240, 241
НЮИСМАН, Хлодвиг Асто де 227

О

Обсерватория Парижская 44
Обычная печь 168
Обычный Меркурий 157
Обычный огонь 168
Огненная вода 110, 165
Огненная река 217, 239
Огненное езеро 176
Огненное колесо 127
Огненный змей 259
Огонь 176, 187, 211, 218, 223, 229, 238, 239, 243, 254, 260
Огонь естественный 109
Огонь неестественный 169
Огонь преестественный 107

Огонь природный 90
Огонь противоестественный 169
Оживление 98, 229, 249
Окраска (цвет) 241, 245
ОЛЬГА, княгиня, святая 190
ОПОРИНУС 35
ОРАШ, Жорж 186, 245
Орел 80
ОРИГЕН 183
ОРФЕЙ-ЗЛАТОВЕР 143, 144, 258
Остров Буян 215-218
Офеней 190
ОХОТИН, Леонид 242
Очищение 97, 158

П

ПАВЕЛ, святой апостол 42
Павлин 127, 254
ПАВЛОВИЧ, Г. 235
Пактол 48
ПАЛОМБАРА, маркиз де 13, 15
ПАНТАГРЮЭЛЬ 41, 42
ПАНТЕУС 40
ПАПИРИЙ, Люций 75
ПАПЮС 178
ПАРАЦЕЛЬС 33-35, 39, 101, 213, 223, 236, 243, 250
ПАСТЕР 46, 120
Пеликан 86, 228
Пепел 91-94, 101, 136, 191, 224, 228, 256
Первая стадия работы 166, 180
Перводелание 74
Первоматерия 100, 156, 191
Первоначальный хаос 110, 190
ПЕРЕДОЛЬСКИЙ В.С. 255
ПЕРЕНЕЛЛА , 27, 179, 180
ПЕРНЕТИ, Дом 11
ПЕРРО, Дарманкур Пьер 43
ПЕРРО, Клод 43, 44
ПЕРРО, Шарль 43, 45
ПЕРЬЕ, братья (Иеремия и Кристоф) 7, 16
Песок 92, 136, 176, 198, 216, 232, 256
ПЕТР, святой апостол 84, 199, 216, 256
Петра 151, 196-198, 205, 236
Петух 82-84, 87, 225, 226
Печать Тамплиеров 188
Печь 136, 168, 187, 204, 215
Питание 228, 245
Питьевое золото 100, 159
Питьевое серебро 163
Пламенеющая звезда 181
Планеты 63, 196, 200, 210, 220-222, 224, 238, 251
ПЛАТОВ, А. 191
ПЛАТЦ, Винцент 24, 29
Плутон 80
ПОВЕЛЬС, Луи 113, 201
Полкан 178
Полюс 66, 98, 208, 211, 230, 242
Полярная Звезда 211, 242
ПОНТАНУС 165
ПОПОЛЬ-ВУХ 196
Порождение 41, 57, 227
Порошок проекционный 150
Посредник, посредница 60, 98, 163, 187, 237
Потерянное Слово 184, 220
Потерянный грош 113, 114
Потерянный Король (Царь) 184, 185
Потоп 9, 175, 196, 197, 227
ПОТТ, Иоганн Генрих 33
Поэзия 26, 178
Пояс жизни 65

Престолоблюститель 130
Преумножение 57, 200, 201
ПРИАМ 173
Приливы и отливы 78
ПРОКЛ 221
Прославление 60
ПСАММЕТИХ 45
ПУАССОН, Альбер 33, 34, 72
Пятая сущность, квинтэссенция 18, 42, 187, 214

Р

РАБИНОВИЧ В.Л. 219, 222-224
РАБЛЕ 41, 42, 44, 61
Разделение, сепарация 93, 181, 189, 229
Разложение 89, 124, 252
Размножение (мультипликация) 201, 204, 232
Разрушение 58, 158
Рай 53, 185, 216, 239
Райская любовь 218
РАЙХЕР, Самуил 28, 29, 36
Раковина 28
Растворение 209, 210
Растворяй и сгущай (Solve et coagula) 135
Растительный камень 57
РАШ (Raschius) 20, 24
РЕДИ, Франческо 46
РЕМИГИЙ (РЕМИ), святой 40
РИЛЬКЕ, Р.М. 191
РИПЛЕЙ 8
РОДОПА 45
Рождественская Звезда 180, 242
Рождественский вертеп 180, 188
Роза и Крест, братство 17
Роса 97, 98, 176, 219, 220, 224, 240, 241
РОТ, Г. 117
Ртуть 40, 62, 124, 127, 137, 139, 140, 183, 219, 222, 223, 227, 237
РУДОЛЬФ II, император 8
Рыба-прилипала 40
Рыцарь 258
РЮЛЬ 40

С

САВОРЕ, Андре 94
Сад Гесперид 48, 208
Садко 190, 231-236
САЛЬМИНЦИУС, Андреас 35
САЛЬМОН, Гийом 7, 16
Сальпетра 97
Сатурн 61, 63, 64, 72, 74, 128, 129, 135, 137, 166, 167, 210, 222, 224, 230
Сатурн Философов 75
САХАРОВ, А.Н. 217
Свет Премудрости 85
Свет, самоисходяший из тьмы 142
Свинец 74, 222
СВИФТ, доктор 45
Святая Ампула (стклянница) 40
Святая Грааль 188, 195-197, 233, 245, 259
Святая Троица 218, 226, 243, 260
Священное искусство 94
Северная Звезда 211, 242
Семя 96, 120, 189, 198, 203, 209, 210, 213-216, 223, 242
Семя земли 119
СЕНДИВОГИЙ, Михаил 16, 19, 57, 206, 209, 213, 215, 244
Сера 8, 33, 34, 59, 62, 63, 68, 83, 86, 89, 91, 124, 127, 128, 133, 139-141, 145, 148, 155-158, 160, 164, 169, 158, 183, 206, 219, 223, 233, 250

Сера воспламененная 85
Сера маслянистая 133
Сера металлическая 157
Сера Мудрецов 86
Сера небесная 87
Сера нестойкая 158
Сера-сердце 160
СЕРАФИМ (ЧИЧАГОВ), архимандрит 199, 256
СЕРАФИМ САРОВСКИЙ, святой 179, 189, 198, 199, 224, 240, 255
СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ, святой 224
Сердце 66, 96, 127, 139, 160, 175, 180, 253, 256
Сердце Меркурия 211
Серебро 23, 61, 163, 185, 221, 222, 232, 235, 237
Серный лев 139
СЕРРАНО, Мигель 177, 178
СЕТОН 46
Сила 99, 182, 187, 194, 198, 210, 212-214, 217, 220, 223, 228, 229, 239, 240, 243, 244, 247-249, 252
Символ веры 175
СИМЕОН БОГОПРИИМЕЦ, святой 178, 179, 189
СИМЬЕ, монастырь 66, 89, 101, 104, 139, 141, 148, 160, 165, 166
СИНЕСИУС, епископ 196
Синь-горюч-камень 232
СИРАНО де БЕРЖЕРАК 241, 245
Сириакский язык 174, 190
СИФИЛЮС 22
Скала 55
Скипетр 129
Соединение жениха и невесты 62
Соединение, соитие 57, 60, 63, 178, 223, 227, 229, 245, 254
Созидатель звезды 180
Сокрытое зерно 68
СОЛЕА, (Андреа де) 32
Солнечный град 17, 218
Солнца Мать 151
Солнце 60, 64, 77, 78, 92, 96, 111, 156, 159, 196, 210, 216, 218, 222-224, 230, 233, 235, 237-240, 244, 249, 254, 257, 260
Солнце Мудрецов 93, 104, 160
Солнце Философов 219
СОЛОМОН, царь 102, 192, 193
Соль 33, 34, 40, 52, 57, 59, 61, 62, 68, 91-94, 97, 107, 110, 124, 128, 141, 155, 159, 176, 183, 194, 195, 206, 210, 211, 219, 223, 225, 245
Соль земли 91
Соль Марса 61
Соль Философов 16, 93, 110, 219
Соль Хритса 187, 194, 245
Соляная кислота 163
СОНЬЕ де БОМОНТ 45
Сосуд с сурьмой 125
СОФИЯ ПРЕМУДРОСТЬ 193, 214
Сперма 120, 209, 213, 214
Справедливость 130
Средоточие всесогласия 96
Сталь 61, 62, 210, 211, 245, 250
СТАЛЬ, Георг Эрнест 33
Стекло 38, 42, 44, 94, 100, 186, 187
Стекло Фараона 40
Стеклянная туфелька 45
Стеклянное море 41
Стеклянное сердце 160
Стеклянный Царь, Царь в стекле 38, 39
Стихии (элементы) 59, 120-122, 186, 188, 209, 214, 216, 219, 239, 245, 248, 249, 252, 254
Страна Папоротников 135

СТЮАРТ де ШЕВАЛЬЕ, Сабина 37
Субъект Великого Делания 101, 157
Сульфур 127, 140, 183, 219, 223, 250
Сурьма 74, 125, 149
Сухая вода 83, 165
Сухая дистилляция 104
Сухое древо 89
Сухой путь 72, 148
Сфера 67, 68, 210, 211, 224, 228, 236, 238, 243,
Сфера мироздания 127
Сюрреализм 26, 178

Т

Таблица Менделеева 185, 186
Тайная звезда 181
Тайная Книга 165, 187
Тайная печь 169
Тайный катализатор 107
Тайный огонь 63, 72, 166, 169, 189
ТАЦИТ, Корнелий 224
Твердое (устойчивое) тело 61
Творение 58, 203, 208, 214, 220, 221, 245, 248, 252
Тело и Дух 60, 62, 182, 228, 237, 239, 249
ТИБЕРИЙ, император 245
Тинктура (настойка) 61, 74, 149, 244
Тирвалорские таблицы 196
ТИХОНРАВОВ, Н.С. 209, 239, 249
ТОЛЬ, Яков 11, 15, 36, 112, 122, 123, 160, 183, 184
ТОЛЬДИЙ или ТОЛЬДЕН, Иоганн 20, 31, 32
Томбелен, мыс 192
ТОПОРОВ, В.Н. 174, 242
ТРЕВИЗАН, Бернар 17
Третье начало 33, 35, 40, 104, 227
Три духа 102
Трижды Высочайшая Бутылка 41
"Тринк!" 41
ТРИСМОСЕН, Соломон 38, 39, 41
ТРИТЕМ, аббат 173
Тройная печь 168, 169
ТУТАНХАМОН 30
Тюремщик серы 166
ТЮТЧЕВ, Ф.И. 197, 198

У

Уксус 124, 125, 164
Уксусная кислота 164
Универсальная жизненная константа 231
Универсальная смерть 230
Универсальное искусство 224
Универсальное лекарство 238, 259
Универсальный дух 240, 241
Универсальный дух 240, 241
Универсальный рассотворитель 186
Универсальный растворитель 101, 186
Универсальный флюид 98
УОЛЛЕС-ХЕДРИЛЛ, Дж. М, (WALLACE HADRILL, J.M.) 173-175, 219, 230, 247, 259
Устойчивая соль 61
Устойчивый Меркурий 60
Утренняя Звезда 176, 181, 224

Ф

ФАРАМОНД, король 173
ФЕБ-Голубка 144, 146, 258
ФЕНИКС 66, 83, 91, 127, 224-228, 254

"Феня" 190
Ферментация 163
ФИГЬЕ,. Луи 33, 244, 245
ФИЛАЛЕТ, Ириней 12, 17, 36, 62, 66, 68, 98, 131, 157, 169, 184, 206, 210, 233
Философская луна 77
Философская матка 165
Философская навигация 230, 256
Философская Обитель 180
Философская печь 215
Философская призма 187, 245
Философская ртуть 219, 227
Философская сера 93, 140, 219, 227
Философская соль 164, 227
Философская стклянница 186, 189
Философская троица 140
Философская чаша 40
Философские пещеры 215
Философский брак 234
Философский Камень 9, 30, 38, 45, 53, 145, 146, 166, 185, 189, 205, 222-224, 226-238, 244, 255, 259, 260
Философский компас 242
Философский космос 235
Философский ледовитый океан 231
Философский Магнит 240
Философский Меркурий 62, 63, 157
Философский огонь 165
Философский псевдоним 26, 35
Философский сосуд 245
Философское Делание 255
Философское жилище 253
Философское золото 61, 63, 72, 96, 145, 160, 181
Философское море 181, 191, 203, 214, 230, 231, 233, 234
Философское плавание 232, 256
Философское серебро 72
Философское созвездие 253
Философское солнце 77
Философское чтение 46, 221
Философское яйцо 40, 110, 239, 245
ФЛАДД, Роберт 241
ФЛАММАРИОН, Камиль 44
ФЛАММЕЛЬ, Николай 27, 117, 179, 180, 184, 188, 206
ФЛОРЕНСКИЙ, П., священник 238
ФОГЕЛЬ, Мартин 24
ФОМА АКВИНСКИЙ, святой 104
ФОМИН, О. 207
ФОМИН, С. 189
ФРАКАСТОР, Иероним 22, 23
ФРАНСУА, король 173
ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ, святой 179
"Французская болезнь" 21
ФРЕДЕРИК III, император 205
ФРИДРИХ, Петр 25
ФРИКС или ФРИКСОС 187, 189
ФРОНД, Гильом 134
ФУЛКАНЕЛЛИ 7, 44, 173-175, 177, 178, 180, 184-186, 188, 189, 201, 202, 207, 208, 221, 233, 240-242, 244, 245, 250, 251, 254, 256

Х

Хаос 190, 243, 254
ХАРПРЕХТ, Ханс 16
Хвост дракона 63
ХИЛЬДЕРИК I, король 247
Химический человек 160
Хинкмар 40
ХЛОДВИГ, король 40, 247
Холодное Солнце 238

ХРИСТИНА ШВЕДСКАЯ, королева 13, 15
Христова соль 194, 245
Хрусталь 186, 187, 194, 245
Хрусталь Философов 188
Хрустальная туфелька 192
Хрустальный бокал 245
Хрустальный дворец 192
Хрустальный собор 245
ХУНВАЛЬД (доктор Генрих) 10, 158

Ц

Царевместилище 186
Царица (Королева) 72, 79, 87, 104, 107, 130, 151, 165, 186, 212, 227, 245
Царица София 195
Царица-Премудрость 218
Царская кровь 258, 259
Царская наука 177
Царский Дворец 36, 41, 75, 175, 183, 211
Царское искусство 175, 178
Царь (Король) 72, 74, 75, 79, 80, 85, 86, 91, 104, 107, 128, 136, 143, 144, 165, 173, 174, 176-178, 181, 185, 187, 188, 191, 200, 205, 211, 212, 219, 224-226, 230, 233, 234, 239, 245, 248, 253, 255, 258-260
Царь-Девица 218
Царь-Камень 259, 260
Царь-Огненный-Щит 218, 259
Царь-Священник 223
Царь-Солнце 244
ЦАРЬ-ХРИСТОС 260
Цвет 127, 128, 136, 137, 186, 193, 195, 196, 200, 238, 241, 244, 245, 253, 254
Цветы 48, 65, 89, 148, 186, 241, 245
Целибат, безбрачие 27
Центрическое Солнце 92, 239
Циклические суды 9

Ч

Чаша 142, 176, 194, 195, 247, 251, 259
Чаша естества 40, 110
Чаша Неупиваемая, икона 195
Черная Дева 44
Черная земля 66
ЧЕРНЕЦОВ, А.В. 203

Ш

ШИШКОВ, А.С., адмирал 177
Шкура львиная 67
Шкура осла 253
ШОЛЕМ, Г. 236
ШТЕРН, Иоганн 29

Э

ЭВЛЕН, Клод 43
ЭВОЛА, Юлиус, барон 213
Эггьюмская надпись 191
ЭЛИЕН 45
Эликсир 136, 145, 160, 214
Элленический язык 178
Энтелехия 42
ЭРАСТ, Фома Либер 35
ЭРИУГЕНА, Иоанн Скот 182
ЭРФУРТ, монастырь в городе 6, 11, 12, 17, 23-26, 28, 29, 32, 34, 37, 129, 150
ЭСПАНЬОЛЬ, аббат 38, 172, 178, 190
ЭУРИДИКА-ЗЛАТОРЕЧЬ 143

Ю

ЮНГ, К.Г. 180, 205-207, 222, 238
ЮПИТЕР 64, 129, 167, 187, 196, 210, 222

Я

Язык гусей 187
Язык металлов 172, 182, 204
Язык Птиц 179, 245
ЯКОБСЕН 190

Adamas 93
Alcofribas 41
Aries, Acier 61, 210, 211, 245, 250
Brock, R. van den 225
CHAMPROCAY, A. 172, 174
Eyguem, Mathurin 79
Heliopolis 17
INRI 169
Kopp, Hermann 35
Lippmann, E.O.von 35
Motschmann 26
nigredo 180, 233, 234, 254
nigrum nigro nigrius 180
Palingenium, Marcellum 27
Rebis 140, 169
truks, trux 41, 189
Vitriol(um) 9, 13, 15, 40

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....6

Предисловие Василия Валентина.....49

***О Великом Камне Древних Мудрецов*.....54**

Двенадцать ключей.....70

Фигура первая.....72
Ключ первый.....73
Фигура вторая.....77
Ключ второй.....78
Фигура третья.....82
Ключ третий.....85
Фигура четвертая.....89
Ключ четвертый.....91
Фигура пятая.....96
Ключ пятый.....99
Фигура шестая.....104
Ключ шестой.....106
Фигура седьмая.....110
Ключ седьмой.....111
Фигура восьмая.....117
Ключ восьмой.....119

Фигура девятая.....127

Ключ девятый.....128

Фигура десятая.....133

Ключ десятый.....135

Фигура одиннадцатая.....139

Ключ одиннадцатый.....143

Фигура двенадцатая.....148

Ключ двенадцатый.....149

Стихи на первоматерию философского камня.....**151**

Краткое приложение.....**153**

Объяснение того, что есть сера.....158

О соли философов.....162

Благодарение Богу.....167

Дополнение.....168

Золото вещественное и золото умное.....**171**

Индекс.....**263**

Центр творческих исследований *"Беловодье"*

Беловодье — сокровенное русское понятие, встречавшееся у староверов, странников, искателей совершенства, священная страна на Востоке, место исполнения заветных человеческих желаний, где по преданиям живут праведники и мудрецы, сохранившие в чистоте духовные знания и истинную веру.

Беловодье следует понимать не только географически как реальную страну, пусть и легендарного характера, но и метафизически — как символ высочайшей духовной реальности и красоты, которая живет в человеческой душе. Это понятие перекликается с другими понятиями, дорогими для русского человека — Град Китеж, Святая Русь, Небесный Иерусалим, Тридевятое Царство. Искания Беловодья — это прежде всего внутренние, духовные искания истины и совершенства, происходящие в глубине сердца и связанные с традицией русских исканий.

Центр *"Беловодье"* занимается изучением духовных традиций: христианства, прежде всего православия, буддизма, ислама, индуизма, зороастризма, герметизма и Агни Йоги. Предметом исследований, ведущихся в центре, является духовно-психологическая практика этих традиций, их сакральная символика, влияние на отечественную и мировую культуру, связь с русской духовной культурой и архетипическими свойствами национального характера, а также их историческая перспектива в XXI веке.

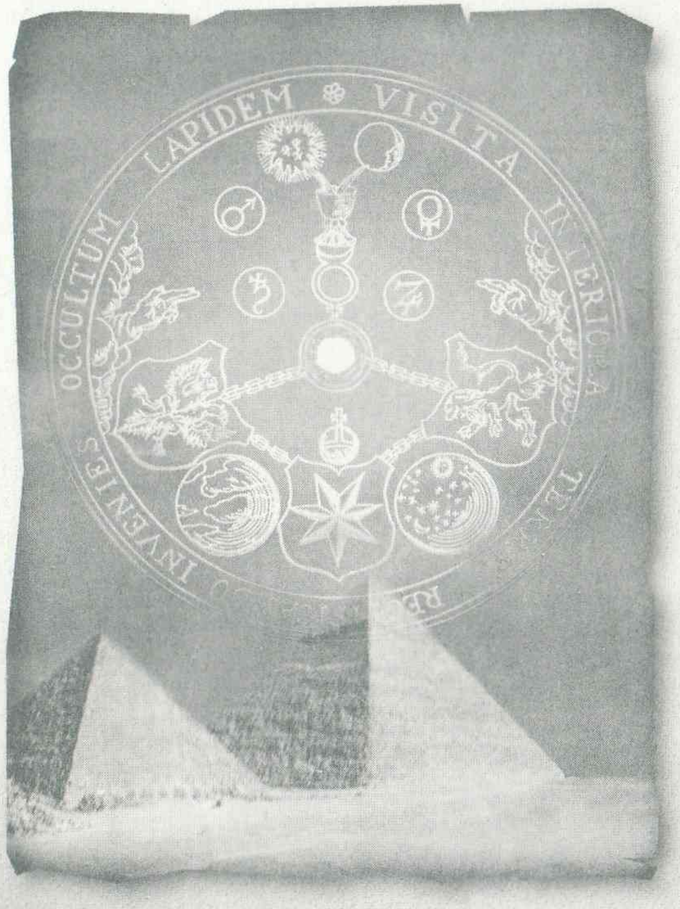
Ответственный редактор: *С.Ю.Ключников*
Технический редактор: *Б.В.Сергеев*
Корректор: *В. К.*
Оформление обложки: *С.А.Китов*

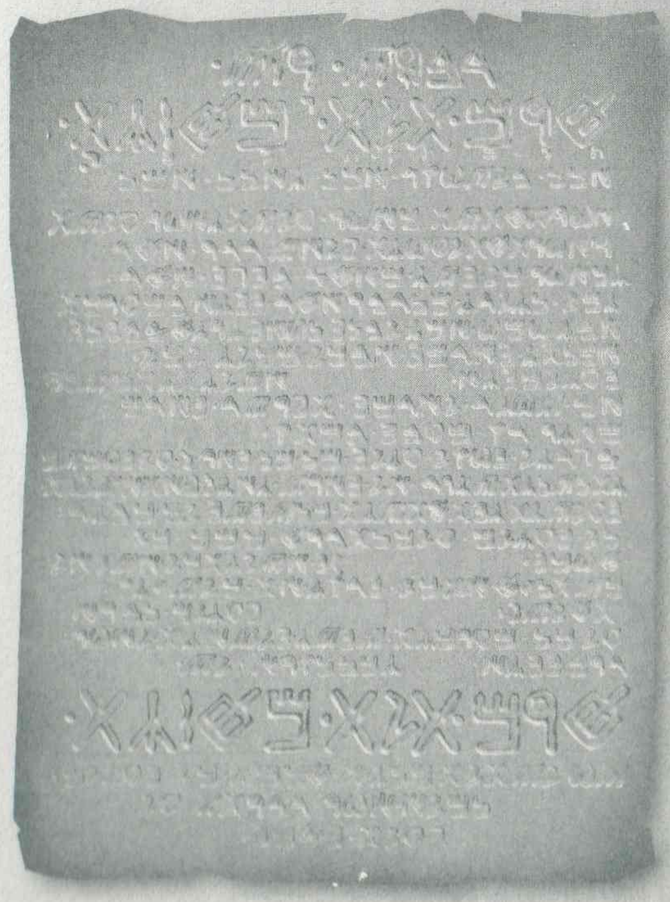
Василий Валентин
Двенадцать ключей мудрости

Издательская лицензия ЛР № 030635 от 15.03.95
Формат: 84 x 108/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура “Times ET”.
Усл. печ. листов 9,5. Тираж 5000 экземпляров. Заказ № 49

Центр творческих исследований “Беловодье”
Адрес: 103001, г. Москва, а/я 81, Молодовой Тат. Мих.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО “Можайский полиграфический комбинат”
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

LAPIDEM
VISITA
OCCULTUM

© Издательство "Белогорье"

ISBN 5-88901-014-x (38)

Васильев Валентин Денисович

2 000001 928303

Цена: 36.00 руб.